

Воспоминания о барде
Кате Яровой

КОГДА ДУША ЛЮБИЛА ДУШУ

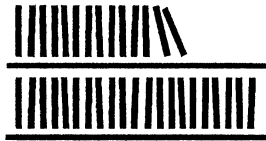
Татьяна
Янковская

Т а т ь я н а   Я н к о в с к а я

КОГДА ДУША ЛЮБИЛА ДУШУ

Воспоминания о барде
Кате Яровой

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС

Т а т ь я н а   Я н к о в с к а я

КОГДА ДУША
ЛЮБИЛА ДУШУ

Воспоминания о барде
Кате Яровой

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2019

УДК 929

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-9

Я 628

Янковская Т. В.

Я628 Когда душа любила душу. Воспоминания о барде Кате Яровой / Т. В. Янковская - СПб.: Алетейя, 2019. – 184 с.: ил.

ISBN 978-5-907189-25-6

Её сравнивали с Галичем, называли Высоцким в юбке, певшей от имени молчащих, автором самых проникновенных стихов о любви в советской поэзии – и самым недооценённым бардом России. Эти воспоминания помогут многим открыть для себя Катю Яровую (1957–1992). Татьяна Янковская познакомилась с ней, когда Катя приехала в Америку на гастроли в 1990 г. Их встреча оказалась судьбоносной – благодаря ей Татьяна опубликовала первую прижизненную статью о творчестве Кати Яровой, а позднее сыграла решающую роль в публикации посмертного сборника «Из музыки и слов» и выпуске избранных песен на трёх дисках. Автор воспоминаний рисует яркий портрет человека, незаурядного во всем: Катя была талантливым поэтом, чутким другом, очаровательной женщиной, обладала магнетизмом, притягивавшим к ней людей. Читатель встретит имена Е. Евтушенко, В. Смехова, И. Губермана, Л. Ошанина, Ю. Мориц, Д. Таубман, Б. Езерской и других видных деятелей культуры, а также многих любителей поэзии и авторской песни, бескорыстно помогавших сохранению и продвижению творческого наследия безвременно ушедшего барда.

УДК 929

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-9

ISBN 978-5-907189-25-6

9

© Т. В. Янковская (Tatyana Yamgom), 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

В тембре этого голоса нет ничего необычайного; это просто истина, которая льётся из сердца... и которая обольщает и увлекает с первых же тактов всех зрителей, если только этим людям когда-либо в жизни случалось плакать о чём-то другом, кроме денег и орденów.

Стендаль, «Жизнь Россини»

Вступление

Мне довелось познакомиться с Катей Яровой¹ и общаться с ней в последние три года её жизни. Катя открыла мне целый мир. Она открыла мне меня. Когда Катя была ещё жива, я понимала, что, хотя мы с ней очень разные, у меня ни с кем не было такого духовного родства, как с ней. Наши вкусы в поэзии и литературе были близки. Была и какая-то мистическая связь (о своих мистических связях с Катей говорили мне и другие).

Наверно, есть какой-то высший смысл в нашей встрече. Я начала писать, когда встретила её, о ней — и продолжала писать и о ней, и своё, когда её не стало. Катин племянник Миша Новахов сказал как-то, что один талант разбудил другой, и теперь, когда её нет, а я пишу, она как будто продолжает жить. Отношения с Катей — больше, чем дружба, они не описываются в обычных «земных» терминах. Этот свет, исходивший от неё... Когда у меня появились первые планы написать о Кате, возникло и название. Запись 26 февраля 1993 года: «Катя (моё знакомство с Катей Яровой и её стихами). Возможное название “Когда душа любила душу”». Обычно, когда я пишу о ней, я выбираю её слова для названия статей², но эта строка Вероники Долиной точнее всего передаёт то, что я чувствовала тогда и сейчас.

---

¹ Катя Яровая (1957–1992) — русский поэт и бард, автор около 350 песен и нескольких десятков стихотворений.

² Статьи можно найти на сайте <http://katyayarovaya.com/index.php/katya/38-articles>.

О Кате я могла бы говорить сутками, и сутками можно рыться в моих архивах и памяти, чтобы рассказать как о её жизни среди нас, так и о её жизни, продолжившейся без её физического присутствия, потому что она осталась живой в сердцах всех, кто принял участие в её судьбе, кто знал и любил её песни. Я хочу рассказать хотя бы малую толику того, что знаю. В 94-м появился план воспоминаний. Запись 28 декабря 1994 года: «Зачем я это пишу? Причин много, иначе я не стала бы этим заниматься. Во-первых, писать о Кате — удовольствие. Во-вторых, у неё было много друзей и любящая семья, и я думаю, что это важно для них. Кроме того — Катя смеялась, когда я это говорила, — у меня “комплекс Шуры Балаганова”: я люблю, чтоб всё было “по справедливости”. Я считаю, что Катино творчество до сих пор не оценено по достоинству, и пытаюсь это исправить. Я уверена, что с годами это изменится, что появятся исследователи, которые будут бережно собирать всё, что связано с жизнью и творчеством Кати Яровой. У них будет большое преимущество по сравнению с нами — перспектива, но что-то будет невосполнимо утеряно, и мы — очевидцы, друзья, современники — можем им в этом помочь. Наконец, я думаю, Катя *хотела*, чтобы я это делала. “Так что я вам, Танечка, всё это завещаю”, — сказала она мне перед своим последним путешествием, из Америки в Сибирь. Тогда, в сентябре 1992 года, я не хотела ни говорить об этом, ни слышать. Потом, вспоминая, пыталась понять и жалела, что не спросила. Ведь очевидно, что, раз у неё есть прямые наследники, говоря “завещаю”, она имела в виду что-то другое». Запись 20 марта 2000 года: «Наверно, она знала, что за мной не заржавеет. Память о ней не должна покрыться ржавчиной, порости быльём. Поэтому — книга».

Её творческий век оказался недолог, и это, я думаю, одна из главных причин Катиной малой известности, хотя она много выступала и этим зарабатывала на жизнь, а лучшее из написанного ею можно причислить к шедеврам русской поэзии и авторской песни. При развитии нынешних коммуникационных технологий стало гораздо легче приобрести быструю популярность, но Катя не дожидая этого бума. Возможно, отчасти так сложилось и потому, что у неё не было «широкой известности в узких кругах». Многие отмечали, что, когда Бродского просили назвать значительных поэтов-современников, он обычно называл своих

друзей из ленинградской поэтической тусовки. Катя не тусовалась, не суетилась, не «светилась» целенаправленно, не «пробивала» свои стихи, не принадлежала ни к каким литературным группировкам, школам и направлениям. Хотя говорила мне, что иронисты, например, признали бы её своей. Но всё это так или иначе ограничивало бы её, а Катя была внутренне абсолютно свободным человеком. Искусство — это когда художник старается как можно полнее и честнее выразить себя, раскрыть свой внутренний мир и передать своё осмысление мира внешнего. Не-искусство — когда он руководствуется тем, что будет хорошо продаваться (неважно, за деньги или за одобрение своей тусовки).

Так вышло, что Катю никто не проталкивал. Мало кто способен благословить, не сходя в гроб. Что это — боязнь конкуренции? Клановость? Может быть, дело в том, что песни Кати Яровой очень своеобразны, она ни на кого не похожа, а редакторы, издатели и критики чаще всего предпочитают то, что привычно, имени-тые же авторы — похожих на них, но более слабых молодых, и не нашлось старика Державина, который не только заметил бы её, но ещё и захотел бы благословить во всеуслышание. Впрочем, это не совсем так: Катю, когда она была ещё студенткой Литературного института, заметила и оценила Юнна Мориц, её уникальный талант отмечали и преподаватели Литинститута. Но расцвет её творчества совпал с перестройкой, когда, как писала мне Катя, «народ стал вплотную заниматься добычей денег и всяческих мат. благ, и интерес к концертам, особенно бардов, почти пропал... Но я считаю, что это временный и совершенно естественный процесс. А я являюсь всего лишь жертвой этого естественного процесса». Может быть, проявилось и типичное отношение многих профессиональных литераторов, не воспринимающих авторскую песню всерьёз. Это омрачило последние годы жизни Высоцкого, несмотря на всенародную любовь к его песням, а присуждение Нобелевской премии по литературе Бобу Дилану и премии «Поэт» Юлию Киму вызвало осуждение и неприятие более активное, чем в случае других спорных решений. И ещё одна — увы, грустная — причина: нет пророков в своём отечестве.

На самом деле как поэту Кате повезло, что она не была с ранних лет членом литературных студий, обществ, кружков поэтов, обсуждавших стихи друг друга, и тем самым избежала влияний и не

утратила независимости мышления. Её отклик на происходящее был собственным, не на потребу социальному запросу властей или эстетическим и идеологическим требованиям своей тусовки. Свидетельство тому — неожиданные для всех публичные похороны своих политических песен, которые она устроила в АПН в разгар перестройки. Даже позднее поступление в Литературный институт сыграло положительную роль, потому что именно юные, неокрепшие мозги легче поддаются «стрижке под одну гребёнку». Привычка препарировать стихи, вместо того чтобы воспринимать их непосредственно, нутром, мешает автору создавать, а аудитории наслаждаться тем, что не санкционировано «высшими инстанциями» — друзьями-поэтами, руководителем и членами семинара, известными критиками. Катя начала всерьёз писать, будучи вполне зрелым человеком, поэтому, хотя многие её песни раннего периода ещё не достигли мастерства, отличавшего творчество последних лет, они свидетельствуют о зрелости ума и сердца и о нравственной зрелости.

Нет пророков в своём отечестве и в чисто бытовом смысле. Редактор Р. М., которая знала Катю ещё по Москве (она дружила с сестрой Никиты Якубовича, с которым Катя тогда жила), говорила мне, что, хотя она слышала Катины песни в то время, не вполне осознавала её масштаб, потому что «трудно всерьёз воспринимать творчество человека, когда видишь его пробегающим мимо тебя в халатике из ванной». Об этом же говорила Катина подруга Оля Гусинская: «Большое видится на расстоянии»¹. Она рассказывала нам с Сашей Эйдлиным, который приезжал ко мне в августе 2015 года, чтобы записать на видео разговор с Олей: «Катя писала песни, но это было в порядке вещей. Мы все тогда писали песни». Катина сестра Лена передавала слова их бабушки — пусть бы Катя не писала своих песен, а была бы здорова и счастлива. В отличие от тех, кто давно и близко знал Катю, я сразу увидела её «на расстоянии». Конечно, и для меня было так же важно, чтобы она была здорова, но если бы не её песни, я бы с ней просто никогда не познакомилась. Изначальная точка отсчёта у меня была другая. Для меня Катя Яровая — и человек, и явление.

---

¹ Сергей Есенин, «Письмо к женщине».

Моя память о ней вмещает десятки людей, которые появились в моей жизни благодаря ей. Катя для меня существует в непрерывном общении с этими людьми, как при её жизни, так и после. Они — неотъемлемая часть пространства, в котором она жила и пела. По определению М. М. Бахтина, «всякая лирика жива только доверием к возможной хоровой поддержке», она существует «только в тёплой атмосфере, в атмосфере... принципиального звукового неодиначества». Это тем более справедливо по отношению к бардовской песне. Разговор о Кате неотделим от рассказа о тех, кто создавал эту атмосферу вокруг неё. Поскольку я пишу воспоминания, а не биографию или роман, повествование разворачивается в соответствии со временем, которое занимала в моей жизни Катя и всё, что связано с продвижением её творчества. В основном я опираюсь на свои записи и переписку тех лет, но приходится полагаться и на память, которая может порой подвести.

Катя дважды приезжала в Америку, в 1990-м и в 1992-м году, провела здесь в общей сложности полтора года. Именно здесь ей поставили диагноз: первый раз — рак груди, второй раз обнаружили обширные метастазы. Когда химиотерапия не помогла, она уехала в сентябре 92-го года в Новосибирск, где её лечили нетрадиционными методами, но не помогли и они. Двенадцатого декабря её не стало.

Знакомство

Летом 1990 года наша подруга София Лубенская, известный лингвист, доцент кафедры славистики Университета штата Нью-Йорк в Олбани, принесла нам послушать кассету с песнями барда из Москвы Кати Яровой. «Она владеет словом, это интересно». Соня сказала, что у Яровой рак груди, она перенесла операцию, прошла курс лечения, начала выступать с концертами и заинтересована в заработке. У нас были гости. Крутилась плёнка, продолжался общий разговор, и до меня долетали только отдельные удачные фразы из песен. Например, «Жить в рабстве так же сладко, как спать ребёнку в мокрых пелёнках: хоть мокро

и темно, но тепло и по-своему уютно...» Одна из гостей, молодая мама Ира Р., возмущилась: «Неправда, ребёнку неприятно лежать в мокрых пелёнках!» Остальные заспорили, защищая удачный поэтический образ. Но в основном песни прошли тогда мимо ушей. А через несколько дней был праздник — День труда, и мы с мужем и дочкой на три дня отправились с палаткой на северо-восток штата Нью-Йорк.

Выезжаем вечером. Еле различимые в темноте Адирондакские горы близко подступают к дороге. Боря за рулём, крутится плёнка, я дремлю под музыку и шуршание шин. Вдруг что-то вывело меня из дрёмы, и тут же Боря попросил перемотать плёнку назад. И зазвучало, отпечатываясь в мозгу каждым словом, каждой нотой, каждым звуком удивительного голоса: «Память, словно кровь из вены, хлещет — не остановить...». Это была первая песня из цикла «Прощание». И сразу после неё — «Посвящается Никите Якубовичу», и звучит третья песня из цикла: «Настанет день — и в воздухе растает твоё лицо...» Так я начала по-настоящему слушать Катю. Три дня колесили мы по Адирондакскому заповеднику. Ходили по лесам и горам, купались в озёрах — Таккер, Колби, Саранак. Горы — синие по утрам и сиреневые на закате, в долинах маленькие деревеньки с церквями и пивными барами, огромные рыжие коровы с длинной вьющейся шерстью. И все три дня непрерывно — Катин голос. Кончается плёнка — начинаем сначала, так что Наташа, в то время студентка университета Кларка, даже взмолилась: когда же мы будем слушать кассеты, которые она взяла с собой? Спрашиваем — разве ей не нравится Катя? Её комментарий: нравится, но непривычно высокий голос, слишком грустные песни. Объясняю, что грустно — совсем не плохо. Напоминаю пушкинское «мне грустно и легко, печаль моя светла». Позднее узнала, как эта строчка дорога Кате.

Песни вновь открытого барда сразу не просто полюбила, а заболела ими. Ставила её кассету всем, кого мы возили в машине, кто приходил к нам в гости. Когда доходило до «Настанет день...», все без исключения спрашивали: «Это она сама написала?» Я позвонила Соне Лубенской, не собирается ли университет пригласить Яровую с концертом. Мы уже привыкли к выступлениям в его стенах известных деятелей русской культуры — незадолго до этого приезжали Василий Аксёнов, Юнна Мориц, Анатолий

Найман, переводчик Алексей Михалёв; показывали фильмы — например, «Покаяние». Соня сказала, что у университета нет на это денег (когда перестройка начала приносить ощутимые плоды, американцы сократили гранты на изучение русского языка и русские культурные программы). «Но вы можете сами её пригласить. Я не могу, у меня слишком мало места».

Соня взяла у Киры Камской, от которой получила кассету, Катин телефон, и я позвонила ей с предложением устроить концерт в Скенектэди (соседний с Олбани город), хотя раньше ничем подобным не занималась. Не будучи уверена, что она приедет и мы встретимся, сразу говорю ей о впечатлении, произведённом на меня её песнями, называю имена Галича, Высоцкого, Цветаевой, тогда ещё не зная, как важны они для неё самой. И физически ощущаю, как она слушает, — как будто в трубке образовался вакуум, втягивающий мои слова. Она умела слушать и вести беседу как никто. С другими разговор часто шёл по принципу: «А у нас в квартире газ! А у вас? — А у нас водопровод, вот!» И нередко до «а у вас» дело вовсе не доходило. Не так с Катей. От неё редко приходилось слышать «не помню, говорила ли я вам», обычно — «помните, я вам говорила?». Единственное, что она забыла за время нашего знакомства, — то, что я в школьные годы жила на Северном Урале, где она сама родилась в 1957 году в Свердловске (я жила в это время в Березниках Пермской области). «А мы с вами это обсуждали?» — серьёзно спросила она, когда это снова всплыло в одном из наших разговоров. И я оценила её вопрос, потому что считаю, что её уральское детство было важным для развития свободы обращения с языком и самобытности характера — как написал Пушкин в «Барышне-крестьянке», столичное воспитание «сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы». Ведь и у Ахматовой были Одесса, Крым, Царское Село, а у москвички Цветаевой — няня с цветистым, выразительным просторечием и летняя Таруса. В рабочей тетради Яровой есть такие строки:

Помню морозы, сугробы по уши,
Помню я полные снега пимы,
Помню уральцев суровые души,
Полные снегом уральской зимы.

На разговоры там люди не падки.
Видно, уж так повелось в старину:
На все вопросы ответ будет краткий —
Неторопливо-протяжное «ну».

Катя сказала мне, что с 18 сентября по 10 октября будет в Калифорнии, 13 октября приедет в Амхерст, где остановится у Джейн Таубман или у Виктории Швейцер, 18-го у неё выступление в колледже в Вильямстауне, а после 20-го она сможет выступить у нас.

Двадцать первого октября 1990 года мы с мужем поехали за Катей в Массачусетс, где она жила у профессора Амхерст-колледжа Джейн Таубман, слависта, переводчицы, специалиста по творчеству Цветаевой. Катя вышла к нам в джинсовой юбке миди, расширяющейся книзу, коротком свитерке василькового цвета, вышитом спереди мелкими, редкими жёлто-красно-зелёными цветами. Белый воротничок блузки из-под круглого выреза, на ногах модные тогда белые спортивные тапочки. Загорелое лицо, светлые короткие волосы — симпатичная современная девушка, хотя внешность её показалась мне проще, чем я ожидала. Её одежда и облик сочетались со сдержанным теплом октябрьского дня, безоблачным небом, с яркими красками осенней листвы с краплениями хвои на склонах гор, тянувшихся вдоль шоссе.

В машине Катя грызла яблоки, много и оживлённо говорила и нравилась мне всё больше и больше. У неё был трезвый ум, цепкий глаз, бескомпромиссное отношение к принципиальным для неё вещам, обаяние, чувство юмора, естественность, абсолютная доброжелательность. На мой вопрос, сколько ей лет, ответила: «Тридцать три. Возраст Христа». Из её замечаний в том разговоре: Бродский, Высоцкий — гении нашего времени, Битлз — Моцарт нашего времени, Высоцкий — Пушкин нашего времени. Такая у неё была формула — «... нашего времени». Сказала, что ей очень близка Цветаева — своей страстностью, неуёмностью. Тогда же она произнесла свою замечательную фразу: «Я искусство воспринимаю спиной: если мурашки бегут, значит, хорошо». На эту тему написаны трактаты и монографии, а ей хватило короткой, выразительной формулы, которую я потом часто цитировала. Девятнадцатого июня 1995 года за завтраком у нас на кухне

в Скенектэди я рассказала об этом Вениамину Смехову, концерт которого состоялся накануне. Он ответил очень интересно: «Да, но ведь мурашек может уже и не быть...» Он считал, что количество эмоций, которые тратятся на восприятие, ограничено и постепенно растрачивается, и может наступить момент, когда уже не сможешь *так* воспринимать. Это было важное для меня открытие: ведь и правда есть люди, которые просто неспособны открыть свою душу искусству. В то же время я думаю, что даже при изнашивании, условно говоря, «спины», по которой могут бежать мурашки, встреча с настоящим искусством может вызвать потрясение и восторг в любом возрасте. Неоднократно в этом убеждалась, выступая впоследствии перед группами стариков-пенсионеров с презентациями, посвящёнными Кате.

На мой вопрос, не является ли она членом Союза писателей, Катя ответила: «Как можно? У них же руки в крови». Я возразила, что Высоцкий, например, переживал, что его не принимали в СП, а ленинградский поэт Ольга Бешенковская рассказывала в интервью, как трудно ей лечить больного сына из-за того, что она не имеет льгот, связанных с членством в Союзе. Катя согласилась: «Наверно, я избалована. Мне люди многое делают за мои песни. Я, например, дала концерт в районной детской поликлинике, и теперь, когда мы с дочкой туда приходим, нас просто берут на руки и несут по кабинетам». Рассказала также, как пришла недавно с подружкой на педикюр, и в знак любви к Катиным песням педикюрша отказалась брать деньги не только с неё, но и с подруги.

Когда возле нашего дома мы вышли из машины, Катя заметила и похвалила мои ботинки. Ботинки и в самом деле были достойны внимания, за них я получала комплименты даже от продавщиц больших универмагов, которые на этом собаку съели. Катя, как я заметила, не делала комплиментов зря: когда она однажды похвалила мою стрижку, это действительно была самая удачная моя стрижка, когда сказала «у вас красивое платье», это было уникальное платье работы местного дизайнера и т.п.

Когда мы вошли в дом, на верхней ступеньке короткого пролёта лестницы, ведущего на второй этаж, стояли вышедшие нас встречать пушистые красавцы: огромный белый ангорский кот Сэм и кошка Филя, дымчато-серая с белым нагрудником. Катя ахнула,

села на ступеньки, положив рядом гитару, и протянула к ним руку. Позже она сказала, что очень любит кошек, но больше их не держит, с тех пор как живший у неё в квартире на Калининском проспекте котёнок выпал с семнадцатого этажа. Сказала: я сама, как кошка, когда попадаю в новое место, хожу осторожно, приглядываюсь, принохиваюсь. Выйдя из комнаты, где мы её разместили, она удовлетворённо объявила, что по астрологическим знакам мы все хорошо сочетаемся, никаких проблем и противоречий.

Я поинтересовалась, когда и чем её кормить. Катя сказала, что перед выступлением она обычно не ест, а вот после — обязательно, потому что теряет до двух килограммов за концерт. Но на лёгкий ранний ужин согласилась. Я сделала форель с миндалём по французскому рецепту. Предложила ей выпить, но она отказалась. А я к приезду Кати купила водку четырёх сортов — всё-таки бард, хоть и женщина. Я слишком буквально восприняла слова её песни о бродячем поэте: «Он вам споёт, ещё ему налейте водки!» Я не разбиралась в водке и на всякий случай набрала разной. Помню, одна из них называлась «Камчатская».

Катя сказала, что перед концертом должна уединиться на час-другой, подготовиться и порепетировать, и закрылась у себя. Когда она вышла, я спросила, какую лампу включить и где её поставить, чтобы сама Катя была освещена, а зрители оставались в тени. «Включите весь свет, какой есть!» Оказалось, что она любит выступать при свете, и даже если в совместных концертах другие выступают перед тёмным залом, Катя, выходя на сцену, первым делом просит включить свет. И мы включили люстру, торшер и настольные лампы, включили свет в прихожей и на кухне, откуда, при открытой планировке нашего дома, тоже падал свет.

На концерт пришло человек тридцать. Я тогда ещё не знала, что собирается обычно не больше трети приглашённых, и звонила только своим знакомым. В последний момент некоторые не смогли прийти. Зато был приятный сюрприз: Полина Шварцман, инженер из Одессы, которая вела разговорную группу по русскому языку в колледже Скидмор в Саратоге, привела с собой Наталию Рохлину, которая преподавала там русский язык. Наташа пришла в восторг от Катиных песен, пообещала устроить её концерт в своём колледже, а также связаться с коллегами из других вузов штата Нью-Йорк, чтобы и они пригласили Катю выступить.

Кроме песен, которые мы знали по кассете, Катя пела и новое для нас, в том числе «То живу я в доме этом, то живу я в доме том...». Премьера песни, сказала она. Песня произвела на меня огромное впечатление. На глазах моей дочери Наташи, сидевшей рядом со мной, были слёзы. Катя сопровождала своё выступление, как она это обычно делала, рассказами, смешными байками. В какой-то момент после очередной песни не было аплодисментов — возможно, слушатели решили, что это часть цикла или некой группы песен, — и, когда это повторилось, Катя сказала: «А чего это вы не хлопаете-то?» И народ дружно зааплодировал.

Пришедшие прониклись Катиным обаянием. Одна пара предупредила меня, что они уйдут после первого отделения, но, видимо, быстро уладив или отменив свои дела, вскоре вернулись обратно. Перед антрактом Катя, объявляя о продаже аудиокассеты, тоном заправского американского коммивояжёра иронически отчеканила цену: «Nine ninety-nine!» Марина Ш., покупая кассету, дала мне \$70 долларов и попросила не говорить об этом Кате: «Просто хочу ей помочь».

Во время перерыва все вышли в сад. У нас за домом было патио с садовой мебелью и холм, поросший лесом. Катя курила, сидя за столом, и беседовала с окружившими её гостями. Я сновала туда-сюда, как положено хозяйке, но мне удавалось услышать обрывки разговора. У Кати спрашивали, не хочет ли она остаться жить в Америке. Она рассказала о своих сомнениях, одно из главных — утрата языка. Она сказала, что не хотела бы, чтобы её дочка, выросши в другой языковой среде, не смогла оценить прелести пушкинского «печаль моя светла». Эта строка, которая могла родиться только в русской поэзии, стала Катиным постоянным спутником — это и «печаль неосветлённая», и команда себе «душу заполнить светлой печалью!» В девять лет её дочь уже читает Библию, сказала Катя с гордостью.

Когда все разошлись, мы долго сидели на кухне, ели-пили-закусывали. Я наивно продолжала потчевать Катю водкой. Но после второй стопки она сказала: «А может, хватит?» Потом я не слышала, как она говорила на концертах: «Прошу не путать меня с моей лирической героиней». Это был как раз такой случай.

Говорили о русском роке. Кате нравился Цой. В остальном, как и мы, она прохладно относилась к русским рокерам. Рассказала,

что четыре раза была замужем, «каждый следующий муж был хуже предыдущего». Скептически отзывалась о современной советской журналистике — хотя, сказала она, недавно прочитала хорошую статью своего второго мужа, Александра Минкина. (В 2003 году на вечере памяти в Москве Александр в своём выступлении признался, что начал писать под влиянием Кати: «Если бы не Катя Яровая, никакого журналиста Минкина не было бы вообще в природе».)

Мы обе обратили внимание на какие-то совпадения у нас с ней: отец — Владимир, сестра — Лена, фамилии начинаются и кончаются на «я», обе жили в детстве на Урале, у обеих отцы евреи (у Кати и мама полуеврейка), у обеих были родственники в Мелитополе. В жизни Кати большую роль играла её бабушка Бася Генриховна Квасман, мудрый, незаурядный человек, в моей — моя бабушка Циля Львовна Янковская. (Это даже вызвало позднее забавную путаницу. Когда в «Континенте» была опубликована моя статья о Кате, я, зная, что у Яровых уже есть этот номер, отправила им с оказией один экземпляр для передачи моей сестре и бабушке с надписью: «Леночке и бабушке о моей любимой Кате». Лена Яровая решила, что журнал предназначался для неё и Баси Генриховны. Потом это недоразумение разрешилось.) В рабочей тетради Кати я обратила внимание на кусок:

Потом —

В полкомнаты рояль, покрытый пылью,

И голос мамы:

«В Антарктиде льдины землю скрыли,

Льдины в Антарктиде замела пурга.

Здесь одни пингвины прежде жили,

Ревниво охраняя свои снега».

И отметила ещё одно совпадение: я сама играла на рояле и пела эту песню, в том числе в составе вокально-инструментального ансамбля нашего класса. А Кате в это время играла и пела ту же песню мама.

В понедельник я уехала с утра на работу (я тогда работала в аналитической лаборатории отдела технологии в GE Plastics, дочерней компании General Electric), а Боря взял день отпуска (он

тоже работал в General Electric, но в научно-исследовательском центре), чтобы записать кое-какие песни, которых не было на кассете, и отвезти Катю обратно в Амхерст. Он записал тогда десять песен — правда, Катя сказала, что по утрам она обычно не в голосе. И вот во вторник по дороге на работу я ставлю в машине новую кассету и первое, что слышу: «Песня для Танечки». И потом — «То живу я в доме этом...», так понравившуюся мне.

На работу я приехала в состоянии эйфории. Меня сразу вызвал начальник отдела и сообщил о моём увольнении. Удар был амортизирован словами «песня для Танечки», произнесёнными неповторимым Катиным голосом. В Америке тогда был очередной кризис, и у нас были уволены почти все, проработавшие, как и я, меньше двух лет, плюс ещё несколько человек, должности которых сократили. Из примерно двадцати пяти уволенных было только четверо мужчин, остальные женщины, хотя они составляли не более 5% от общего числа работников фирмы (интересная тема, об этом я как-нибудь напишу отдельно). Нам всем предложили проехать в специально снятое в отеле в Олбани помещение, где с нами сразу начал работать нанятый за большие деньги консультант (за эти деньги несколько уволенных могли бы работать целый год). Все были сражены внезапной потерей работы (как сказал консультант, только смерть близкого человека и развод имеют более сильный негативный эффект на человека). Мне было легче, чем другим, потому что у меня была «песня для Танечки» и другие чудесные песни, которые я слушала в машине по дороге в отель, заряжаясь энергией, вдребезги разбивающей негатив.

Узнав о моём увольнении, Катя расстроилась. Она была очень отзывчивым человеком, переживала за меня, утешала, говорила, что всё в жизни не случайно: «Может быть, Танечка, вас уволили для того, чтобы вы сделали что-то такое, о чём вы ещё сами не знаете». Рассказала мне две притчи, которых я раньше не слышала. Одна из них о том, что удары судьбы нередко оборачиваются её подарками. Так, у бедного крестьянина сбежал любимый конь — всё его достояние. Но конь вернулся и привёл с собой табун диких лошадей, которых крестьянин объездил, продал и разбогател. Его сын, объезжая коня, упал и сломал ногу, но благодаря хромоте его не взяли на начавшуюся войну, и он единственный из своих сверстников уцелел и т.д. Во второй притче Господь, услышав

молитвы человека, которому сильно не везло в жизни, пообещал ему помочь. И человек стал ждать помощи свыше. В том краю случился ураган, вызвавший сильнейшее наводнение, соседи эвакуировались на лодке и предложили ему плыть вместе. Но он отказался, так как ждал Божьей помощи. Вода всё прибывала, и мимо проплыла вторая лодка, где было свободное место, но человек снова отказался присоединиться. Пытаясь спастись, он забрался на крышу дома, и тут снова проплыла лодка, и люди опять предложили взять его с собой. Но он ответил, что не поедет, что ему поможет Бог. Когда пучина поглотила дом, тонущий человек возроптал на Бога: «Почему Ты обещал и не помог мне?» В ответ раздался глас Божий: «Да я тебе трижды лодку на помощь посылал, почему ж ты не воспользовался?!» Мораль: надо уметь читать свою судьбу.

Работу для химика в столичном округе штата Нью-Йорк, называемом районом Трёх городов (Three City area) — Олбани, Скенектэди и Трой, — найти было трудно всегда, а уж во время кризиса и подавно. Я звонила, писала письма, рассылала резюме и т.д., ходила в центр, где всё тот же консультант проводил тренинги. Специально нанятая машинистка печатала нам всё, что требовалось для поисков работы, стояли телефоны, по которым можно было бесплатно звонить агентам по трудоустройству и потенциальным работодателям (мобильных телефонов ещё не было), но всё было безрезультатно. А в свободное время, которого без работы у меня стало гораздо больше, я искала, кто мог бы устроить Кате концерт, помогала ей продавать аудиокассеты. Люди их охотно покупали, причём некоторые присылали больше, чем стоила кассета, — так, одна моя подруга прислала \$50 вместо \$10, другая \$20. Все хотели помочь. Неожиданно легко оказалось находить желающих организовать концерты для Кати — у меня ведь не было знакомых в этой сфере, а тут зверь бежал на ловца. Моя подруга Жанна Каплан из университета Брандайс связала меня со своей коллегой Инной Броуде, и та дала мне телефон музыковеда Владимира Фрумкина, специалиста в области авторской песни, работавшего тогда на «Голосе Америки» в Вашингтоне. Когда я позвонила ему насчёт Кати, он страшно обрадовался: «А я её повсюду ищущу». Оказалось, что он уже слышал её песни и безуспешно пытался с ней связаться. Фрумкин помог

Кате с организацией нескольких концертов. Ей нравилось, как Владимир с дочерью Майей поют песни Окуджавы и Н. Матвеевой, вскоре после знакомства с ним она прислала мне их аудиокассету. По её словам, эту запись любил Окуджава, он говорил: «Слушаю Майечку и не могу — плачу». После встречи с Владимиром Катя сказала, что в разговорах по телефону он был более открыт, восхищался её песнями, а в личном общении был более сдержан. Позднее Фрумкин написал прекрасную миниатюру об их знакомстве для Катиного посмертного поэтического сборника.

Каждый раз, когда она сообщала мне об очередном предстоящем выступлении, я звонила жившим поблизости знакомым, чтобы они пришли сами и привели других. Выступала она на Восточном Побережье (Новая Англия, штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания), в Калифорнии и в штате Огайо, где жила её подруга детства Татьяна Зуншайн. Как-то Катя позвонила мне из Калифорнии и тоном заговорщицы, с протяжными уральскими интонациями сказала: «Ну-у, Танечка, ваша ручка везде достаёт. Вчера на концерт пришла прекрасная женщина — Эмма, купила кассеты, принесла кучу подарков для Катечки». Эмма мне потом сказала, что было два подарка. Рассказывая через некоторое время про выступление в Бостонском общинном колледже, Катя сказала, что её прекрасно принимали, «принесли кучу цветов». Моя подруга Жанна, которая была на том концерте и подробно мне о нём рассказала, говорила, что цветы подарила она и какой-то парень. Может быть, был кто-то ещё. Но Катя не преувеличивала, считая «раз, два, куча», а то и «раз, куча» — это лишь ещё одна характерная для неё формула. Сначала я думала, что, несмотря на необыкновенную популярность её выступлений, она не была избалована материальными знаками внимания, но это было не так. Просто она умела ценить внимание к ней и радовалась этому. Об отношении к себе и своим выступлениям она прекрасно знала. Однажды я спросила у неё: «Как прошёл концерт?» Она ответила: «Бессмысленный вопрос. Концерты всегда проходят хорошо».

Выступая у нас дома, Катя говорила, что в России её ничто не держит, кроме дочки, по которой она очень скучает. Я процитировала эту фразу в небольшом тексте в четыре параграфа, который написала по-английски для нашего друга Миши Гольдина в Чикаго, где он пытался организовать Кате концерт

в Еврейском центре. (В Чикаго она так и не поехала — не было попутчиков или спонсоров, а билет на самолёт стоил дорого.) Потом этот текст пригодился для организации других её концертов перед американскими аудиториями. По Катиной просьбе я сделала ксерокопии, и она сказала, что использует их как свою визитную карточку, кладёт на стол перед концертами. Потом перестала это делать после замечания Вики Швейцер: «Зарабатываешь, чтобы оплатить лечение? Ну-ну». Врачи в Амхерсте лечили Катю бесплатно, а жила она во время лечения у Джейн Таубман, Элейн Ульман и у той же Виктории. Катя была очень щепетильна и не хотела, чтобы мой текст был неправильно истолкован. Она с восхищением рассказывала мне о книге Швейцер «Быт и бытие Марины Цветаевой», после чтения которой, ещё в Союзе, написала Виктории письмо.

В конце ноября с подачи Наташи Рохлиной Кира Стивенс организовала Катины выступления в колледже Гамильтон и университете Колгейт неподалёку от нас. Оттуда Катя приехала в Олбани. Она вышла из автобуса в белом свитере с большим воротом, расстёгнутой куртке из коричневой кожи и таких же брюках, заправленных в модные тогда высокие сапоги-ботфорты. Спортивная сумка через плечо, в руках гитара («я с гитарой и сумою в самолётах и в метро»). Кате предстояло ещё два концерта — в колледже Скидмор в Саратоге и в Юнион-колледже в Скенектэди. Первый организовали Наташа Рохлина и Полина Шварцман, второй — моя знакомая Марина Рудко. Марина преподавала русский язык в Юнионе, втором старейшем колледже Америки после Гарварда. Заведовала русским отделением там Надежда Алексеевна Жернакова, лет шестидесяти, ведущая свою родословную от представителей первой эмиграции, как и Марина.

Объявление в газете Юнион-колледжа: «Кафедра современных иностранных языков совместно с Русским клубом выступят спонсорами концерта **Кати Яровой**, видного русского барда из Москвы. Ей 33 года, она автор примерно 300 песен, в которых она поёт о перестройке и гласности, трагической судьбе своей родины России, о любви, воспоминаниях детства, особенностях советского образа жизни. Некоторые из её песен считаются в Советском Союзе слишком откровенными даже сегодня, в эпоху официально объявленной гласности. Её приглашали несколько колледжей и

университетов, включая Йель, Амхерст и Вильямс. Она поёт по-русски, но на концертах в США аудитории предоставляются письменные переводы её песен. Концерт состоится в четверг 29 ноября, 1990 г. в 7:30 вечера в помещении College Center, аудитория 406»¹.

Катя провела у нас несколько дней. Поскольку я не работала, то всё время была с ней. Мы гуляли — благо осень стояла тёплая, снегопадов ещё не было — и говорили, говорили. Катя подумывала о том, чтобы остаться в Америке, но не верила в то, что будет кому-то здесь нужна со своими песнями, без знания языка. Я же считала, что всё возможно, что, может быть, она сможет выступить перед американской аудиторией не только в колледжах. А может, Лори Андерсон, у которой тоже есть политические песни (например, знаменитая песня о собаке Эдисона), согласилась бы дать Кате немного времени в своих концертах. В любом случае, если жить здесь, нужно осваивать английский, вживаться в эту культуру. Может быть, со временем она смогла бы петь свои песни в переводе и даже писать новые на английском языке. А может, она могла бы вести разговорные семинары в каком-нибудь колледже, ведь требуются же носители языка! Полина Шварцман даже не филолог по образованию, а работает — правда, почасовиком — в престижном колледже (в 90-е годы в Скидморе работала Татьяна Толстая, за год до своей смерти там выступал Бродский). По деньгам это немного, но если бы Катя продолжала давать концерты, в том числе перед эмигрантами, и продавала свои кассеты, это давало бы дополнительный заработок. Можно параллельно учиться, получить здешнюю магистерскую степень, что помогло бы в трудоустройстве. Наверно, Джейн Таубман могла бы ей в этом помочь.

Я рассказывала Кате о карьере Джоан Баэз, которая тоже исполняла политические песни наряду с балладами и любовной лирикой. Молодой Боб Дилан начинал с того, что пел с молоденькой, но уже знаменитой Джоан (у них был роман) в качестве «разогрева» перед её концертами, а потом перерос её в славу и популярности. Я показывала Кате статьи с их фотографиями и книгу воспоминаний Баэз. Катю заинтересовало, что Баэз одно время

---

¹ Здесь и далее перевод с английского автора.

выступала в мужском костюме, одетая под Боба Дилана. Спросила, не лесбиянка ли она. Действительно, в воспоминаниях Джоан писала об одном своём гомоэротическом романе. Катя сравнила это с цветаевским романом с Софией Парнок, сказала, что недавно напечатали цикл Цветаевой «Подруга», обращённый к Парнок, и сборник стихов этой поэтессы. Я об этом слышала впервые.

Мы вместе слушали песни моих любимых американских исполнительниц и авторов песен. Сидя на диване, следили за текстом на конвертах, и я переводила Кате с английского. Когда я ошиблась во времени глагола, переводя замечательную песню Джоан Баэз «Бриллианты и ржавчина», Катя меня поправила. Значит, не так уж безнадежен был её английский! Я заводила ей пластинки Библи Холидэй — хоть и другой жанр, но в её репертуре есть проникновенные лирические песни. Кате понравилась моя любимая «Не объясняй» (Don't Explain), но о песне «Любовник» (Lover Man) она высказалась презрительно — дескать, размечталась деваха о мужике.

Катя рассказала, что не сразу нашла себя: пыталась поступить в театральный институт, но не поступила, работала натурщицей, костюмером, театральным администратором. В двадцать шесть лет поступила в Литературный институт, семинар Льва Ошанина. Зарабатывает на жизнь концертами, а её трудовая книжка лежит в театре «Группа граждан». Её дочка говорила: «Моя мама работает бардом».

В один из дней Катя сказала, что ей нужно купить плащ, и попросила свозить её в магазин. Мы поехали в самый большой в то время в нашем районе молл¹, в котором был универмаг Macy's, считавшийся одним из лучших в стране, и множество мелких магазинов. Катя ориентировалась в них мгновенно: «Так. Уходим». А в дорогом магазине мехов M. Solomon, где была и другая верхняя одежда, задержалась. Ей приглянулся плащ, который даже со скидкой стоил немало. Но ей только что заплатили за прошедшие концерты, и она должна была получить гонорар за предстоящие. Оля Гусинская на вечере памяти в 2003 году говорила о Катиных уроках: «Мы все у неё многому научились». Это тоже был урок — не жалеть денег на нужную вещь, покупать то, что действительно

---

¹ Торговый центр (англ.).

нравится. Помню, мы много смеялись, бродя по моллу. Катя говорила, что из Москвы пишут такие страсти, что москвичам, кажется, остаётся только завернуться в белую простыню и ползти на кладбище, а она вот тут плащ покупает.

Дома за обедом она у меня спросила, что я думаю о землетрясении в Армении. Ведь армяне и так пострадали в Карабахском конфликте, за что же им ещё и это? Я сказала, что тоже думала об этом; что, наверно, армянам как пострадавшей стороне («Ну, там уже с обеих сторон сделано достаточно», — перебила Катя) было послано это испытание, чтобы привлечь мир на их сторону, забыть о распре и думать только о помощи им. «А по-моему, Бог испытывает тех, кого любит», — сказала Катя. Я не раз это вспоминала потом. В одной из её песен, посвящённых художнику Эдуарду Дробницкому, есть слова «блат выше иметь невозможно — его протезирует Бог». А её? Пожалуй, нет. Но любил — то есть, по её определению, испытывал. И как испытывал! Но она знала, что Он её любит, отсюда такое доверие: «Где же ты, где же ты, добрый мой Бог?» «Это кто же, кто же, дети, кто добрее всех на свете, кто на облаке сидит, на детей своих глядит?» Во всяком случае, она была отмечена Богом, в том числе физически. Наверно, не случайно у Кати всерьёз открылся песенный дар после рождения дочери в 1981 году. Плодоносящее лоно — это символ творчества. Катя говорила, что на концертах у неё часто спрашивали: «А что будет, если вы родите второго ребёнка?» Она отвечала, что если у неё эта способность так же неожиданно закроется, как открылась, тогда она родит второго ребёнка и посмотрит, «что за это дадут».

Обычно я не спрашиваю у творческих людей, как это часто делают другие: «Что вы этим хотели сказать?» Что хотели, то и сказали, а наше дело пытаться понять. Но песня «На смерть России» пугала меня своим названием, и я осторожно задала Кате этот вопрос — что она имела в виду? Катя сказала, что название отражает вполне реальные настроения в Москве. Всерьёз ведутся разговоры о том, что Россия может исчезнуть, закончить своё существование. Она не собиралась писать на эту тему, но когда закончила песню и поняла, о чём она, было уже поздно. Бабушка говорила ей «не каркай», на что Катя отвечала, что, если Россия погибнет, она погибнет вместе с ней и потому пишет заранее.

В том же разговоре Катя спросила у меня — зачем нужно сто сортов колбасы?

– А сколько, по-вашему, нужно?

– Хватило бы и трёх, — пожалала она плечами.

– А кто будет решать, какие именно? Партия и правительство?

В Америке, например, колбасу вообще не умеют делать, и ветчина у них какая-то сладкая. Итальянская колбаса для меня слишком пресная. Вот у немцев ветчина солёная, больше в русском вкусе, и польская колбаса похожа на некоторые сорта русской и украинской. Вот и получается столько сортов. Ведь если у французов триста сортов сыра, это не потому, что партия и правительство так решили, а потому, что в разных регионах веками вырабатывались свои рецепты, люди привыкли к определённым сортам и не хотят от них отказываться.

Отголоски разговора о колбасе я нашла в Катином интервью Инне Кошелевой, опубликованном в январе 1992 года: «Говорят, попав в американский супермаркет, наши падают в обморок. Мне не понять. Сто сортов колбасы я воспринимаю как норму. Падать надо у нас, от пустых полок. И себя же обвинять в том, что они пустые». А эхо разговора о России прозвучало в тот же вечер на концерте в Юнион-колледже.

Боря возил Катю на концерт в Скидмор, я — в Юнион. Как я потом жалела, что не поехала на оба концерта! То самое «человек выбегает в халатике из ванной». При определённой степени близости теряешь перспективу, начинаешь принимать рациональные, основанные на сиюминутных требованиях решения, экономить время.

Концерт в Юнион-колледже проходил в большом помещении со сценой и круглыми столами, за которыми сидели зрители. Собралось человек восемьдесят, в основном коренные американцы. Принесённых нами с собой переводов песен на английском всем не хватило, и людям было предложено поделиться с соседями. Надеялись также на то, что кое-кто понимает по-русски и не нуждается в письменном переводе. Катя выступала в джинсах, высоких сапогах и облегающем чёрном свитере. Она говорила мне, что привезла с собой наряды для концертов, но в Америке они оказались не нужны. Похоже, что иногда она надевала их, выступая в эмигрантских домах, — например, на концерте в доме

Юлии Фикс недалеко от Сан-Франциско Катя была в красивом длинном платье.

В аудитории присутствовали представители местной русской православной общины, к которой принадлежала Марина Рудко, в том числе большая семья Родзянко во главе с внуком известного политика, председателя Государственной думы и одного из лидеров февральского переворота 1917 года. Правнучка М. В. Родзянко Таня, юная брюнетка, профессиональная переводчица, переводила Катины комментарии к песням во второй части концерта. Надежда Алексеевна, очень милая, похожая внешне на актрису Нину Сазонову, ассистировала Кате в первом отделении. Катя потом сказала мне, что с Жернаковой она чувствовала себя свободней, чем с другими, её перевод не мешал ей, а вот профессиональный подход Тани Родзянко, которая делала пометки, пока Катя говорила, и переводила короткими кусками, нарушал естественное течение речи, что мешало Кате. Я сидела за одним из ближних к сцене столов с Соней Лубенской и её коллегой по университету в Олбани Харлоу Робинсоном. Харлоу не только славист, но и музыковед, историк русской культуры, автор книг о Прокофьеве, о русских в Голливуде и об известном импресарио Соле Юроке (для этой книги я распечатывала на машинке аудиозаписи интервью, взятых Харлоу в России), сделал телефильм о перестройке. Я надеялась, что он напишет о Кате.

Принимали её прекрасно. Перед песней «На смерть России» Катя сказала, что в России название песни не произносит вслух, просто поёт, но все и так всё понимают. А после того, как спела, добавила, что после сегодняшнего разговора об этой песне поняла, что нужно сделать некоторые пояснения. Она рассказала, что в советском обществе сейчас такие настроения, что люди совершенно серьёзно верят, что какой-нибудь катаклизм — техногенная катастрофа, климатическая аномалия, война, эпидемия и т.п. — может погубить страну, что она реально перестанет существовать. Внук Родзянко спросил: «Вы что, действительно верите, что Россия погибнет?» Катя сказала, что она просто выразила в песне то, что видит вокруг. «Я думаю, что вы ошибаетесь. Россия не погибнет», — сказал Родзянко.

По завершении программы Кате задавали вопросы. Один из её ответов напомнил мне известную песню, и я шепнула Соне: «Как

сказал Окуджава, дураки любят собираться в стаи». И через несколько секунд Катя произнесла то же самое со сцены. Это был ещё один пример схожести нашей реакции, причём мы сделали одну и ту же ошибку — у Окуджавы дураки *обожают* собираться в стаи.

Как обычно, Катя просила вернуть распечатки переводов песен, чтобы использовать их в дальнейшем, но, тоже как обычно, почти никто не вернул. Люди предпочитали сохранить их для себя. Пожилой высокий американец подошёл к Кате и пожал ей руку со словами: «You are a brave young woman» (вы храбрая девушка).

После концерта мы пообщались с Соней, Харлоу, который был под большим впечатлением от выступления Кати, и Мариной Рудко. Марина в то время разводилась с мужем, что стало для неё большим испытанием. Узнав об этом, Катя прониклась к ней сочувствием и потом несколько раз, даже после отъезда, просила меня передать Марине слова поддержки и какие-то советы, основанные на собственном опыте. Катя говорила мне, что из её мужей ближе всех ей был третий, театральный режиссёр Валерий Рыбаков, отец её дочери. Они прожили семь лет. Это не был обычный брак, рассказывала Катя, — например, жена могла выйти за спичками и вернуться через три дня — и тем не менее они могли бы прожить вместе всю жизнь, потому что действительно были парой, это отмечали все. Катя рассказала о роли свекрови в их разводе. У Кати с ней были и остались очень хорошие, доверительные отношения, и после ухода Валеры его мать в разговоре с Катей сказала — мол, я знаю, тебе стоит только пальцем пошевелить, и он вернётся, но я прошу тебя этого не делать. И Катя не сделала, решив, что, видимо, этот этап в жизни пройден.

О своём уходе Валера объявил ей утром. До неё не сразу дошло, что происходит, но он сказал, что уходит насовсем. Катя понимала, как это трудно и для него тоже, и, чтобы облегчить ему сборы и уход, пошла в душ. Когда она вышла, Валерия уже не было. Она отправилась в институт. На лекцию опоздала. Лектор, привыкший к её опозданиям, спросил: «Ну что, Яровая, что на этот раз стряслось?» — «От меня ушёл муж». Все грохнули: ну, Катька, вечно она придумает что-нибудь эдакое! «Нет, правда ушёл!» — оправдывалась Катя. Преподаватель возмутился, призывал к порядку, но аудитория продолжала веселиться. Так

закончился её самый продолжительный брак. Впрочем, как оказалось впоследствии, он на этом не закончился.

Как-то утром нам позвонила Полина Шварцман и сказала, что с Катей будет говорить ведущий местного радио. Я взяла вторую трубку, чтобы переводить. На концерте в Скидмор-колледже этот ведущий был совершенно очарован Катей и её песнями и хотел обсудить возможность радиопередачи с её участием. Передача так и не состоялась, хотя не исключено, что этот парень и говорил о Кате в своём шоу, ведь у него были записи и переводы её песен. Полина сказала, что он просто влюбился в Катю. Беседа шла накоротке, Катя с Полей были уже на «ты». Я отметила это, потому что мы с Катей так никогда и не перешли на «ты». Виной тому была... Вероника Долина. Дело в том, что и я, и Катя очень легко переходили на «ты». Казалось, я должна была бы это инициировать, поскольку была старше её без малого на десять лет. Но в самом начале знакомства, когда Катя рассказывала о своих встречах с другими бардами и представителями богемы, я, зная, что она любит песни Вероники, спросила, знакомы ли они. Оказалось, что они вместе выступали на каком-то концерте и разговорились за кулисами. Узнав, что Катя окончила Литинститут, Вероника сказала: «Ну, с тобой всё ясно». И отвернулась. «Что ясно? — недоумевала Катя. — И на “ты” почему-то...». И вот это замечание, как ни странно, меня остановило, а Катя сама, при всей своей свободе в обращении, не проявила инициативу.

Зная, что Катя не замужем, Полина предлагала с кем-то её познакомиться. Катя слушала с интересом, хотя у неё был в Нью-Йорке жених — бард Саша Вайнер, подростком приехавший из Киева. Пока Катя была у нас, он несколько раз звонил ей. Как я поняла, она и Никиту Якубовича ещё не забыла, хотя он тогда уже собирался жениться. Никита жил в Калифорнии, ему и их трагическому разрыву из-за его отъезда Катя посвятила несколько прекрасных песен и «Венок сонетов». Мы говорили с ней «за жизнь», обсуждали амурные дела наших знакомых и подруг — все были молоды, расходились, сходились, кто-то развёлся, кто-то снова вышел замуж, да ещё и не по одному разу, а кто-то так никого и не нашёл. «Я могу за три недели после знакомства выйти замуж», — сказала Катя. Это не было цинизмом или бравадой, это о них — таких, как сёстры Яровые, писал Пастернак: «Быть женщиной — великий

шаг, сводить с ума — геройство». Через несколько лет в Бостоне на презентации Катиной книги ко мне подошёл её троюродный брат. Он рассказал, что пятнадцатилетней школьницей Катя приезжала на пару недель к ним в Ленинград. Их предупредили, чтобы её никуда не отпускали одну, потому что к ней обязательно кто-нибудь привяжется, и она вернётся не одна. Так что брат (он был старше Кати) повсюду её сопровождал.

Катя говорила, что её сестра настоящая красавица, выше Кати ростом, с женственными формами, и друзья шутили, что одна сестра умная, другая красивая. С Леной я познакомилась много позже, но когда я посмотрела видеозапись, где ей лет тридцать, то поняла, о чём говорила Катя: Лена была в молодости редкостной классической красавицей. Но Катя тоже была необыкновенно привлекательна и хороша собой. Ей могли предложить руку и сердце через час после знакомства. Так произошло с Вайнером. Они познакомились в Москве, куда Александр приехал выступать. Катя не собиралась навсегда покидать Россию, а он был гражданином США, что затрудняло совместное проживание. «Меня бы устроил вариант Высоцкого и Марины Влади, — сказала ему Катя. — Только судя по длине волос, я была бы Высоцким, а ты Мариной Влади». У Вайнера, говорила она, были красивые вьющиеся волосы до пояса.

Катя рассказала, что в двадцать лет пыталась покончить с собой. Наглоталась таблеток. Но близкая подруга (имени Катя не называла) проснулась среди ночи, как будто почувствовав, что что-то не так, примчалась к ней, вызвала скорую, растолкала, не давала ей спать, заставляла ходить, поила кофе и т.п. Катю спасли, но поставили на учёт в психоневрологическом диспансере, где она должна была показываться раз в год. Ей там сказали, что у неё совсем другой психотип, чем у тех, кто склонен к самоубийству, что она совершенно нормальная (могу сказать по опыту нашего общения, что она была, может быть, самой нормальной из всех встреченных мною людей), но тем не менее попытка была. Ещё она говорила, что другие болеют какими-то не очень серьёзными болезнями, даже если они хронические, а она уж если болеет, так болеет: язва, псориаз, рак.

В ту зиму Лариса Шенкер, главный редактор двуязычного журнала «Слово\Word», организовала Катин концерт в двухгодичном

общинном колледже в Бостоне. Я сообщила об этом своим знакомым, но многие не смогли пойти, потому что время было неудобное — 4 часа дня в воскресенье. Лариса не доверяла своей бостонской соучредительнице, хотела непременно присутствовать там сама и выбрала удобное для себя время. О некоторых деталях поездки я знаю со слов Кати. Одно отделение Шенкер отвела Кате, в другом выступал артист миманса. Многие были этим разочарованы, но Лариса, видимо, надеялась собрать таким образом большую аудиторию. Она не знала ещё, на что способна Катя, но после этой поездки полюбила её. Впоследствии Лариса охотно публиковала мои статьи о Кате, её стихи, давала рекламу Катиного сборника и всегда исключительно тепло её вспоминала.

К Кате пришёл за кулисы Натан Шлезингер и предложил устроить ей концерт, сказал, что сам отвезёт её обратно в Нью-Йорк. Он был известным в Союзе фотографом, работал в «Вечерней Москве», снимал международные кинофестивали, работал с модельером Славой Зайцевым, а в Америке стал антрепренёром российских знаменитостей, продюсером спектаклей с Фрейндлих, Смоктуновским, Стрельчиком и др. Катя отвечала, что не может нарушить договорённости с Шенкер. Натан считал, что это неправильно, на что она возразила: «Если бы я договорилась с вами, а потом отказалась, вам бы ведь это было неприятно?» Шлезингер согласился и ответил: «На вас нельзя обижаться. Вот я обиделся когда-то на Высоцкого, а он вскоре умер».

Элла Горлова, имя которой возникло впервые в связи с той Катиной поездкой в Бостон, познакомила нас с Натаном через пару лет в его ресторане «Санкт-Петербург», ещё в первом их помещении в Бруклайне. Потом ресторан переехал в Ньютон, расширился, стены его украсили великолепные горельефы художницы Тани Лоскутовой, и там я побывала, когда приезжала в Бостон с презентациями Катиной книги и дисков в сентябре 2006 года. Шлезингер помог мне сделать рекламу на радио. Я подарила ему Катин сборник, он показал мне стеллаж в своём кабинете, где стояли многочисленные книги известных авторов с дарственными надписями.

А в тот Катин приезд Элла предложила ей устроить домашник. Когда Катя сказала об этом Ларисе, та выступила против — она считала, что это помешает ей заработать на Катином концерте

в колледже. Но Элла убедила Катю всё-таки дать концерт, и когда Лариса увидела, какой это был успех, сколько собралось изысканной бостонской публики, она попросила, чтобы Катя договорилась с Эллой о проведении ещё одного концерта, но отдала заработанные деньги Ларисе — ведь это она привезла её в Бостон. И Катя это сделала.

В начале 1991 года я обнаружила, что в США готовится конференция по гласности (Glasnost Conference). Среди приглашённых гостей были названы многие известные во время перестройки представители интеллигенции и диссиденты (Елена Боннер и другие). Я подумала — может быть, и Катю могли бы пригласить и оплатить поездку? Там прозвучали бы её песни, а участники конференции узнали бы о человеке, нёщем людям внутреннее освобождение как до, так и во время перестройки, услышали голос, «отделявший зёрна от плевел», когда другие молчали или говорили только то, что разрешено. У меня сохранился факс от 5 февраля 1991 года д-ру Роджеру Лангеру (по-видимому, организатору): «Роджер, посылаю вам информацию о Кате Яровой и переводы на английский язык нескольких её песен... Завтра я вышлю вам кассету. Вы можете связаться со мной или позвонить Кате по телефону». Роджеру очень понравились Катины песни, но на конференцию её не пригласили — по-моему, причина была в том, что оставалось слишком мало времени, а у Кати, как выяснилось, была просрочена виза. Проблема с визой решилась, когда Катя в феврале зарегистрировала брак с Вайнером.

Почему я взялась за перо

По мере того как я знакомила людей с творчеством Кати, во мне росло беспокойство, что эти прекрасные песни, которые бесхозно гуляют по свету, кто-нибудь просто присвоит, а потом поди докажи, кто автор, — ведь у неё нет ни аудиоальбома, ни книги, нет статей о её творчестве. Никого, кроме меня, это не волновало, включая саму Катю. Я стала искать, кто бы взялся о ней написать,неважно, по-русски или по-английски. После концерта в Юнион-колледже

написать о Кате обещал Харлоу, но всё откладывал. Наташа Рохлина наседала на меня, чтобы я надавила на Харлоу, но после двух-трёх разговоров я поняла, что на него рассчитывать нельзя. Галина Ефимовна Славская (моя дальняя родственница, большая поклонница Бродского, собиравшая его архив и много сделавшая для открытия будущего музея Бродского в Петербурге) помогла Кате с организацией концерта в Нью-Йорке и познакомила её кое с кем из пишущей братии. С кем-то Катя познакомилась сама, подарила свои кассеты. Все послушали, прослезились, пообещали, но никто не написал. И тогда мой муж сказал мне:

— А ты напиши сама.

— Но кто меня напечатает? Я ведь никогда этим не занималась!

Я посоветовалась с Соней Лубенской, которая после приезда в Америку в конце 70-х проработала год в «Новом русском слове». Соня уверила меня, что печатают только своих.

— Вот видишь! — сказала я Боре.

— Других не печатают, а тебя напечатает, — ответил он. — Ты, главное, напиши.

Я сказала об этом Кате. Неожиданно она очень обрадовалась: «Ох, Танечка, это было бы самое лучшее, если бы вы сами написали!» Почему? Ей ведь тоже было известно, что я никогда не занималась ничем подобным, но она, видимо, уже достаточно узнала меня, чтобы в меня поверить. Она знала о моём отношении к её творчеству. Мы много говорили о литературе, и ей нравилось то, что я говорила. В разговоре о Б. Гребенщикове и Хармсе она сказала: «Вы так образно выражаетесь!» Как-то я сказала Кате, что, кажется, разгадала тайну пушкинских строк «Под голубыми небесами великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит...» Ведь грамматически правильно было бы «снег лежит великолепным *ковром*». Но это было бы плоско. А то, что снег лежит *коврами*, во множественном числе, сбивает восприятие с привычного шаблона, делает образ объёмным, придаёт размах. Кате понравилась моё объяснение: «Наверно, на это тоже нужен талант». Несколько раз за время нашего знакомства она говорила: «Это удивительно, до чего наши мнения совпадают». А у меня не было более близкого мне духовно человека, чем Катя.

«Вообще-то я никогда не задаю авторам вопросов об их творчестве, но кое-что мне придётся у вас спросить — ведь “единство

времени, строки, поступка, жеста'...», — начала я разговор. Катя не поправила перевернутую мною строчку «единство сердца и строки, поступка, жеста», а сказала: «Ох, Танечка, вы в самую точку попали!» Она удивительно умела не обращать внимания на мелочи, хотя очень сердилась за важные для неё ошибки, допущенные при публикации её стихов, как, например, в 1992 году, когда в «Новом русском слове» при редактировании внесли изменения. В стихотворении «Наш сад уже облюбовала осень, и дом, застыв в предверии дождей...», они добавили второе «д» в слово «предверие». «Сделали какой-то предбанник! — возмущалась Катя. — Неужели это вы?» Нет, я-то поняла, что она употребила другое по смыслу слово, хотя по фонетической ассоциации значение «преддверия» тоже присутствовало. Я писала в сопроводительном письме в газету, чтобы они не правили тексты, что все они выверены с автором, но это их не остановило. Ошибку они внесли и в песню «То живу я в доме этом...», а я ведь специально попросила Катю прислать мне собственноручно написанный ею текст этой песни, чтобы не было сомнений.

Но это было позже, а тогда, в конце января 91-го года, я засела за статью. К этому времени я посещала курсы страховых агентов. Кризис продолжался, работу по специальности в нашем районе мне было не найти, и я решила переквалифицироваться — навсегда ли или временно перекантоваться, будет видно. В конце февраля я должна была сдавать квалификационный экзамен. Но работа над статьёй требовала полной отдачи, и от экзамена пришлось отказаться. Пособие по безработице я ещё получала и могла себе позволить отложить получение документа об окончании курсов, но возвращаться к этому уже не пришлось. Можно сказать, что Катя спасла меня от карьеры страхового агента.

В ответ на мои вопросы она рассказала, что у неё нет любимых поэтов, хотя ей близки Некрасов, Цветаева. Не близки Пастернак, Мандельштам. Не любит Ахматову. Преклоняется перед Бродским, хотя любить его трудно, он ей не близок. Очень любит Салтыкова-Щедрина, Набокова и Платонова. Три книги в русской литературе и три в зарубежной перевернули сознание: «Слово о полку Игореве», «Житие протопопа Аввакума», «Горе от ума» и «Фиеста» Хемингуэя, «Сто лет одиночества» Маркеса, «Иосиф

и его братья» Т. Манна. Любимые барды — Галич, Вертинский и Высоцкий, Окуджава и Н. Матвеева, Ким и В. Долина.

Два месяца чтения, размышлений. Я проштудировала четыре разных перевода «Слова о полку Игореве», пытаюсь погрузиться в мир поэзии и давней истории, взволновавший Катю, перечитала «Фиесту» Хэмингуэя, чувствуя, что за её любовью к этому роману стоит что-то лично пережитое (тогда я ещё не знала, что это действительно так, и не знала, что одна из её первых песен называется «Фиеста»). С карандашом в руках прочла монографию Е. Эткинды «Материя стиха», много другой литературоведческой и критической литературы, частично перечитала поэтов и прозаиков, которые были Кате близки. Но главное, бесконечно вслушивалась в её песни и вчитывалась в тексты её стихов. По её просьбе Джейн Таубман прислала мне распечатку с дискеты — более 100 страниц поэтического текста. При чтении скопом стихи оставляли впечатление встречи с большим поэтом.

Получила я и копию интервью Кати, опубликованного в 1989 году в таллинской газете «Мастерская». В нём Катя рассказывала журналисту Алексею Руденко, как она отстаивала включение в дипломную работу нескольких лучших своих песен, которые Ошанин хотел из осторожности выкинуть: «Лев Иваныч, вы сейчас находитесь в том возрасте и в том положении, когда вам бояться уже нечего и некого. Диплом — моя собственная судьба, и я несу полную ответственность». Когда она спела свой диплом под гитару — уникальный случай в Литинституте — комиссия аплодировала, вызвала её на бис и поставила «отлично». А когда в Ташкенте ей запретили петь песню про хлопок, она сказала со сцены: «Товарищи, мне запретили петь эту песню, но я её исполню и предупреждаю, что администрация за это ответственности не несёт. Отвечаю лично я». Я плакала, когда читала об этих её поступках — такое они в то время производили впечатление. Несмотря на всю гласность, подобная смелость в сочетании с чувством ответственности были достаточно необычны. Мне рассказывали знакомые из ленинградского клуба авторской песни «Восток», как примерно в это же время на телевидении выступал Александр Городницкий, и в известной песне о полярных лётчиках слова «выпитые фляги» были заменены на «вымпелы и стяги», потому что тогда шла антиалкогольная кампания.

На последовавшей за этим встрече классик сказал удивлённым востоковцам, что сожалеет об этом.

«К женщинам в авторской песне и поэзии отношение сложное — они часто не видят границы между женским и бабским, — говорила в интервью Катя. — Ахматова — великая поэтесса, но все эти образа, монашески, молитвы...». На вопрос Руденко: «Какое качество ты ценишь в людях выше всего?», Катя ответила: «В мужчинах — великодушие. Как противоположность мелочности. Мужчина может быть красивым, умным, как говорится, роскошным, но если он мелочен... И ещё — изначальная доброжелательность. Я сама совершенно не злопамятна. Что касается женщин... Это для меня до сих пор загадка — какой должна быть настоящая женщина. Вроде — женственной, доброй, податливой, нежной и так далее. И вдруг ты видишь, что все любят каких-то жутких стерв. Бог его знает, что это значит».

В феврале Катя и Александр Вайнер поженились. Я спросила, что подарить на свадьбу — не хотелось покупать что-то ненужное. Катя сказала, что ничего дарить не нужно, потому что они ещё не знают, где будут жить. В марте она уехала в Калифорнию.

А я к концу марта впала в ступор. Не хотелось не только ничего больше читать, что имело отношение к будущей статье, но даже думать, а тем более — писать. Ничего нового не приносили и поиски работы. Кое-кто из уволенных уже устроился, ходить в центр, организованный для нас GE Plastics, стало неинтересно. Мои подруги Дина Гольдина и Эмма Попек и раньше приглашали меня в гости, а тут обе твёрдо сказали мне: «Приезжай». И я полетела к Дине в Чикаго, где походила по музеям и за пять дней поправилась на семь фунтов на харчах Дининой мамы, искуснейшей кулинарки, а оттуда на пять дней в Калифорнию к Эмме. С ней мы поехали в горы Сьерра-Невада, и я спустила почти весь набранный вес, катаясь на горных лыжах.

В день нашего возвращения было тепло и солнечно. Мы поехали по дороге вдоль озера Тахо. На остановках подходили к берегу, любовались видами, прогулялись возле потрясающей красоты Изумрудной бухты и взяли курс на север. «Ну вот, Таня, теперь смотри», — говорит Эмма и жмёт на газ. Мы мчимся вверх по узкой дороге, и вот уже далеко внизу остаётся и исчезает из виду Изумрудная бухта, расступаются и отступают деревья,

и перед нами — только прямой кусок дороги, обрывающийся впереди, как стартовая площадка, а там начинается небо... Потом мы долго едем вниз. На нас находит желание петь, дурачиться, что мы и делаем. Мы перепели все студенческие и блатные песни, какие могли вспомнить. Воспроизвели кое-что из бардов, вспомнив и Катю. Когда я рассказывала потом Кате о поездке, то по её реакции поняла, как ей всё это нравится, и я пожалела, что не пригласила её поехать с нами. Она ведь в это время была недалеко, гостила в Лос-Анджелесе. Катя говорила, что не любит музеи, что в путешествиях для неё главное люди, общение.

Я знала, что она не пишет в последнее время. Она объясняла это тем, что ей нужно быть одной, чтобы писать, а это ей не удаётся. По-видимому, в Калифорнии у неё была возможность уединиться, потому что она сообщила, что написала новую песню:

— Я поняла, что такое хорошая песня. Это когда хочется её показать.

— О чём эта песня?

— О моём теперешнем состоянии.

Это тоже была её формула. Когда речь заходила о песнях, которых я не слышала, и я спрашивала, о чём они, Катя отвечала: «О моём тогдашнем состоянии». В марте 91-го это была «Чужбина»:

Чужие голоса, чужая речь,
И стены холодны чужого крова,
И воздух, как чужая группа крови,
В моих сосудах не умеет течь.

Забиться в угол — только нет угла,
Вокруг меня холодное пространство,
И лишь тоски вселенской постоянство,
Для коей и вселенная мала...

Она пообещала прислать мне запись.

Десятого апреля я была уже дома и за три дня написала статью, как раз ко дню рождения Кати 15 апреля. Как только я закончила, мне позвонили и предложили место заведующей лабораторией в компании, где я когда-то работала. На 15-е я заказала доставку цветов для Кати в Нью-Йорке — и угадала — угодила. Она

позвонила мне: «Я всю жизнь мечтала получить корзину цветов. Мне дарили столько букетов, но всегда хотелось получить именно корзину». Она поставила цветы возле своей кровати.

Статья моя была написана по старинке, ручкой, и я хотела показать её Кате, прежде чем набирать на компьютере. Я представляла себе, что мы будем сидеть на диване, как раньше, Катя будет читать, а я буду комментировать и добавлять устно то, что не вошло в текст (хотя мне очень хотелось бы включить!), и мы будем всё это обсуждать. Я вышла на работу, а рукопись была отложена до лучших времён, которые ожидались совсем скоро: я договорилась о концерте для Кати в кафе «Лена», известной кофейне в городке Саратога-Спрингс к северу от Олбани, старейшей в США концертной площадке для фолк-музыкантов. Основала кафе в 1960-м году шведка по имени Лена. Здесь выступал в начале своей карьеры Боб Дилан и другие знаменитости. Библиотека Конгресса назвала кафе «Лена» американским сокровищем.

Концерт был назначен на начало мая, переводить должна была я. Беспокоясь за свой английский, который был тогда намного хуже, чем сейчас, я размышляла, кого бы найти для этой цели, но Катя настаивала, чтобы переводила я сама. Я оповестила знакомых американцев, в день концерта ушла пораньше с работы. И вдруг звонок, что Катя заболела и не приедет. Я была в такой панике из-за этого, что сейчас даже не помню точно, кто мне звонил. Во-первых, я испугалась за Катю. Во-вторых, я подвела организаторов. Слава богу, в кафе, когда я сообщила об отмене концерта за несколько часов до начала, со мной разговаривали спокойно, не возмущались, хотя они на этом, конечно, потеряли деньги — ведь они могли отдать этот вечер другому выступающему. Я принялась обзванивать своих знакомых, но было уже 4 часа, время бежало, и я почти никого не успела предупредить. Катина свекровь сказала мне, что Катя плохо себя почувствовала, у неё поднялась температура, и они с Сашей поехали к врачу. Люба предположила, что Катя перегрелась на солнце на пляже. Я ужасно расстроилась, даже обиделась на Катю — можно ведь было побережиться перед концертом, отложить поход на пляж на другой день. Я так и не поняла, что произошло, — по-видимому, ничего страшного, потому что на следующий день температуры не было и Катя почувствовала себя лучше. Она тоже была

огорчена. Сказала, что к концертам относится очень ответственно, что только два раза ей приходилось их отменять.

В середине мая Катя вернулась в Москву, не увидев статьи. Перед отъездом она предложила прислать мне аудио- и видеозаписи домашних концертов в Калифорнии. Я сказала, чтобы она прислала только аудио, а видео не надо. Во мне всё ещё говорила обида, ведь Катя меня подвела. Как же это было глупо! Всё тот же эффект домашнего халатика, когда привыкаешь к человеку, и он кажется вечным. Впрочем, это видео потом до меня дошло: Юлия Фикс прислала мне две записи концертов, организованных ею для Кати. Качество, правда, было неважное. Я думаю, именно одну из этих записей имела в виду Катя. А я отправила ей в подарок перед отъездом трикотажное боди винного цвета с запахом, с узкой оборкой, окаймляющей вырез и пересекающей лиф наискосок. Такие же я купила себе и дочке. Не про него ли потом написала Кошелева «смело, наискосок, огромное декольте»? Впрочем, это могло быть художественным преувеличением со стороны журналистки.

Катя улетела. Я работала, статья валялась. А 19 августа 1991 года из города Спрингфилда в штате Массачусетс мне переслали Катину письмо, датированное 26 июля, в конце которого она писала: «Танечка! Может, Вы всё-таки вышлете мне статью, которую Вы написали. Здесь её можно было бы опубликовать. Тем более что здесь произошла интересная история, и Ваша статья очень бы мне в связи с историей пригодилась. В ленинградской газете “Час пик” (самая популярная газета в Ленинграде) вышла недавно статья под названием “No problem, но душа осталась в России”, написанная некой моск. журналисткой Инной Кошелевой. Там написано про какую-то Лену Мушар-Зальцман, которая в 15 лет уехала со своей матерью в Америку. И там она живёт уже 17 лет, прекрасно устроена, дом, машины, все пироги, и, казалось бы, что ещё надо, но эта Лена, видимо, душу оставила в России, т.к. пишет прекрасные песни о России. И дальше цитируются 5 или 6 *моих* лучших песен.

— ???! — скажете вы. Я сказала то же самое. Добиться правды оказалось довольно трудно. Я, правда, уже раздобыла с трудом эту Инну Кошелеву, но опровержения пока не напечатали. Но обещают напечатать через 1,5 месяца. Мне кажется, что Ваша, Танечка, статья

была бы очень кстати, как некий отзыв из Америки. Вот. Почта работает не очень надёжно, так что лучше бы с кем-нибудь. Если можно, конечно. Видите, Танечка, как Вы мне нужны и за океаном».

Я сразу позвонила Кате в Москву. Сказала, что статью, разумеется, ей переправлю, но, может, стоило бы мне здесь её послать в какой-нибудь русскоязычный журнал или газету (тогда их выходило на Западе очень немного). «Вы же понимаете, всё, что приходит оттуда, имеет большую ценность», — ответила Катя. И вот мы срочно в шесть рук печатаем статью на Макинтоше. Тогда мне с непривычки трудно было набирать русский шрифт на клавиатуре с латиницей, и я мобилизовала на помощь дочь и мужа. Статью отправила в «Континент» в Париже и в газету «Новое русское слово» в Нью-Йорке. Перед этим показала текст Соне Лубенской — как лингвист, она могла сделать полезные замечания. Статья приятно поразила Соню, она никак не ожидала, что я способна на серьёзный литературоведческий труд. Замечание она мне сделала одно и очень ценное: сократить стихотворные цитаты. Это действительно было моим слабым местом: мне настолько нравились Катини стихи, что всё казалось важным, и я цитировала иногда тексты песен целиком. Я сильно урезала цитаты и сократила их количество.

В октябре пришло письмо от Владимира Максимова, что они напечатают статью в первом номере 1992 года:

«6.9.91 Уважаемая госпожа Янковская!

Ваш материал о Кате Яровой мы сможем опубликовать в № 71 нашего журнала. Пришлите к публикации коротенькую биографию и, возможно, фотографию. Учитывайте также, что в связи с выходом “Континента” в Москве мы сильно опаздываем.

С уважением В. Максимов».

Письмо было напечатано на бланке журнала с французским и двумя германскими адресами. Это был последний парижский, максимовский номер. Следующий номер журнала уже официально вышел в Москве, главным редактором стал Виноградов.

Я позвонила Соне. Она меня поздравила. Действительно, лучшего нельзя было и желать, это был самый престижный зарубежный русский журнал. Узнав, что статья отправлена еще и в «НРС», Соня сказала, что так не делается и чтобы я немедленно позвонила в редакцию газеты и отказалась от публикации. Я дозвонилась до

редактора Людмилы Шаковой, объяснила ситуацию. Она резко сказала, что моя статья уже набрана и должна выйти в пятничном номере, самом тиражном и читаемом. «Мы можем снять вашу статью, но имейте в виду, что после этого мы никогда уже не будем вас печатать». Я сказала, что не хочу ставить в неловкое положение Максимова, который принял статью к публикации, и попросила день на то, чтобы дозвониться в «Континент». Шакова уже более мягко сказала, что у них хорошие отношения с «Континентом», и они не возражают, чтобы статья была напечатана и там, и в «НРС», и она не думает, что Максимов будет против. К тому же для публикации в газете они статью сократили, так что полного совпадения текстов не будет. Я расстроилась — ведь они могли при этом выбросить что-то важное! Шакова в своей резковатой манере заверила меня, что с моей статьёй работал лучший редактор. «Конечно, я понимаю, вам хочется, чтобы всё осталось, — мама будет читать, папа будет читать. И так мы отдаём вам целую полосу! Первая статья никому не известного автора! Это неслыханно!» Папы моего уже три года как не было в живых, а мама умерла 23 сентября, так и не узнав, что моя первая статья была принята к публикации. У мамы моей, как и у Кати, был рак. Наверно, Людмила привыкла, что начинающим авторам хочется покрасоваться перед родственниками, для меня же главным было рассказать о Кате так, чтобы читатели поняли, какой это поэт и человек, и каждое слово в статье было не случайно. Несмотря на кажущуюся резкость Шаковой, я чувствовала, что она прониклась ситуацией, что ей понравились и статья, и Катя, и её стихи. И я согласилась на публикацию.

Письмо в Париж от 25 октября 1991 года:

«Многоуважаемый господин Максимов!

Ваше сообщение, что моя статья о Кате Яровой принята к публикации в Вашем журнале, очень меня обрадовало. Посылаю Вам свою фотографию, а краткая биография моя такова. Родилась в Ленинграде в 1947 году. Окончила химфак ЛГУ, работала в научно-исследовательском институте. С 1981 года живу в Америке, в настоящее время заведую лабораторией в частной компании. Во время пребывания Е. Яровой в США в 1990–91 г.г. помогла организовать несколько её концертов. Моя статья о ней — первая, никак не связанная с химией.

Спешу также сообщить, что сокращённый вариант моей статьи был напечатан 18 октября в “Новом русском слове”. Я получила Ваше письмо 16-го и целый день безуспешно пыталась связаться по телефону с Парижем, Мюнхеном, Берлином, с Лозанским в Вашингтоне — хотела посоветоваться, как быть. Пыталась задержать публикацию в “НРС”, но статья была уже набрана, и я решила печатать, потому что Катя должна приехать в Америку в декабре, и эта статья будет для неё хорошей рекламой: читатели газеты — те, кто пойдёт на её концерты.

У “Континента” свой круг и уровень читателей и подписчиков, и не только среди русского зарубежья, но и в самой России. Поэтому публикация в вашем журнале была бы очень важна для Кати. Г-жа Л. Шакова сказала мне, что не возражает против публикации полного текста статьи в журнале. Но решение, конечно, за Вами, и я прошу меня простить, если, не желая того, вызвала для Вас какие-то неудобства. Виной тому моя полнейшая неопытность в издательских делах и желание скорее сделать что-то для Кати.

С глубоким уважением и благодарностью Татьяна Янковская (Ямром).

Печататься я решила под своей девичьей фамилией. Дело в том, что в Америке меня все знали под фамилией мужа, а поскольку все наши знакомые выписывали в то время «Новое русское слово», все бы сразу поняли, что статью написала я. Поскольку это был совершенно незнакомый мне мир, я решила вступить в него в секрете от всех, под «псевдонимом», а кому надо, я сама расскажу о статье. В то же время я была не против, чтобы в России, где меня знали как Янковскую, где была ещё жива моя бабушка со стороны отца и жили другие мои родственники и старые друзья, меня узнали.

Публикация в «НРС» сыграла свою роль. Вот письмо читателя от 30 ноября 1991 года, пересланное мне из редакции «Нового русского слова»:

«Уважаемая редакция!

18 октября 1991 года “НРС” опубликовало статью Татьяны Янковской “Единство сердца и строки, поступка, жеста”, посвящённую творчеству барда Кати Яровой. Нам (community) хотелось бы пригласить Катю в Hartford. Для этого нужен её адрес,

который, вероятно, знает госпожа Янковская. Пожалуйста, передайте эту просьбу госпоже Янковской...

Спасибо за заботу.

С ув. Борис Баришпольский».

Боря и Ирма Баришпольские организовали для Кати концерт 9 мая 1992 года, и Боре мы обязаны многими прекрасными фотографиями Кати с дочкой и записью концерта в Хартфорде за семь месяцев до Катиной смерти.

Уже когда Кати не было, я вспомнила её слова «может быть, Танечка, вас уволили для того, чтобы вы сделали что-то такое, о чем вы ещё сами не знаете», и до меня вдруг дошло: меня уволили, чтобы я написала о ней статью. По (не)случайному совпадению две мои большие статьи о Кате редактировала и сокращала Ирина Лейкина, редактор милостью Божьей. В 90-е она вела рубрику «Глаголь» в газете «Новое русское слово», а позднее, когда газета закрылась, работала в редакции журнала «Слово\Word», где была в её сокращении опубликована моя статья о поэзии Яровой «Не поставив последнюю точку».

Опровержение в «Часе пик» тогда так и не напечатали. Вместо опровержения спустя полгода появилось интервью «Каждый выбирает ту ненормальность, которая ему ближе», взятое у Кати той же журналисткой. Катины ответы, как всегда, остры и оригинальны, хотя за полемическим диалогом угадывается переломный момент в жизни и трагедия нелёгкого поиска.

Москва. Перемены

Из письма Кати Яровой мне от 26 июля 1991 года: «Вот уже 2 месяца, как я дома. Пишу “дома”, но ощущение какое-то неполное. Кажется, что за время странствий я “здесь” потеряла, а “там” не нашла».

Тут я вижу переключку с письмом Марины Цветаевой в Прагу Тесковой в 1928 году: «Я говорю... *о чуде чужого*. О там, ставшем здесь... Мне к Вам хочется домой: *ins Freie*: на чужбину, за *окно*». (Курсив мой. — Т.Я.) У Кати не было такой мечты о чужом,

она не умела любить чужое, как своё. По свидетельству Оли Гусинской, Катя любила говорить: «Всё нашенское саменькое лучшенькое», а в одной из своих песен пела: «И необъективной, пристрастную мерой/ я меряю всех — всех, кого я люблю»:

Быть может, призыв мой немного наивен,
но если нам врозь все равно быть нельзя,
давайте же будем мы необъективны
к России, к любимым, к родным и друзьям!

В упомянутом выше интервью Инна Кошелева приводит слова Кати об Америке: «По-настоящему там хорошо только тем, кому ничего не надо, кроме колбасы, которая называется по-разному: машиной, виллой, мебелью. У нас тоже есть такие. Им не важно общение, не важна культура, им не знакома прелесть языка. Они и не почувствуют, что в Америке другая аура. И запахи... Вы представляете, когда ничего не пахнет. Здесь идёшь, то тебе помоечкой пахнёт, то клёном и сиренью. Там — ни мочой, ни цветами. Людям с художественным складом, по-моему, Америка противопоказана». Кстати, Цветаева писала Тесковой: «В Москве жить я не могу: она — американская (точный отчёт сестры)». Бродский близок к Цветаевой в ощущении *там*, ставшего *здесь*. Для него, хорошо знавшего английский язык, Америка — это просто «continuation of space»¹, о чём он неоднократно говорил в своих интервью. Для Кати *там* — чужбина, и в первую очередь это ощущение рождено «чужими голосами, чужой речью». Поэт воспринимает иную страну и культуру прежде всего через язык, но, в отличие от Бродского и Цветаевой, для Яровой «выбор — самый тяжкий в мире груз — не облегчён гоненьем и изгнанием». Она не должна была «кровь из носу» приспособливаться к новой стране.

Продолжаю цитировать письмо Кати: «В моей речи проскакивают такие слова, как “ваши”, “у вас” — это в адрес советских людей. Но и “у нас”, в смысле Америки, не произношу. Я как бы оказалась между. Т.е., я теперь вроде нигде. Но я бы не хотела, чтобы вы думали, что я пребываю в пессимизме. Всё очень хорошо. Мне здесь нравится. Саше тоже. Пока что у нас нет ни малейшего

---

¹ Продолжение пространства (англ.).

желания ехать обратно. Саше мы продлили визу на год. Все эти страхи, раздутые в газетах в Америке, поверьте мне, неоправданны. Всё тихо, спокойно. С продуктами всё в полном порядке. Мы прекрасно питаемся. То, чего нет в магазинах, есть на рынке. Цены высокие, но всё есть. Высокооплачиваемую работу найти можно. Гораздо легче, чем в Америке. А имея здесь деньги, можно иметь почти всё что хочешь. Во всяком случае никто из моих знакомых не бедствует. Озлобленности среди "населения" я лично не ощущаю. Нормальная обстановка. Одеты люди прилично, и вроде никто никого не убивает и не раздевает. Во всяком случае ни мы, ни наши знакомые с этим ни разу не столкнулись. Народ, конечно, всем недоволен. Но это, как мне кажется, национальная черта. Так что сведения о Союзе, получаемые в Америке, надо делить на 16. Жизнь, напротив, здесь весьма интересная. Всё время что-то происходит, бурлит. TV очень интересное. Газеты, журналы тоже. У нас в доме постоянно гости, встречи, общение, etc. Концертов пока никаких у нас нет. Во-первых, лето. Во-вторых, здесь сейчас с этим делом стало намного сложнее. Народ стал вплотную заниматься добычей денег и всяческих мат. благ, и интерес к концертам, особенно бардов, почти пропал. На кинофестивале, например, народу почти не было. Пустые залы. А помните, что творилось раньше? Но я считаю, что это временный и совершенно естественный процесс. А я являюсь всего лишь жертвой этого естественного процесса. Хотя, впрочем, посмотрим, что будет дальше. Меня не забыли. Приходили с телевидения насчёт передачи о нас с Сашей. Будет это, видимо, где-то в сентябре-октябре по российскому TV. Песни что-то не пишутся. Но я пока решила подзаняться гитарой. Сижу, корпею. (Возможно, Катя написала так вместо "корплю" с оттенком иронии. По телефону она сказала мне, что берёт уроки игры на двенадцатиструнной гитаре: "Пальцы уже стали, как копыта". — Т.Я.) Со здоровьем у меня всё в порядке. Анализы хорошие. Чувствую себя хорошо. Сейчас мы озабочены проблемой летнего отдыха. С Сашиним американским паспортом это оказалось непросто, т.к. с него везде требуют валюту, а мы, естественно, хотим за рубли. Рубли пока есть. А с осени, наверное, начнём их зарабатывать.

Катечка моя очень повзрослела, похорошела... Сашу она сначала невзлюбила, а сейчас уже полюбила или, вернее, начала

полюблять. Но я спокойна, т.к. абсолютно уверена в Саше, и слишком хорошо знаю Катю, её характер.

Мишка, мой племянник, тоже вроде пока обратно не собирается. Говорит, что, может быть, поедет следующим летом. На каникулы или насовсем, пока не знает. Конечно, и ему, и нам здесь жить гораздо легче, чем в Америке...

Что у вас слышно? Как Наташенька? Как Борина спина? Что с работой?

Передайте от меня приветы и поклоны Галине Славской и всем нашим общим знакомым.

Целую вас, люблю, очень скучаю.

Приезжайте!!! В гости.

Ваша Катя»

Красивый, твёрдый, крупный женский почерк. (Катина песня «Гниёт в амбарах тоннами пшеница...» была включена позднее в аудиоальбом женщин-бардов «Женским почерком».) Многие заглавные буквы она пишет как строчные, только ростом выше.

Девятнадцатого августа, в день путча, мне позвонила Джейн Таубман, не знаю ли я, что с Катей. Мы обе беспокоились. Дозволившись до Кати, узнали, что она была дома, плохо себя чувствовала, ни на какие митинги не ходила. В сентябре 1991 года Харлоу Робинсон отвёз ей в Москву рукопись моей статьи и привёз от неё письмо.

«Дорогая Танечка!

Очень обидно получилось, что Харлоу назначил встречу перед самым своим отъездом, и я одновременно забираю у него статью и отдаю своё письмо. Поэтому не могу написать о своём впечатлении о статье. Мало того, так сложились обстоятельства, что не успеваю даже написать большого подробного письма.

В двух словах. Мы, видимо, в декабре поедем обратно в Америку. Так как, во-первых, у нас ничего не выходит с концертами. Видимо, время сейчас для этого неподходящее. Никому ничего не надо. А зарабатывать кем попало нет смысла, т.к. кем попало (маникюршей, etc.) лучше зарабатывать в Америке. Всё-таки доллары. Во-вторых, мы хотим перезимовать, и вообще, побыть до весны в Штатах, а потом где-то в мае вернуться обратно, потому что здесь явно пахнет новым путчем. Об этом и в газетах пишут, и по TV говорят, и даже астрологи предсказывают. Причём такое ощущение, что люди

просто ждут и хотят этого. На баррикадах тусоваться интереснее, чем работать. Это воодушевляет, вдохновляет, объединяет, создаёт смысл жизни, в которой всегда есть место подвигу, тем более, что “русский народ любит и умеет воевать”. И вообще как-то легче, когда внутренний враг персонифицирован, есть кого винить, на кого всё свалить. Я уже, кажется, писала Вам, что у людей до такой степени перевернуто сознание, что аж диву даёшься. И никого ни в чём не переубедить. Такое чувство, что все сошли с ума.

Мой творческий кризис продолжается. Боюсь, что это очень надолго, а может, и навсегда. От политических песен просто тошнит, как вообще уже тошнит от политики. Писать же одну лирику как-то не хочется. Образ дамы с гитарой с песнями про любовь вызывает просто отталкивание. Так что кризис не настроенческий, а, что ли, принципиальный. Саша пишет. Хорошо. У нас с ним по-прежнему сложно, но интересно. Очень хочется, Танечка, поговорить спокойно обо всём, сидя у Вас на уютной кухне, пить чай, гладить кошек, смотреть на Ваше милое лицо, ощущать Ваше тепло, заботу и дивное спокойствие, исходящее от всей Вашей семьи.

У меня тут появилось новое увлечение. Я занялась хореографией. Хожу три раза в неделю с Катечкой на занятия. Танцуем до упаду в прямом смысле. Я ведь всю жизнь мечтала танцевать. И вот наконец нарыла чудесную преподавательницу и получаю массу удовольствия. Это так наз. джазовые танцы. Очень здорово! Плюс сауна, массаж и тренажёры с бассейном. Всё там же. Много читаем. В основном, так называемую “духовку”. На остальное как-то совсем не тянет.

Вынуждена округляться. Надо бежать к Харлоу.

Целую вас всех крепко. Очень скучаю, люблю. Надеюсь, до скорой встречи. Для смеха — вот стишок Володи Вишневого:

Надо ж быть каким путчистом,
Аморальным подлецом,
Чтоб вот так у президента
Телефоны отключить!»

Двадцать второго декабря вернувшийся из Москвы Саша Вайнер отправил мне письмо Кати от 15 декабря 1991 года, в советском

конверте с картинкой, надписанном её рукой, с забелённым московским обратным адресом:

«Здравствуйте, милая моя Танечка!

Я решила старое письмо не отправлять, пишу новое. После нашего с Вами разговора по телефону с трудом дозвонилась Вашей сестре. Мы с ней проговорили, наверное, целый час. Она очень милая, но какая-то грустная. Сказала, что у неё всё, в общем-то, нормально. Говорит, что никак не может собраться с духом написать письмо. Не пишется. Звонить пока тоже не может, т.к. после последнего разговора с Вами был большой счёт... Ну, мы очень душевно поболтали. По-моему, она пребывает в состоянии какой-то растерянности, даже, я бы сказала, протрации. Но здесь сейчас, по-моему, все пребывают в этом состоянии. Всё разрушается. Экономика, экология, связи, отношения, представления, иллюзии, etc. И это, в общем, я думаю, процесс нормальный. Я на днях вдруг поняла, что разрушилось, например, такое явление, как “московская кухня” — в смысле вот этих посиделок, разговоров, песен и пр. Т.е. все собираются, но не происходит подключения, что ли, т.е., этот обряд не работает. Он стал мёртвым. Ведь любой обряд был — изначально — подключением к определённому каналу, из которого черпалось нечто (энергетика, вдохновение, силы, как хотите). Т.е. это как бы ключ, которым открывается дверь. Если же обряд (символ) мёртв, он уже не является ключом, дверь не открывается, но люди по привычке пытаются пользоваться этим недействующим ключом. И это касается многих аспектов. Вот эти попытки возрождения русских нац. традиций, христианства и мн. другое — всё мертво. Так вот люди собираются на кухнях, едят, пьют водку, а говорить **абсолютно** не о чем. Странно, правда? Люди — те же, кухни — те же, водка та же. Водка, еда были фоном, подспорьем для общения. Сейчас — они стали целью. Все разговоры, в конечном счёте, вокруг них и крутятся. С этим разрушением “кухонь” разрушается какой-то мощный культурный пласт. Что заполнит эту нишу, этот вакуум — пока непонятно. Раньше на кухнях пели. Сейчас — нет. А если и поют, то как-то натужно, вроде из долга какого-то. Мёртвый ритуал. Получается, что то небольшое (и в то же время многое), ради чего стоило жить в Союзе, исчезает, растворяется. Конечно, обстановка здесь не самая радостная. К тому же она постоянно нагнетается

и с экранов TV, и со страниц газет и т.п. У нас с Сашей даже появилось такое шуточное обозначение всех этих TV-х передач — “передача «Боль»”. Это, наверное, самое типичное название советских нынешних передач и статей. Людям постоянно внушают мысль, что им плохо. И похоже, что люди упиваются своими страданиями. А на самом-то деле всё не так уж и плохо. Продукты (то, о чём больше всего шуму) практически все есть на рынках, частично в магазинах. Деньги заработать можно — было бы желание. Но люди предпочитают не работать, стоять в очередях и жаловаться, что им плохо. Именно предпочитают. Ну да бог с ними.

Теперь о статье. Спасибо Вам огромное, Танечка, от меня и от всех моих родных и близких за эту статью. Она всем очень понравилась. Это же целое настоящее исследование, сделанное на высоком профессиональном уровне. По-моему, я не заслуживаю такой работы, но дело уже не во мне. Сама по себе статья, по-моему, заслуживает большого интереса и внимания. Спасибо ещё раз огромное. Очень бы хотелось иметь экземпляр “Нового русского слова”. (Я плакала, когда читала это. Все авторы считают себя заслуживающими того, чтобы о них писали, а она, такая талантливая, пишет, что не заслуживает. — Т.Я.)

Я по-прежнему совершенно ничего не пишу. С марта 91 г. — не написала ни одной строчки. Не пою, не выступаю. Было вот тогда одно выступление в Союзе журналистов (не в АПН) — и всё. Не было предложений. А потом я уже сама стала отказываться от редких предложений (например, попросили выступить в ВТО). Пропало желание писать, петь и выступать. Почему? Не знаю. У меня такое чувство, что мне нечего сказать. Пока. Ощущение, что мои многие песни устарели. Не только политические. В общем, я не знаю. Время покажет. Пока, чтобы не терять времени даром, беру уроки гитары. На всякий случай. Впрок. Не помню, говорила ли, писала ли, беру ещё уроки танцев — 3 раза в неделю (все теперь смеются надо мной — раньше, говорят, ты пела, а теперь танцуешь). Беру уроки маникюра, педикюра и макияжа. Это для того, чтобы хоть как-то прокормиться в Америке. Буду брайтонской маникюршей.

Теперь о моих бумажных делах. В гостевой визе мне отказали в американском посольстве. Говорят, что жена к мужу в гости

ездить, по их законам, не может. А только по эмиграционной визе. Т.е., мол, выбирай между родиной и мужем. Я сначала пришла в ужас. Потом узнала, что, в общем-то, ничего при этом не теряю. Т.е., гражданство сохраняется. Квартиру тоже можно сохранить (приватизировать) при нынешних законах. И я решилась на эмиграционную. Прошла интервью. И вот, 3 декабря мы с Катечкой получили эмиграционные визы. Вчера сдала документы в ОВИР и теперь жду результата. Так что, думаю, ещё месяца 2–3 пробуду здесь. Саша решил лететь раньше, чтобы пока найти работу, квартиру и подготовиться к нашему приезду. Отношения у нас с ним хорошие (тьфу, тьфу, тьфу). Ему тоже здесь не удалось повыступать. Но зато здесь он написал много новых хороших песен.

Ну ладно, закругляюсь. А то я что-то очень плохо себя чувствую, я разболелась, простыла, а мне ещё сегодня Сашу отправлять, всю ночь придётся провести в аэропорту. Я вас всех крепко-крепко целую, и Бореньку, и Наташеньку, и кошек. Передавайте приветы нашим общим знакомым — Харлоу, Соне, Наташе и Лене из кафе «Лена».

Ещё раз целую, Танечка, благодарю Вас за всё, что вы для меня сделали и делаете.

Всегда ваша, любящая Вас

Катя».

Наташа — это Наталия Рохлина из Скидмор-колледжа. А основательницы кафе «Лена» уже не было в живых, тут Катя ошиблась. Привет она передала в ответ на письмо менеджера Барбары Харрис от 14 октября 1991 года, которое я переслала в Москву: «Я делала осеннюю уборку и наткнулась на Катин пакет. Прослушав ещё раз её красивый голос, я возвращаю вам кассету, как обещала. Когда вы будете писать/говорить с Катей, пожалуйста, передайте ей наилучшие пожелания от всех нас в кафе “Лена” и скажите, что нам очень понравились её музыка и тексты. Я надеюсь, она поправляется и воплощает все изменения в России/Советском Союзе в своих песнях».

В январе Харлоу Робинсон сообщил мне, что совместно с камерным оркестром Св. Цецилии организует в Трое фестиваль «Салют Шостаковичу». В числе приглашённых был Соломон Волков, который обратился к Харлоу с просьбой найти кого-нибудь, кто бы написал о фестивале для «Нового русского слова». И Харлоу,

вспомнив, что там недавно была опубликована моя статья о Кате, спросил, не возьмусь ли я за это. Я и так планировала посетить по крайней мере часть мероприятий фестиваля и согласилась. Среди гостей были Максим Шостакович и Евгений Евтушенко. Целую неделю я ходила на концерты, кинофильмы, фуршеты, на «круглый стол» в заключение фестиваля, а потом, сказавшись на работе больной, села к компьютеру и за один день, на одном дыхании написала статью «Салют Шостаковичу!» В «НРС» её напечатали в сокращении (Волков сказал мне, что надо рассчитывать на целый разворот, но мне отвели полосу), сегодня она доступна в сети в полном объёме. Я послала газетную страницу с публикацией Кате с надписью: «Моей дорогой Кате, которая вывела меня из сферы “ман”»¹. Спросила по телефону, как ей понравилось. Она ответила: «Ну что сказать? Мне было интересно читать, а ведь это, наверно, самое главное». Просто и точно, как многие её оценки. Тоже урок.

Катины истории

Катя была великолепной рассказчицей — и в жизни, и на сцене. Свои песни она сопровождала интересными, остроумными комментариями, которые можно найти на видео- и аудиозаписях её концертов. Некоторые из них повторялись из концерта в концерт, являлись частью общего сценария. Наиболее известны комментарии к следующим песням: «Жил на свете гномик...» (первое её печатное произведение, из этой истории переключалось в другие её выражение «умножать строчки на рубль»; говорила она и о том, что мечтает, чтобы на основе этой песни был сделан мультфильм); к написанной на спор песне «Чашечки саксонского фарфора» и «опровержению к ней», как она называла песню «Гранёные стаканы»; к циклу «На смерть вождей»; к семейным

---

¹ Сфера «ман» (от немецкого неопределённо-личного местоимения *man*) в философии экзистенциализма означает серое, обыденное, бессобытийное существование (*Прим. автора*).

«Мы поедем вскоре с мамой на море» и «Песенка про развод». С «Песенкой об антиалкогольном указе» связана история про «кольчугинский синдром». Это тот редкий случай, когда Катина песня мне не очень-то нравилась, но то, что Катя с её помощью делала — избавляла людей от страха — было тогда необыкновенно важно. История про «Красный уголок» обрастала всё новыми подробностями. Поездив по Америке, Катя говорила, как трудно объяснить тему песни и её смысл иностранцам — им не понять, что такое Красный уголок и как человек может в нём жить. (Когда ей было негде жить, Катя целый год жила с семьёй — с мужем и дочкой — в Красном уголке общежития медработников.) Им эта песня кажется грустной, тогда как русские покатываются со смеху. Были у неё байки про так называемые хулиганские песни, история о том, как «Венок сонетов» — «иронический, даже немного хулиганский» — готовили к печати в журнале «Крокодил». О песне «Настанет день...» она говорила, что написала её до расставания с адресатом и спела ему перед отъездом, «так что он получил счастливую возможность присутствовать на своих похоронах»¹. Ниже несколько историй, которые Катя мне рассказывала.

Лет с шестнадцати ей часто снился один и тот же сон. Будто она выходит на сцену, пытается что-то сказать, но не может произнести ни слова. Она поворачивается, чтобы уйти, но ноги становятся ватными и не слушаются. Тогда она падает и пытается уползти со сцены, но не может сдвинуться с места и в страхе просыпается. Когда Катя начала регулярно выступать с концертами, сон стал повторяться всё реже, а потом и совсем перестал сниться. Может быть, так её предназначение заявляло о себе, а когда оно стало явью, прекратился и сон-предвестье.

Рассказывала она мне историю, связанную со стихотворением «Ночь в Геленджике». В 1984 году она с маленькой Катечкой проводила лето на юге, и к ней прилетел в отпуск муж. Катю с Валерой отпустили на пару дней отдохнуть без ребёнка, и они отправились в Геленджик. Приехали поздно вечером и пошли искать комнату в частном секторе. Они бродили от калитки к калитке, но всё везде было занято. Наконец, в одном

---

¹ Эти комментарии можно прочитать и увидеть в записях на сайте www.katy-arogova.com.

доме им предложили на ночь койку в саду. Они согласились, и в кромешной тьме их провели к кровати под деревом. Над ними было южное звёздное небо, яблоневетви, вокруг тёмный таинственный сад — казалось, они были одни в целом мире. А когда утром проснулись, то с удивлением обнаружили, что это был большой сад, где под каждой яблоней, каждой грушей и другими фруктовыми деревьями стояла койка. На койках лежали люди, которые просыпались, продирали глаза и с интересом разглядывали друг друга. Из этого эпизода родились стихи:

...Летела ночь и падали миры,
Планеты-яблоки раскачивала ветка,
Лишь притяжением земной коры
Держалась прочно панцирная сетка.

Мы видели, как нас с тобой несло
Сквозь мириады звёзд, веков и странствий
И как микроскопически мало
То место, что мы заняли в пространстве.

...А утром — воздух был и чист и свеж,
Мы проследили первых птиц паренье,
И с неба лился ясный белый свет,
И был весь мир как в первый день творенья.

Стихи, как известно, нередко растут из сора (выражение Ахматовой) — и словесного, и бытового. «Ночь в Геленджике» Кати Яровой — пример такого преображения.

По истории с бутылкой, которую она мне рассказала, я много позже написала миниатюру «Повод», вошедшую в цикл моих «Раскрасок для взрослых»:

«Дело было в начале 80-х. У неё, как обычно, собрались гости, и кто-то принёс бутылку хорошего вина, привезённую из-за границы. Все уже потирали руки и облизывались в предвкушении, но она поставила вино на полку и сказала, что откроет, когда будет достойный повод.

Жизнь её протекала бурно. Порой ей улыбалась удача, иногда друзья чем-то радовали, опять же праздники календарные.

И каждый раз кто-нибудь из гостей хватался за бутылку: “Ну что, достойный повод?” — “Нет”, — говорила она и ставила бутылку обратно.

Однажды у неё было особенно много народу. Стол ломился от еды и выпивки. Любители-дегустаторы были, как всегда, начеку.

— Ну уж теперь-то достойный повод, открывай!

— Поставь на место.

— Ты что, ты же замуж выходишь!

— Подумаешь, замуж! Первый раз, что ли?

Это был её третий брак.

— Не, ну не жмотничай, давай откроем!

— Нет, это ещё не повод.

Ну уж это слишком! Друзья перестали её понимать. Раньше верили, что ждала особого случая, а тут стало ясно, что просто выпендривается.

Время шло. С мужем у них всё было непросто, но интересно — сошлись два ярких, независимых человека без предрассудков, которых соединила страсть и родство душ.

В один прекрасный день она поняла, что беременна. Ей было двадцать пять, пора рожать. Она хотела мальчика, чтобы назвать сына его именем, он — девочку, её копию и тёзку. Когда она была уже сильно беременной, остерегалась резких движений, побаивалась далеко ходить и ездить, театр, где работал муж, собрался на гастроль в Таллин. Он не должен был ехать, не был занят в этих спектаклях, но она уговорила: “Поезжай, развейся! Хорошая компания, артисточки там всякие, город красивый. Со мной сейчас всё равно неинтересно”. И он уехал.

Уехал — и стал звонить, что скучает, с каждым днём всё сильнее. Она отвечала — развлекайся, отдыхай, пока можешь, скоро начнётся другая, беспокойная жизнь. И вот очередной звонок: “Я здесь! Я вернулся, не мог больше без тебя. Звоню с вокзала, скоро буду”.

Ну, она тут же одной рукой курицу в духовку, другой рукой голову под кран — в общем, когда он открыл дверь, в доме всё сияло. Она усадила его за стол и сняла с полки заветную бутылку».

«Вот это был достойный повод!» — завершила свой рассказ Катя. У меня её история передаётся не буквально, но все, кто помнит Катю, узнают характерные для неё интонации — «одной рукой

курицу в духовку, другой рукой голову под кран» или «подумаешь, замуж — не первый раз». Суть этой истории в том, что главное в жизни заключается в самых простых вещах, которые надо уметь замечать и ценить.

Ранняя мудрость сочеталась в ней с чувством юмора. Катя говорила мне, что коллекционирует истории под рубрикой «В какой другой стране...», куда включала наблюдения, по её мнению, уникальные для России. Я помню две из этих историй. Первая была о том, как морозным январским вечером, часов в десять, она шла домой через пустырь в районе новостроек и увидела под фонарём посреди заснеженного поля группу пьяных в ватниках и ушанках, которые пели песню на стихи Есенина: «Не жалею, не зову, не плачу, все пройдёт, как с белых яблонь дым...» Пели истово и вдохновенно. Представляете, говорила Катя, слова-то какие! «*Увяданья золотом охваченный, я не буду больше молодым.*» А пели эти слова совершеннейшие, казалось бы, забулдыги. Вторая история была о том, как она после встречи Нового года возвращалась утром домой. Холодина стояла страшная, троллейбус не отапливался. Рядом с Катей у окна сидела девушка и тоже тряслась от холода. На остановке вошёл парень, остановился возле Кати, достал из кармана бутылку коньяка и стал пить из горлышка. Встретился глазами с окоченевшей Катей и протянул ей бутылку. Она отхлебнула, вернула ему бутылку и поймала завистливый взгляд своей стучавшей зубами соседки. «А девушке?» — сказала Катя. Парень протянул бутылку девушке, которая тоже отхлебнула. Потом парень достал яблоко, откусил и, взглянув на Катю, протянул ей. Катя тоже откусила, снова спросила «А девушке?», парень кивнул, и она передала яблоко соседке. Откусив, та вернула остаток парню. Вся сцена разыгрывалась почти без слов. «В какой другой стране такое могло бы происходить?» — вопрошала Катя.

Она мне рассказывала, что дружила с «детьми» — группой подростков, в которую входили дочь Беллы Ахмадулиной, сын Юнны Мориц и другие «детки» известных родителей. Они приглашали Катю петь на их тусовках, записывали на магнитофон. Однажды Юнна Мориц услышала у сына записи Катиных песен, заинтересовалась и захотела с ней познакомиться, а познакомившись, предложила быть рецензентом у неё на защите

диплома. Особенно, по словам Кати, Юнна Петровна ценила песню «Отец мой, ты меня не долюбил...». В своём отзыве она благодарила институт и Льва Ошанина, руководителя семинара, за то, что они не подавили Катину самобытность, не пытались причесать её «вихрастые стихи». Сама Катя отзывалась об Ошанине как о хорошем педагоге: «Его заслуга в том, что он никуда не лез, не мешал, никого под себя не подминал». В его поэзии она выделяла стихи, на которые была написана известная песня «Дороги». Она рассказывала о добром отношении Льва Ивановича к студентам своего семинара — например, он разрешал им устраивать вечеринки у себя на даче. В нашем с Катей разговоре о Юнне Мориц я говорила о ней как о серьёзном поэте, рассказала о её недавнем выступлении в университете в Олбани, а Катя вспомнила её детские стихи, в том числе «Ослик топал в Гантиади»¹.

Катя рассказывала, что однажды после концерта к ней подошёл человек и сказал, что как раз сейчас разводится с женой, но послушал её песню об отце и передумал: у него двое детей, и он решил, что не хочет их оставлять. Катя сказала ему: «Ну что вы, я не хочу, чтобы из-за меня вы меняли свою жизнь, разводитесь себе на здоровье». Но он ответил: «Нет. После вашей песни я не смогу оставить детей».

Она говорила, что хорошо запоминает зрителей на своих концертах. Однажды удивила подошедшего к ней после концерта на юге мужчину, сказавшего, что он был на её прошлогоднем концерте: да, я вас помню, вы сидели в таком-то ряду справа. Этот рассказ созвучен с воспоминанием американского слависта Тима Сергэя, который в 1990-м году был на её выступлении в Йельском университете. После концерта он попросил её объяснить что-то в одной из песен, и Катя сказала: «Да-да, я заметила по вашему лицу, что вы это не поняли». Из её интервью А. Руденко: «Вообще это большая радость, когда за полчаса снимаешь с лиц людей нашу будничную суровость, раскрепощаешь зал. Пока мне это удаётся».

Катя была участницей нескольких телепередач. Она рассказывала мне, как её друзья собрались вместе посмотреть одну из

---

¹ Катя Рыбакова, дочь Кати Яровой, выпустила недавно в Париже диск, где она исполняет детские песни, в том числе переведённые ею на французский язык песни своей мамы и несколько песен на стихи Ю. Мориц.

них. Первая же фраза вызвала оглушительный хохот: «Екатерина Яровая — это имя звучит, как пулемётная очередь». Она сказала, что ставит теперь эту запись, «если нужно поржать», но в целом передача была неплохая.

Вторым рецензентом на защите диплома у Кати был Станислав Бемович Джимбинов. Катя считала его самым интересным из своих преподавателей. Его имя не известно широко, но я читала позднее, как восхищались им его студенты. Олеся Николаева писала о его преподавательской деятельности «блистал». Катя рассказывала мне, что однажды в беседе с ней Джимбинов очень интересно говорил о её творчестве, она даже записала по горячим следам то, что было сказано. Я плохо помнила, что именно говорил ей Джимбинов, и как же была рада, когда обнаружила запись того разговора в её рабочей тетради. Джимбинов сказал Кате, что прослушал многие песни по 2–3 раза. Дальше тезисно:

1. Поразило и восхитило: смелость, шаг с крыши с абсолютной верой в то, что полетишь.

2. Музыка — существует как факт, как спутник, который уже летает.

3. Голос — несущая волна. Вам простят всё — и отсутствие вокальных данных, и любую хрипоту.

4. Недостатки: 1) Хулиганские песни — цинизм. Нельзя опускаться до этого. 2) Вам пока недоступно самое высшее, самые большие высоты — жертвенность, отдать душу за други своя. Даже в «Апокалипсисе» («Один») это не вышло, тем более при такой заунывной мелодии.

5. Но то, что вы уже создали, имеет высокую ценность. Т.е., вы создали такие ценности, которые уже остались, даже если вы сегодня умрёте.

6. Самая лучшая [песня] — «Гнюмик».

7. Плодоносящее лоно... Как бы ни старал[и]сь, то бы ни кончал консерватории, но у них нет того плодоносящего лона. Смелость и вера — то, что поразило, тем более у женщины. Кроме Новеллы Матвеевой с её, в общем—то, книжной романтикой, нет никого.

8. Песни короткие... Не хватает 1–2-х куплетов почти во всех песнях. Как короткое дыхание (у некоторых птиц).

9. Политические песни: не старайтесь отразить этот мир, он текуч. Мир отразит вас. Он будет подделываться под вас, а не вы под него.

10. Поразила песня про поколение: чтобы описать в таких коротких, чеканных фразах так точно всё то, что происходило за 10–20 лет, — для этого нужен только талант, ничем другим этого сделать нельзя.

11. Я вас могу поздравить. Вы создали ценности.

12. Пастернак и Мандельштам отрекались от еврейства и иудаизма. Христианство — вот единственный и проверенный путь к возвышению, к жертве и т.п. Недаром и Мандельштам, и Пастернак, и Цветаева, и Ахматова черпали из христианства.

Как бы ни относиться к высказываниям Джимбинова, важно то, что сама Катя высоко ценила его пронизательность в оценке её песен и его отношение к ней. Бесспорно и то, что Станислав Бемович понял важнейшие черты её творчества, её нацеленность на высшие ценности. Он, перед кем проходили тысячи талантливых молодых людей, увидел её потенциал, сказал, что она *уже создала* ценности, которые её переживут. Не знаю точно, когда происходил их разговор — наверно, перед защитой диплома, а Катя окончила Литинститут в 1988 году. То есть это было сказано до того, как были написаны многие из её лучших песен!

Кое-что новое прозучало в Катиных комментариях на концерте в доме Бориса и Ирмы Баришпольских в Вест-Хартфорде 9 мая 1992 года, одном из первых после её возвращения из Москвы. Сценарий этого концерта отличался от предыдущих. По словам Кати, это был эксперимент — меньше политических песен, чем раньше. Соответственно, поменялся и нарратив. Исполняя песню «На смерть Брежнева», она сказала, что этот текст только что отказалась печатать газета в Белоруссии, куда его принес друг Кати. Казалось бы, как такое возможно — где Брежнев и где 92-й год, разгар гласности. Но дело не в названии, а в содержании: «Цари меняются, Россия остаётся, какой была — безропотной и нищей, нигде другой такой страны не сыщешь, что над собою громче всех смеётся...» Рассказывая новые истории об отказах печатать или включать в передачи песню «Красный уголок», она говорила: «Пока мой “Красный уголок” не будет полностью напечатан, я не поверю в их гласность».

Из ответов на вопросы зрителей: «Переболела Цветаевой, потом отболела». Спросили про Юнну Мориц — сказала, что

почувствовала близость с ней. В пятнадцать лет любила Андрея Вознесенского. «Восхищаюсь Бродским, нельзя сказать, что люблю, — любить его, по-моему, трудно. Не всё понимаю».

В современной России, говорила она, дети учатся считать, переводя доллары в рубли, а рубли в доллары. Этим охвачены все. Раньше было что-то, что дороже жизни — например, тусовки на Пушкине (у памятника Пушкину). Теперь — около «Макдональдса», это для них святыня, воплощение Запада, красивой жизни.

«Нужно людей сейчас не отрывать от земли, а приковать к земле. Такое время».

Вопросы из аудитории:

- Какая песня нравится американцам?
- Трудно сказать. Наверно, «Гномик».
- Ваши впечатления об эмиграции.
- Во-первых, Брайтон. Во-вторых, остальные, которые делятся

на три категории:

1 — «Я уже 15 лет пытаюсь оттуда уехать». То есть всё ещё там.

2 — оторвались полностью, родились в России по ошибке, ничего русского не читают, не знают и знать не желают.

3 — застряли между. Одни в этой категории соединяют две культуры и благополучно существуют. А другие существуют неблагополучно, то есть застряли между двух стульев.

И дальше:

— Я разотождествилась со своей профессией. Очень давно ничего не пишу. Меня не интересует судьба моих стихов, моих песен. Катя Яровая — это прежде всего человек. Бард — это способ самовыражения, один из многих. Можно быть бардом, можно маникюршей. Это средство для достижения какой-то цели.

Слушатель:

— Для каждого из нас трагедия не выразить себя в своей профессии.

— Для меня это не трагедия.

— У вас это не профессия, это мироощущение.

Мужчина дальше сказал, что кому больше дано, с того больше спрашивается. Ей дан талант, и было бы очень жаль, если бы она не продолжила писать.

Второй приезд в Америку. Как её разбудить?

Второй раз Катя приехала в Америку в апреле 1992 года, на этот раз вместе с дочкой, Катей маленькой. Когда она позвонила мне, я поздравила её с её личным Исходом — было время еврейской Пасхи. «Да, наверно, это мой исход», — согласилась Катя. До её приезда в разговоре по телефону Люба, мать Саши Вайнера, сказала мне с уважительной уверенностью: «Ну, Катя не будет сидеть сложа руки». Понятно, что теперь Кате нужно было думать и о том, чтобы обеспечить дочь. Правда, она сдала свою приватизированную квартиру в Москве, и эти деньги были каким-то подспорьем. В начале мая Катя сообщила, что устроилась работать продавщицей в магазин ковров. Они с Сашей начали ходить в спортзал. Чувствовала себя Катя неважно, кашляла, и Джейн Таубман сводила её к врачу. Врач сказала, что у Кати увеличены лимфоузлы, но это, как и кашель, может быть следствием перенесенного вирусного заболевания.

В мае и начале июня Катя с дочкой жили у Вайнера в Бруклине. Концерты у неё были, но новых песен она не писала. Зная, как тяготит её затянувшаяся творческая немота, я пыталась её расшевелить, чтобы она снова начала писать. В это время Артём М., муж Бориной двоюродной сестры Юли, собирался ставить в Бостоне очередную пьесу. Артём — математик и программист по профессии и режиссёр и музыкант по призванию — незадолго до этого успешно поставил «Дракона» Шварца в собственном переводе. Вспомнив, что Катя писала раньше песни к спектаклям, я поговорила с Юлей и Артёмом и позвонила Кате. Она заинтересовалась, но эта идея так и не осуществилась.

Я посылала Кате статьи из «Московских новостей», которые могли ей быть интересны, — например, статью о Веронике Долиной, а также интервью с Андреем Синявским и Марией Розановой «Нельзя покаяться под дулом пистолета», перекликавшееся частично с Катиной песней-балладой «Про Родину-мать». Всё это мы потом обсуждали по телефону. Обсуждали и книгу Юрия Карабчиевского о Маяковском, отношение к которой у нас было неоднозначным, потому что мы обе многое любили у Маяковского. Карабчиевский атаковал сам поэтический метод Маяковского, и на первый взгляд казалось, что в чём-то он прав. Он беспощадно

критиковал Маяковского и за самоубийство, но вскоре сам последовал его примеру.

Я читала Кате по телефону куски статей из калифорнийской «Панорамы», где тогда печатались интересные авторы, посылала кассеты с песнями бардов. Ведь можно же зажечься и от чужого пламени! Но она не могла. Вспомнив, что она любит посвящать стихи и песни друзьям (даже когда пела на домашних вечерах уже известное, говорила, например: «Песня для Тamarочки. Она у нас любит дождь, ей посвящается»), и зная, что она хорошо ко мне относится, я как-то набралась нахальства и сказала: «А может, напишете для меня песню?» Спустя какое-то время Катя сказала мне по телефону: «Помните, вы просили меня написать для вас песню? Я об этом помню». Песню мне она не написала, но то, что она помнила и сочла нужным мне об этом сказать, когда была уже совсем больна, много для меня значит.

Катя продолжала кашлять. Очевидно, ей было необходимо срочно показаться врачу. Но она не шла к врачам, потому что у неё не было медицинской страховки, а платить наличными было дорого (хотя Саша в это время, насколько я помню, побывал у врача, расплатившись из денег, которые Катя получила за аренду московской квартиры). У неё были поданы документы на медикейд¹, и мы с Борей Баришпольским пытались убедить её обратиться к врачу, потом бы это оплатили. Но она была очень щепетильна и пошла к врачу только в июле в Коламбусе, когда получила страховку. Я посоветовала ей хотя бы пользоваться конфетами с ментолом от кашля и купить в аптеке ингалятор-пшикалку, какими пользуются астматики, чтобы смягчить приступы кашля. Много позже я узнала, что в Бруклине есть больница, где лечат малоимущих бесплатно, но тогда я об этом не знала. Говорил ли кто-нибудь об этом Кате?..

Дальше время закрутилось калейдоскопом, всё менялось очень быстро. Примерно в конце июня Катя вместе с Катечкой поехала с концертами в Огайо и остановилась в Коламбусе у Тани Зуншайн. В начале июля Вайнер сказал ей, чтобы она не возвращалась, сделав это в самой беспощадной форме: «Между нами

---

¹ Медикейд (англ. Medicaid) — американская государственная программа медицинской помощи нуждающимся.

ничего нет и не было». Рассказывая мне об этом, Катя сказала, что предвидела это в своей песне, посвящённой ему. Я этой песни почему-то не знала. Она удивилась и прочла мне текст:

...Тебя любить — в пустыне воду
Глотать, не утоляя жажды,
И прихоти твоей в угоду
Отброшенную стать однажды.

(В 2014 году в новой экранизации романа Олега Куваева «Территория» Ксения Кутепова читает эти Кагины стихи.)

Через несколько дней мы с Катей снова говорили по телефону, и она сказала, что у них был хороший разговор с Сашей, он взял свои слова обратно, сказал, что любит её. Но это была лишь временная вспышка раскаяния. Разрыв состоялся. При этом Вайнер отказался выслать деньги, которые пришли Кате за квартиру. Мне кажется, на Сашу повлияли родители. У Каги с ними были хорошие отношения, но это были люди из другой среды. Думаю, они испугались ответственности в случае Кагиной серьёзной болезни, так как их 25-летний сын писал песни и не имел постоянной работы, и если Катя зарабатывала на жизнь своими песнями, то он нет. Люба сказала Кате, что ей лучше оставить эти деньги на обратную дорогу для себя и дочки. Возможно, они надавили на Сашу, и он проявил слабость. Хотя это его не оправдывает.

В Коламбусе Катя начала работать официанткой в ресторане. Было тяжело физически, но нужны были деньги. Она говорила мне, что Катечке хотелось, как всем детям, пойти в кино, купить мороженое или Кока-Колу, а как ребёнку в таком возрасте объяснить, что мама не может чего-то купить? Говорила, что ей самой Америка не очень подходит, а вот Катечка хорошо приживается в новой стране.

Ещё когда они жили в Бруклине, я подталкивала Катю к тому, чтобы опубликовать её стихи в американских периодических изданиях, и лучше всего, если бы она отобрала стихи сама. Но она так никуда и не обратилась. Думаю, отчасти потому, что знала себе цену и не хотела обивать пороги, как начинающая, да и вообще, активно бороться за место под солнцем, работать локтями, продвигать себя — не её стиль. Кроме того, болезнь,

видимо, постепенно подтачивала её силы, а я, находясь на расстоянии, не до конца осознавала серьёзность ситуации. Я не хотела верить в то, что на этот раз болезнь не отступит, как отступила в 90-м году.

И вот примерно в середине июля, когда Катя получила страховку, Таня Зуншайн повела её к врачу. Диагноз: метастазы в мозгу, печени, лёгких. Катю положили в больницу. Я постоянно была на связи с ней, Таней, с Джейн, которую, по-моему, беспокоило, что в начале мая её знакомая врач ошиблась в диагнозе. Теперь медики из Катиного окружения говорили ей, что увеличенные лимфатические узлы были признаком вернувшегося рака, а время было упущено. Я послала Кате в больницу цветы. «Когда в палату внесли цветы, я сразу сказала: это от Тани Ямром», — говорила мне потом Катя.

И вот она снова дома у Тани Зуншайн. В одном из разговоров мы возвращаемся к публикации Катиной поэтической подборки, и она говорит: «Может быть, Танечка, вы сами это сделаете?» Я звоню Людмиле Шаковой в «НРС». Она просит прислать штук 15 стихотворений, чтобы они могли выбрать 7–8, и моё вступительное слово. Передаю это Кате. «А может быть, Танечка, вы сами выберете?» Я отобрала около 60-ти. Звоню Кате, чтобы обсудить и получить «добро». Сколько хохота было при обсуждении! А сколько я узнала, что пригодилось потом в работе над книгой! О песне «По дороге из Домодедово» Катя сказала: «Ну, вы же понимаете, что всё это написано ради последней строчки». («Вот потихоньку и боль улеглась, словно чайнки в стакане»). Про звонкое, красивое стихотворение про баяниста Ваню («Среди Кавказских гор...»): «Это проходное для меня стихотворение, упражнение в аллитерациях». Со своей дотошностью заведующей аналитической лабораторией я задаю вопросы о мельчайших деталях, в том числе о знаках препинания. Катя сказала, что любит тире и не любит запятые, что для неё очень важны заглавные буквы в ключевых для неё словах и точки. «Совсем. Точка. Нигде. Точка», — пояснила она примером из песни «Настанет день». Согласилась она на одно предложенное мной изменение в стихотворении «Ночь в Геленджике»: у неё было «летала ночь и падали миры», а мне казалось, что логичнее «летела». В названии песни «Уходящему вдаль» было решено убрать второе слово.

В некоторых песнях, которых не было в распечатке с дискеты, мне на слух не всё было ясно, и я попросила Катю прислать мне следующие тексты: «Я — московская жена...», «Я снова вхожу в эту реку...», «Моя минорная тональность...», «Чужие голоса, чужая речь...», «То живу я в доме этом...». И вот я получаю от неё письмо на жёлтых в линейку блокнотных листах. На последней странице:

«А во мне душа бездомно
Погостит — и сгинет след.
По счетам плачу огромным
За её тепло и свет...

Танечка! Извиняюсь, что не делаю никакой приписки, но мне нельзя и очень трудно писать — в глазах расплывается.

Целую крепко, Ваша Катя»

Читаю — и у меня самой в глазах расплывается от слёз. Испытываю чувство вины за то, что попросила Катю записать эти стихи, и в то же время восхищаюсь тем, что она сумела собраться с силами и прислать эти поистине бесценные автографы, потому что здесь были строки, которые потом многие недостаточно чуткие к поэтической речи редакторы, корректоры, блогеры и т.п. пытались править, а у нас в руках оказался последний авторский вариант, который впоследствии вошёл в сборник.

В августе Катя проходила курс химиотерапии. Начали выпадать волосы. Спала она обычно сидя, обложенная подушками, так как ей мешал кашель. Иногда Таня говорила мне, что Катя очень слаба и не может подойти к телефону, потом ей становилось лучше, и она брала трубку или звонила сама. Как я поняла, в Коламбусе не было русского магазина, и я отправила ей посылку: чёрная икра, балык, который ей понравился, когда она гостила у нас, брусничное варенье и ещё какие-то мелочи, включая сушки. Наверно, это не было показано онкологическому больному, но я знала, что когда человек болен, то ему можно давать всё, что он любит, чтобы возбудить аппетит. А какой русский не любит солёную рыбу, брусничное варенье и сушки? Икра Кате понравилась — «свежайшая», сказала она. От Тани Зуншайн я знала, что Катя теряет вес. Она рассказывала мне, что Катя как-то оттянула юбку в талии и показала ей — смотри, я

поправилась. А у Тани сжалось сердце: она знала, что это просто увеличилась печень.

Катя очень смешно описывала мне, как получала эту посылку. Её доставили на дом, и Катя сама вышла к почтальону. Босиком, в длинной свободной футболке, облысевшая от химии, она мычала что-то невнятное, когда почтальон объяснял ей, что к чему, и просил расписаться. В конце концов она поняла и расписалась. Она говорила, что мужик выглядел совершенно ошарашенным, как будто перед ним было существо с другой планеты, с голым черепом и не говорящее на земном языке. Через некоторое время в разговоре Катя спросила: «А вы знаете, что ваша икра единственная, которая до меня дошла?» Оказывается, ей везли из Москвы десять банок чёрной икры, но на таможне пропустили только одну («Пусть подавятся», — сказала Катя), и она шла так долго, что высохла.

Когда мы говорили по телефону, Катя много шутила, как всегда. Об этом же говорила и Джейн Таубман. А Оля М., филолог и литературовед из Москвы, которая тогда работала в Америке, рассказывала мне, сколько было смеху при покупке парика (она сопровождала Катю). И вообще за время их общения в Коламбусе она не видела у неё «ни слезинки». Мы все смеялись вместе с Катей, но на душе было тревожно. Позднее я узнала, что когда она, совсем уже больная, прилетела в Москву и увидела, как вытянулись лица встречавших её родных и друзей про виде её в инвалидной коляске, она откинула одеяло, встала и отбила чечётку. Её сестра говорила, вспоминая эти последние месяцы, что Катя не хотела никого грузить. Но однажды, ещё в июле, она сказала мне о своём состоянии очень серьёзно: «Я мужественный человек, не умею прятать голову в песок». И добавила, что другие бы прятали, а она видит всё как есть.

Поскольку Кате запретили читать, я посылала ей аудиокассеты, в том числе три кассеты Александра Городницкого, «Раёк» Шостаковича и подборку моих любимых песен Тома Уэйтса, который очень понравился и ей, и её друзьям. А вот о Городницком она отозвалась прохладно, хотя сказала, что «Ждите нас, невестренческие школьницы-невесты,/ В маленьких асфальтовых южных городках» — это хорошо. Я огорчилась, что отнимаю у неё время и забиваю голову чем-то, что ей не нужно, на она меня

успокоила: «Меня очень трудно замусорить. То, что мне неинтересно, проходит насквозь, не задерживаясь. Но если это что-то важное для меня — тут я наостряю уши, как локаторы, и ничего не пропускаю». В ответ Катя прислала мне запись концерта в Цинциннати Владимира Туриянского, который ей понравился.

Мы выписывали тогда «Московские новости», и в номере от 28 июня (газета приходила с опозданием) я обнаружила интервью с Игорем Виноградовым, сменившим Владимира Максимова на посту главного редактора «Континента». В 1992 году журнал, начиная со второго номера, должен был официально выходить в Москве, а мою статью о Кате Максимов собирался включить в первый номер. В интервью говорилось, что в первом московском номере будет опубликована «интереснейшая литературно-критическая статья — Марины Кудимовой о поэзии Высоцкого». Я тут же звоню Кате, и мы радуемся, что мы в хорошей компании.

Несмотря на болезнь, в Коламбусе Катя обрастала новыми друзьями и поклонниками, были посиделки и прогулки. Однажды она прервала наш разговор: «Всё, больше не могу говорить, меня ждут. Вошла Таня в роскошных сандалиях, идём гулять». А в один прекрасный день в сентябре Катя сообщила мне, что написала новую песню. Песня появилась на свет благодаря отношениям с одним из Катиных новых знакомых, М. Он сделал запись, и Катя пообещала, что М. пришлёт мне плёнку.

В молодости я писала стихи. Среди них было несколько удачных, которые, мне казалось, могли бы понравиться Кате, в чём-то даже была переключка — в юморе, рифмах, образах. Но всегда было много других тем для разговоров, а тут я решила сказать ей про свои стихи. «Что же вы мне раньше не сказали? Присылайте!» Я так и не послала, не до того было. Но первую свою повесть, «Несостоявшийся роман», в которую я включила несколько юношеских стихотворений, я посвятила ей: «Кате Яровой — с опозданием, хотя *поздно* стало уже синонимом *никогда*». Есть в повести и отголосок другого нашего разговора. Когда я рассказывала Кате об одной своей знакомой из пишущих, то сказала, что она хороший критик, но немного ненормальная. «Но это же хорошо!» — возразила Катя. Это было достаточно типично, в прошлой жизни мне уже приходилось слышать подобное, и это отражено в повести:

Катя Яровая на одном из своих выступлений. Из архива М. Смоляра. Около 1986 г.

Выпуск Литературного института 1988 г. Катя Яровая сидит в первом ряду в центре. Слева от неё руководитель семинара, поэт Лев Ошанин.

1. Храбрость и вохательство. смелость, шаг с криком, с абсолютной верой в то, что поведешь.
2. Мудрость - чувствует, как драк, как судит, как уже небаит
3. Голос. - несущая волею, воли прелесть все и отсутствие векальных данных, и медуно кринуто
4. Недобротки: Дружественные помы-уширки. Нельзя спускаться до этого. Драм пока не достигну самое волеие, самые болашие втсего-нер-твенность, отдав душу за друи свое. Даже в "Анокаментовес", "Дри" - это не вошло, Тем более при такой зацновной молодии.
5. Но то, что от уна создани и имеет высшую ценность, с.е. во создани такои ценности, как уже обданиес, дано всем во следие у-проб
6. Самые лучшие - "Гомлик"

Фрагмент записи в Катиной рабочей тетради разговора с преподавателем Литинститута С. Б. Джимбиновым.

Катя Яровая в детстве. 1962 г.

В. С. Цукерман, отец Кати,
на балконе их квартиры
в Свердловске после
возвращения с военных
сборов. 1962 г.

Кате 16 лет.

Катя с матерью
Э. В. Яровой и сестрой
Еленой. Около 1984 г.

Из фотосессии с украшениями Любови Орловой. Катя дружила с внуком режиссёра Г. В. Александрова Гришей и бывала в доме режиссёра и актрисы. Фото Г. Д. Александрова. 1975 г.

Катя Яровая и Валерий Рыбаков в день своего бракосочетания.
Слева сестра невесты Елена и брат жениха Евгений. 1980 г.

«Они были парой».
Катя Яровая с мужем
Валерием Рыбаковым
в Сухуми. 1980 г.

«Жил на свете гномик ...». 1980-е годы.

Поэт и Гномик.
Катя с дочкой Катей
Маленькой (Рыбаковой)
в Хабаровске. 1982 г.

Катя поёт на свадьбе
Елены Яровой
и Олега Шалашного
(на фото справа). 1983 г.

Катя со студентами Литературного института. 1984 г.

С мужем Валерием Рыбаковым и студентом из Никарагуа Сантьяго Молина Ротчу. 1983 г.

С дочерью на прогулке
в парке. 1986 г.

Катя Яровая.
Из фотосессии
с телефонной будкой.
1988 г.

Танечка, с Вашей сестрой я не свезла-ась по причине той, что я как-то странно отреагировала со стороны Кошкунской, написавшей мне по телефону. Я выжила только парочкой из Америки, а вот по телефону никак найти не могу.

Танечка! Может вы все таки выложите мне статью, которую вы написали. Журнал со мной обмениваться. Тем более, что журнал представляет интересную историю, и Ваша статья очень об мне в связи с историей приобщения. В Ленинградской газете "Зас нис" (самая популярная газета в Ленинграде) вышло недавно статья по названием "No problem, no drama оставили в России", написанная некоей Моск. журналисткой Ириной Кошкиной. Там написано про какого-то Лены Мушар-Золушан, которая в 15 лет уехала со своей матерью в Америку. И там она жила уже 17 лет, прекрасно училась, дружила, любила, все хорошо, и казалось бы, это супер, но эта Лена, видимо, душу оставила в России, т.к. пишет прекрасные письма о России. И письма цитируются Билли в моих лучших песнях. ???!! - скажете вы. Я сказала то же самое. Живите же правду оказалось довольно трудно. Я правда уже разговорила с Трудовой женой Ириной Кошкиной, но она-

Теперь остаётся Спасибо вам огромное, Ганечка, от меня и от всех моих родных и близких за эту статью. Она всем очень понравилась. Это все целое настоящее исследование, сделанное на высоком профессиональном уровне. Но-шучу, я не заслуживала такой работы, но дело уже не во мне. Самые по себе статьи, но-шучу, заслуживают большого шибера и вымачива. Спасибо, еще раз огромное. Очень от котиков и медь жуемлер. "Нового русского шова".

Я по-прежнему совершенно ничего не пишу. С марта 91г. - не написала ни одной строки. Не пишу, не выступаю. Было вот тогда одно выступление в Союзе журналистов (но в АПН) - и всё. Но было през-ловенский. А потом уже я совсем стала отказываться от редких предложений (например, ~~предложить~~ попросили выступить в ВТО). Прочла письмо писать, пить и выпустить. Почему? Не знаю. У меня такое чувство, что мне ничего сказать. Пока. Ощущение, что мои мысли совсем устарели. Не только политические. В общем, я не знаю. Времени покается. Пока, что не терять времени даром, беру уроки гитары на великий слуга. Вирок. Не пишу, говорю ле, пишу ле ле, беру еще уроки танцев - Зраза в Медина (Все теперь смеются когда мной - равном, говорит, ты мне, а теперь танцующе). Беру уроки макияжа, пер-кюра и макияжа. Это для того, чтоб как то украсить-матьба в Америке. Буду братонокской макияжницей.

Теперь о моих бумажных делах. В гелевой виле мне отказали в Американском консульстве. Говорят, что письмо к супругу не в гости ездить, но их заказу, не можешь. А только по иммиграционной виле. Г.е., ма, выбирает

КОНТИНЕНТ

КОНТИНЕНТ

16, rue Lauriston
75116 PARIS, FRANCE

Издательство:
Kontinent Verlag GmbH,
1 Berlin 61, Lindenstraße 78,
Telefon 030-253 15 14
Генеральное представительство:
A. Neimanis Buchvertrieb GmbH
8 München 40, Bauerstraße 28,
Tel. 089-37 05 34

6.9.91.

Уважаемая госпожа Янковская!

Ваш материал о Кате Яровой мы сможем опубликовать в №71 нашего журнала. Пришлите к публикации коротенькую биографию и, возможно, фотографию. Уचितывайте также, что в связи с выходом "Континента" в Москве мы сильно опаздываем.

С уважением

В.Максимов

Письмо Владимира Максимова, главного редактора журнала «Континент». 1991 г.

Разворот журнала «Континент» с окончанием первой статьи Татьяны Янковской о творчестве Кати Яровой (последний парижский номер, 1(71), 1992 г.).

Многоплановость образов может быть проиллюстрирована следующим примером.

Я слова вхожу в это небо
Со старым названием: Душа.
С вином и горбушкой хлеба
Туда я войду не спеша.
И это святое причастие
Дает ощущение мне
Причастности к жизни, и счастья,
И света в промытом окне.

"Свет в промытом окне" — удивительно емкий образ. Это и ощущение в ночи окно, которое дает нам надежду в пути, и ощущение уюта "в чистом и прибранном доме", покойного размеренного быта, и — "свет в окошке", то есть то окно, кто нам дорог, чье присутствие наполняет жизнь смыслом и счастьем.

Таких примеров можно привести множество, но эта тема требует отдельной статьи. Кстати, в этом же отрывке можно наблюдать и еще одну особенность поэзии Яровой: звуковые повторы в словах, несущих основную смысловую нагрузку, обычно в двух-трех соседних строчках. Здесь это причастие — причастности — счастья.

К сожалению, так повелось на Руси, что многие талантливые ее люди, особенно поэты и художники, находят официальное признание после смерти. Многие из нас страдают странной дантизорностью: мы хотим разглядеть поэта в человеке, живущем среди нас. Мы готовы нам восхититься, но потом, когда он, безопасно отдаленный временем, пишется из полки рядом с классиками. А как насчет того, чтобы издать книжку стихов сейчас? Выпустить альманах? Помочь организовать концерты? Сейчас есть возможность организовать совместные предприятия и продавать книжку и дискеты и там, и здесь. В Союзе они бы быстро разошлись. Еще в 1989 году А.Руденко назвал ее восходящей звездой, и интерес к ее творчеству растет.

В Англии и Франции она могла бы выступать не только перед русскоязычной аудиторией. Существуют переводы на английский язык, сделанные Джейн Таубман и Элейн Ульман. Мне известно, что есть и французские переводы. Во время Катингого пребывания в США я неизменно наблюдала огромный интерес к ней американцев.

Я не сомневаюсь, что время работает на Катю. Ее песни несут излучением душу озвучение, и если "не услышит имеющий уши", то "имеющий душу услышит". Пусть же и поэт услышит нашу признательность и пусть это произойдет сейчас. Пока мы живы.

Пока мы живы, зазвучат слова пускay,
... слова любви ...

Апрель — сентябрь 1991. Скенетиди, Нью-Йорк

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Виктор Малкин

БОРИС СЛУЦКИЙ, КАКИМ ЕГО ПОМНЮ

С Борисом Слуцким я познакомился осенью 1946 года у Давида Самойлова. В те годы, с 1946 по 1953, Давид Самойлов — друзья называли его Дезик — с женой Далекой жили на улице Марклевского в доме № 4, фасадом почти выходящим на улицу Кирова. Они занимали в большой коммунальной квартире одну — просторную — комнату. Здесь собирались молодые поэты: Борис Слуцкий, Сергей Наровчатов, Николай Глазков; бывали Семен Гудзенко, Александр Межеров, Леон Коржавин. Приходили сюда и актеры, ученые, среди них физик Лев Ландау, доктор экономических наук Яков Кронрод...

Начал перечень с Бориса Слуцкого потому, что он чаще других, почти ежедневно, бывал в этом доме. У него в Москве не было ни близких родственников, ни землячества — он периодически где-нибудь снимал комнату, поменял, поदेशил. В доме Самойлова Борис, как говорится, дышал и почевал, чувствовал себя свободно — хорошо. Он был очень дружен с Давидом Самойловым. Их дружба была настоящей — полностью равноправной и творческой. Они часто спорили, всегда сохраняя при этом доброжелательное, я бы сказал, любовное, братское отношение друг к другу.

У Самойлова я бывал часто и почти каждый раз встречал Слуцкого. Сначала у меня сложилось мнение о Слуцком как о суровом, гордом, даже надменном и замкнутом человеке. Вспоминалась известная строка Блока: "...недоуменный, гордый, чистый, злой..." Убежденный член партии, он был безоговорочно предан коммунистическим идеалам и великому вождю. Гордый непосредственной причастностью к Великой Освободительной и к исторической победе Слуцкий казался мне похожим на пропавших легендарных комиссаров гражданской войны, с которыми он, комиссар Отчетственной, был как бы в ровном родстве.

Худой, несколько выше среднего роста, хорошо и сильно озвученный, интровертный, всегда подтянутый, с офицерской выправкой; неизменно одетый в военную форму — таким помнится мне Борис в те годы. Черты лица Бориса были рельефны, четко очерчены: крупный и горбинкой нос, мощный лоб с крупными надбровными, темного нависающего блендо-голубые глаза. К этому следует прибавить густые светлые с рыжеватым оттенком волосы и пышные усы. Вот портрет Бориса Слуцкого послевоенных лет.

И видно не достало мне тогда
Мне та земля для теплых испытаний,
Чтоб таму до конца читать слова
Бездомности, сиротства и скитаний.
И выбор - самый тяжелый в мире груз -
Но облегчил похмельем и цунамием.
"АФЕБИНА" - слово пробую на вкус -
"Рябучки гореть в нас и соль познавшая
И даже небо кажется другим,
И даже звезды по дремлету светят.
Лишь до ~~всегда~~ ^{всегда} прощиваеи ветер,
И только он мне кажется родным.
На перекрестке дел моих и дней
Меня продуло так, что коллет душу,
Но ветру странности буду я пошленье
Куда несет меня ему видней.

А во мне душа бездомно
Поестит - и смей след.
Но скетам плечу оромным
За её тепло и свет...

Лето 90г.

Панечка! Извинелось, что не
делало никакой приписки, но мне
неловко и очень трудно писать - в глазах
разливается. Целую крепко. Ваш 9 Катя 8

Newsgroups: soc.culture.soviet
 Path: rdsunx.crd.ge.com!neva!yamrom
 From: yamrom@crd.ge.com (boris yamrom)
 Subject: Appeal for bard Katya Yarovaya
 Message-ID: <1992Sep13.164536.27470@crd.ge.com>
 Sender: yamrom@neva (boris yamrom)
 Nntp-Posting-Host: neva.crd.ge.com
 Organization: GE Corporate R&D Center
 Date: Sun, 13 Sep 1992 16:45:36 GMT

The following is a translation of the appeal appeared in Novoe Russkoye Slovo on Friday, September 11, 1992. The translation was made by Jane Taubman, Professor of Slavic Literature at Amherst College, from the original letter sent to her from Russia.

Ladies and Gentlemen!

We would like to bring to your attention the desperate situation of the well-known Russian poet and bard Ekaterina (Katya) Yarovaya. During the "stagnation" period in Russia, Katya showed a great deal of courage and independence by performing songs full of irony, striking in their boldness and civic honesty: "On the Death of the Leaders," "Afganistan," "About the Central Committee," "The Tower of Babel," (about the "friendship" of Soviet nationalities) and many others. But this is only one aspect of her work. Katya is a subtle lyricist and a shrewd observer of everyday life. She has written more than 300 songs. She performed with great success at a number of American universities in 1990.

Two years ago, Katya, then 33, was operated on for breast cancer. Now extensive metastases have been discovered, and she is undergoing treatment (radiation and chemotherapy) at Riverside Hospital in Columbus, Ohio. When her American husband, a Russian emigre, learned about her illness, he left her. Now she and her eleven-year-old daughter are living in Columbus, where Katya had come to perform concerts. Her treatment is covered by medical insurance, but she has no money at all to support herself or her daughter. She is not able to work. They are living with friends and their condition is catastrophic.

We hope you could help Katya Yarovaya in any way possible. Her address:

Katya Yarovaya
 2825 Neil Ave. apt. 703
 Columbus, Ohio 43202 USA
 tel. 614-263-8186

account no: 044000024
 04893466022

The following Russian writers consented by telephone to add their signatures to this appeal:

Bella Akhmadulina, poet
 Yuri Arabov, writer
 Tatiana Bek, poet
 Andrei Bitov, writer
 Zoya Boguslavskaya, writer
 Andrey Voznesensky, poet
 Galina Volchek, director of "Sovremennik" theater
 Pavel Gusev, minister of information, city of Moscow, editor
 "Moskovskii komsomolets" newspaper
 Lev Guschin, editor "Ogonek" magazine
 Mark Daitch, director, Radio Liberty Moscow bureau
 Evgeny Evtushenko, poet

Обращение о помощи Кате Яровой на английском языке. 1992 г.

Caffé Lena

(518) 583-0022

47 Phila Street, P.O. Box 245, Saratoga Springs, N.Y.

14, October 1991

Dear Tanya ~

I'VE been doing some Fall cleaning and came across Katya's package just this afternoon ~ after listening to her beautiful voice once more I am returning HER tape to you as promised.

When you write / speak to Katya please wish her well for all of us here at Lena's and TELL her how much we enjoyed her music and lyrics. I hope that she is recovering and capturing all the changes in Russia / Soviet Union in song.

Thankyou for all your help.

Best,

Barbara Morris

★ Good Folk Since 1960 ★

Снова в Америке. 1992 г.

Павлин и нимфа. Рисунок Эдуарда Дробицкого. Включён в сборник
«Из музыки и слов. Стихи и песни Кати Яровой».

«— Всё-таки удивительно, — сказал он. — Мне всегда нравились ненормальные, а ты — совершенно нормальная.

— Почему это я нормальная? — обиделась она, как другая бы возмутилась: “Почему я ненормальная?”. Ненормальность казалась им нормой, нестандартность — стандартом».

Тем временем подошел срок публикации стихов в «НРС». Я написала небольшую статью, предваряющую подборку, и отправила её Кате.

— Ну, Танечка, вы всё время что-то такое во мне открываете, чего я сама не знаю.

— Что?

— «Бой кровавый». Сама я этого не слышала.

В статье было такое место:

«Вот, например, строфа из программной для её творчества песни о бродячем поэте:

*И сколько правды ни ищи,
Но будут правы
Все те же белые плащи —
Подбой кровавый.*

Смысл очевиден, хотя гонители правды едва обозначены — те, кто прикрывается белыми одеждами, а руки испачканы в крови. Но ведь это и... “В белом плаще с кровавым подбоем... в крытую колоннаду... дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат” — начало второй главы “Мастера и Маргариты”. А за этим — и распятый Христос, и затравленный советской властью Булгаков, печальная судьба его романа, который увидел свет лишь много лет спустя после смерти автора...

И всё же, когда читаешь эти строки, а особенно когда слушаешь песню в авторском исполнении, нет ощущения безнадежности, капитуляции, — и это подспудное ощущение сопротивления, борьбы заложено в звуковой материи стиха: благодаря изменению падежа по сравнению с булгаковской строкой мы явственно слышим “бой кровавый” в последней строчке четверостишия.

Конечно, мы редко подвергаем подобному анализу то, что слушаем или читаем, да и автор не всегда осознанно использует те или иные поэтические приёмы — процесс восприятия, как

и процесс творчества, во многом интуитивен. Но и мы, и автор объединены одной и той же языковой и культурно-исторической средой и неизбежно адекватно реагируем на то, что заложено в произведении».

Что ж, не так уж много. Значит, всё остальное было для неё не ново, я понимала её правильно. Это было важно знать.

Я попросила Шакову напечатать обращение к читателям о сборе денег для Кати, но она сказала, что их газета не делает этого. За все годы было три исключения, два из них — Булат Окуджава и Александр Алон. «Я понимаю, положение её катастрофическое. Я постараюсь, чтобы ей выделили какие-то деньги из нашего фонда». И вот 7-го сентября вечером мне звонит Джейн Таубман. Ей сообщили из Орегона, что туда пришло обращение из Москвы с просьбой об оказании Кате материальной помощи. Катя сказала ей: «Срочно звоните Тане Ямром». Мы договорились, что Джейн, как только получит текст, отправит его мне. Я уехала на работу в 7 утра и поручила Наташе переслать мне факс на работу. Факс был отправлен в 7:18 8-го сентября 1992 года с кафедры политических наук колледжа Амхерст, по-видимому, Биллом Таубманом от имени его жены Джейн. Обращение было также переведено на английский. Я позвонила в «Новое русское слово». Было утро вторника, публикация была запланирована на пятницу 11 сентября. Услышав имена подписавшихся, Людмила уже не могла отказать, да и внутренне она была к этому готова, и решила присоединить обращение к стихотворной подборке. «Срочно присылайте, сегодня материал идёт в набор». Обсуждаем детали — быстро, чётко. В профессионализме Шаковой не откажешь. Она также сказала, что убрала последнюю фразу моей статьи, где я выражала надежду, что Катя поправится и ещё порадует нас новыми концертами.

Авторы обращения писали: «Два года назад Катя перенесла операцию по поводу рака груди. Сейчас у неё обнаружены обширные метастазы, и она проходит курс лучевой и химиотерапии в Коламбусе, штат Огайо, США (Riverside Hospital, Columbus, Ohio). Узнав о болезни, её муж-американец (советский эмигрант) оставил её. В настоящее время она находится с ребёнком в Коламбусе, где оказалась, выступая с кон-

центами. Лечение Катя получает по медицинской страховке, но никаких пособий и средств к существованию не имеет. В настоящее время нетрудоспособна. Живёт с дочерью у знакомых. Положение её катастрофическое. Выражаем надежду, что Вы сочтёте возможным оказать Екатерине Яровой помощь в любой форме». Далее приводился адрес и номер банковского счёта. Вот имена тех, кто по телефону дал согласие подписать обращение. Профессию, титулы, звания и должности опускаю, как и номера телефонов. Эти люди хорошо известны всем, кто был связан с русской культурой в те годы:

Ахмадулина Белла
Арабов Юрий
Бек Татьяна
Битов Андрей
Богуславская Зоя
Вознесенский Андрей
Волчек Галина
Гусев Павел
Гущин Лев
Дейч Марк
Евтушенко Евгений
Искандер Фазиль
Любашевский Юрий
Мальгин Андрей
Мессерер Борис
Минкин Александр
Мориц Юнна
Одинокова Нина
Окуджава Булат
Сидоров Евгений
Трушкин Леонид

Звоню Кате, что всё в порядке, Шакова согласилась опубликовать обращение в «Новом русском слове». Катя уже читала текст и говорит — какво будет Вайнеру читать о себе такое в газете? Спрашиваю: «Может быть, попросить Людмилу вычеркнуть эту фразу?» — «Ну нет, что написано пером, того не вырубишь топором». Ещё один урок.

Катя прислала мне страничку из своей записной книжки — она у меня сохранилась — с телефонами и адресами людей, которым я должна была заранее позвонить про публикацию, чтобы они купили газету. Это Борис Ендлер, Элла и Саша Горловы, Игорь Михалевич-Каплан, Лидия Кесех, Эдик Кантор, Миша и Юля Фикс, Саша и Лора Нойштадт. Рядом с именами моя пометка disc. — видимо, я позднее посылала им Катины диски. Сама я обратилась к И. В., подруге Сони Лубенской в Нью-Йорке, чтобы она купила нам несколько экземпляров, — у нас русские газеты не продавались. И. была под большим впечатлением от стихов, полна сочувствия, а по поводу обращения сказала: «Я знаю, что по крайней мере шестеро из подписавшихся могли бы с лёгкостью позволить себе помочь Кате». Я передала это Кате. Её мгновенная реакция: «Вообще-то это неблагородное занятие — считать чужие деньги».

Нахожу у себя копию поста с текстом обращения по-английски, который Боря отправил 13-го в Newsgroup soc.culture.soviet — аналог современных блогов. Посылали английский текст обращения и в другие места.

После публикации в «НРС» стала поступать помощь, многие звонили. «Звонила сумасшедшая жена писателя К., сказала Тане: “Нет у неё никакого рака! Бедная девочка — они просто хотят получить её органы. Немедленно положите её на обследование!”» — рассказывала Катя. Позвонила в слезах старая подруга Кати Алла Кигель — Катя не знала, что Алла в Нью-Йорке, а не в Москве. Я спрашиваю у Кати, нельзя ли что-то подобное организовать и в Союзе. Она в ответ: «Что взять с бедных советских граждан?» Я говорю ей о расслоении, о том, что появились там и весьма состоятельные люди, которые могли бы оказать ей помощь в ответ на обращение, подписанное такими известными людьми. «Но им как раз и плевать на тех, кто подписал обращение. Так что и здесь расслоение. Там сейчас расслоение по всем параметрам».

Проводы друга

Катя любила одностипшия своего друга Владимира Вишневого. В разговоре 12 сентября 1992 года, после публикации в «Новом русском слове» подборки её стихов, она процитировала мне по телефону: «Я умираю, но об этом после». Тогда же вспомнила своё: «Я по звёздам, как по нотам, пропою свою судьбу». И огорошила меня известием о своём отъезде в Россию, в Академгородок. Вот это поворот! Я сказала: «Вот мы все суетимся, что-то организуем, чего-то добиваемся, а вы как будто стоите на месте. А потом делаете семимильный шаг и оставляете всех далеко позади».

Я записала кое-что из нашего разговора. «Я совсем не приспособлена к жизни в Союзе. То есть я к ней вообще не приспособлена, если уж честно говорить». В Америке могла бы жить только в Амхерсте или в Коламбусе. Продала зимние вещи, так как не собиралась возвращаться, а теперь вот надо ехать. «Видно, не суждено мне жить в Америке». Рассказывает, что «в Новосибирске есть какой-то самородок. У него есть какие-то аппараты и препараты. Биостимуляторы поднимают иммунитет, аппараты разрушают опухоль». Говорят, что он поднял на ноги многих раковых больных. «Сестра звонила и сказала категорически: “Немедленно вылетай. Ждём тебе в среду”». Племянник Миша летит в понедельник, а Катя не успевает — в понедельник только будут готовы анализы. Спрашиваю, не нужно ли чего. «Может, прислать икру?» — «Ну, этого ещё не хватало! Я же еду в Россию». Предлагаю помочь с пересадкой в Нью-Йорке. «Ну что вы, зачем, вам сложно. Важно ведь не просто увидеться, а посидеть, спокойно пообщаться, а такой возможности у нас не будет».

По-моему, у Кати появилась надежда. Она говорит о том, что химиотерапия не дала результата: «Я это знала, чувствовала, что химия не для меня. Это не моё лечение. Врач от меня отказывается — говорит, что ей нечего мне предложить. Такой случай, когда врач отказывается». Она говорит, что за пределами России большинство её материалов находится у меня. «Так что я вам, Танечка, всё это завещаю». По-уральски протяжно звучит последнее «а».

В Москву она вылетает 19 сентября. Катечка пока останется в семье сына Аллы Кигель Серёжи. Накануне вечером мне

позвонила его жена Ира и сказала, что Катя у них, а меня «езде разыскивает нью-йоркское телевидение». Назавтра назначено интервью, и Ира предложила мне приехать к ним к 11 часам. Я сказала, что не успею, но приеду проводить Катю в аэропорт. Это интервью я видела в записи. На диване рядом с Катей её очаровательная дочка с ямочками на щеках гладила спаниеля. Катя спела свою последнюю песню — «такой вальсок», сказала она. Отвечая на вопрос ведущего, Арона Каневского, она говорит, что болезнь — это испытание. «Есть испытание богатством, славой, браком супружеским. Это одно из жизненных испытаний, которое нужно пройти». И добавила: «Всё-таки в мире есть какой-то баланс. В моей нынешней ситуации я понесла огромный моральный ущерб, но получила и огромнейшую моральную компенсацию. Так что я была всегда счастлива».

Ей был задан вопрос по поводу включённого в подборку стихотворения «Моя минорная тональность», которое завершается словами: «И уместилась в трёх аккордах/ душа бессмертная моя». Какие же это три аккорда? Катя ответила, что не думала об этом, и когда писала стихотворение, имела в виду «пресловутый блатной квадрат», который начинающие гитаристы в подростковом возрасте разучивают где-нибудь в подъезде. Но в последнем стихотворении подборки в «НРС» они, пожалуй, названы — «Я снова вхожу в эту реку со старым названьем Любовь», «Я снова вхожу в это море со старым названием Жизнь», «Я снова вхожу в это небо со старым названьем Душа». «Вот это, наверно, и есть мои три аккорда».

И море, и небо, и реки,
И Жизнь, и Душа, и Любовь
Завязаны в узел навеки,
Не в силах его человеки
Распутать — он свяжется вновь.

Девятнадцатого я отправилась с утра на работу, отпросилась и на автобусе поехала в Нью-Йорк. До аэропорта JFK добралась около четырёх. Катя была уже там в сопровождении Аллы, Иры и Катечки. Был там и Серёжа, но ушёл, не дожидаясь посадки.

Катя была в светло-голубом джинсовом костюме с курткой, отделанной аппликациями, и белой блузке. На голове парик, светлые волосы собраны сзади в хвост. Она заметила и похвалила моё платье — то самое, дизайнерское. Меня попросили сводить Катечку в туалет, и мы отправились на поиски. Тоненькая длинноногая девочка, держится спокойно и приветливо. Очевидно, всё понимает и проявляет недюжинную выдержку. Сказала, что предпочла бы лететь с мамой и быть там с ней. Было ей тогда одиннадцать лет.

Объявили посадку, но Катя не торопилась, оставалась с нами. Её усадили в инвалидную коляску, положили ей на колени большую чёрную дамскую сумку и гитару в футляре. Тут подскочили две работницы «Аэрофлота», высокая и маленькая, и заявили, что в самолёт можно взять только одно место — либо сумку, либо гитару. Ира стала им доказывать, что Катя больна и должна постоянно принимать обезболивающие препараты, что в сумке лекарства и другие необходимые ей вещи, без которых она не может обойтись в столь длительном перелёте, что она музыкант, что гитару нельзя сдавать в багаж, и т.п. Мы все её поддерживали. Но аэрофлотовки были непреклонны. Одна из них вырвала у Кати из рук сумку, разговор шёл на повышенных тонах. Все уже давно прошли в самолёт. Катя спокойно, с интересом наблюдала за перепалкой. Наблюдала за ней и высокая полногрудая латиноамериканка с красивым смуглым лицом, в форме служащей аэропорта, стоявшая неподалёку. Она не понимала языка, но поняла суть происходящего. Подошла, решительно забрала сумку из рук аэрофлотовских женщин, поставила её Кате на колени и сказала по-английски: «Можете идти». Аэрофлотовки расступились, и мы проследовали на посадку. Ира катила коляску. Мы прошли за стеклянные двери и стали прощаться, дальше Катю должен был везти кто-то из персонала. Я стояла сзади, чтобы не мешать прощанию с Катей её дочки и тех, с кем она остаётся. Но Катя не забыла обо мне. Она оборачивается и улыбается: «Танечка!» Мы обнимаемся. Я сжимаю её запястье и пугаюсь, не сделала ли ей больно — так худа её рука. Больше мы с Катей не виделись.

Прощание

Теперь я всё узнавала от Катиной сестры. Лена Яровая и Оля Гусинская жили с Катей в гостинице Академгородка. Когда я звонила, дежурная вызывала Лену с пятого этажа. Катино самочувствие колебалось день ото дня, но улучшения не было. На розовых листочках для записок — записи по следам разговоров с Леной. В Новосибирске рядом с ними жили миссионеры. Они познакомились, Катя любила с ними разговаривать, даже собиралась написать для них что-нибудь. Может быть, она за этим там оказалась? Она по-прежнему сохраняла чувство юмора. Лена рассказала, что однажды Катя сидела на краю кровати — худая, лысая — и вдруг сказала: «Кипит мой разум облучённый»¹.

Передо мной выплывший от времени бланк Important Message (важное сообщение), который принесла мне декабрьским утром 1992-го года секретарша. Дата 14.12, время 8:30, имя звонившего — Таня Зуншайн и её телефон. Страшно звонить, я уже знаю, что скажет мне Таня. И Таня говорит, что Катя умерла 12 декабря. Ей сообщили об этом в воскресенье 13-го, в 9 утра. Накануне Таня почему-то решила убрать Катини вещи, остававшиеся в том положении, как Катя их оставила, — они как будто ждали её. А тут словно что-то подтолкнуло Таню убрать их. Всё. Надеяться не на что. Кати больше нет.

Последнюю неделю, с воскресенья 6-го декабря, Катя была в больнице, в кислородной палате. Рентген показал, что лёгкие полностью метастазированы. Лена её крестила и крестилась сама. Одиннадцатого Катя сказала: «Я так хочу умереть! Господи, помоги мне быстрее умереть!» Умерла она в субботу утром. В девять часов туда пришли приехавшие накануне родные — Валера, Катечка, сводный брат Гриша, муж Лены Олег Шалашный — и Катин друг Петя, но уже не застали её.

Похороны были 17-го в Москве, на Востряковском кладбище, недалеко от могилы Андрея Сахарова. Пришли Лев Ошанин, Александр Минкин, Эдуард Дробицкий, все друзья. Звучали Катини песни. Когда опускали гроб, Катин голос пел «Прощайте»:

---

¹ Катя обыгрывает здесь цитату из «Интернационала» — «Кипит наш разум возмущённый».

Кто-то должен каждую черту
Ваших лиц запечатлеть глазами.
И вот эту, и еще вон ту,
И, как снимок, проявить слезами.

Прощайте.

...Я как нищая — в ладонях ни гроша.
Одинокость хуже обнищанья.
Но зато я знаю, где душа, —
Там, где боль от нашего прощанья.

Прощайте.

Оля М. рассказала мне, что пришла на отпевание рано, и какая-то девушка подошла к ней и спросила: «Простите, вы Катя Яровая?» Они были внешне немного похожи. Но в этом вопросе было что-то странно-мистическое — девушка ведь пришла на Катины похороны! Потом ещё один человек принял Олю за Катю. Видимо, так трудно было поверить в Катину смерть, что, увидев похожее лицо, люди цеплялись за это — а вдруг произошла ошибка и Катя на самом деле жива?

На поминках было около 60 человек. По свидетельству Оли М., это не были обычные поминки, когда люди, почтив память ушедшего, начинают говорить на разные темы. Здесь все говорили только о Кате, и все как один рассказывали, как многим ей обязаны. Когда Лене Яровой и Оле Гусинской выражали сочувствие, они отвечали, что они-то и есть самые счастливые, потому что были с Катей до конца.

От меня все ждали некролога. Я отпросилась с работы и за полдня его написала. Статья «Прощание с Катей Яровой» была опубликована в «НПС» 24 декабря.

Тридцать пять лет! Зенит обернулся закатом. «Я ещё вижу полосу закатную...»

Дочь Наташа сказала мне: у Кати «закатные» глаза. Это когда под радужкой видна полоска глазного белка.

Говорила, что не приспособлена к жизни... Предпочла стужу летейскую стуже житейской? В рабочей тетради есть запись:

«И отдала бы Богу душу, да Бог не берёт». Когда это было написано? *Она уже никогда ничего не напишет.* «Как страшно слово *никогда* — страшнее смерти».

Из моего письма Лозанскому от 10 января 1993 года:

«Уважаемый Эдуард!

Максимовы прислали мне из Парижа три экземпляра «Континента» № 71 с моей статьёй о Кате Яровой... Хочу Вам сообщить, что статья о Кате появилась очень своевременно: месяц назад она умерла. Она успела получить журнал со статьёй и была этому очень рада. Посылаю Вам свою заметку о ней, которая была напечатана в «НРС»...

С наилучшими пожеланиями в новом году,

Татьяна Ямром (Янковская)».

Летом я побывала в Иерусалиме и привезла Лене Яровой для неё и для Кати простые крестики из оливкового дерева, освящённые в Храме Гроба Господня. Катин крестик просила отнести ей на могилу.

После её ухода наше общение продолжалось. (Несколько подруг Кати говорили мне, что после смерти она им снилась — кому две недели, кому дольше.)

Я ехала по утрам на работу, слушала Катины кассеты, смотрела на облачное небо. Где-то там — Катя. Я ощущала идущий между нами диалог. Один раз зашла слишком далеко: это был уже не диалог, я как будто изнутри стала понимать её, а не со стороны, и я испугалась. Поняла, что лучше этого не касаться. Нельзя так глубоко влезать в душу другого человека. Эта дистанционная связь с Катей прекратилась в 1995 году после нашего с мужем посещения её могилы на Востряковском (памятника тогда ещё не было). Наверное, это сделало её уход более реальным, а наше прощание более глубоким. Я наконец физически ощутила, что её больше нет. Но каждый раз, когда я слышу «Память, словно кровь из вены...», что-то внутри замирает, наплывает то первое ощущение, когда моя душа навеки пробудилась для Катиных стихов, — ночь, Адирондакские горы, неслышное скольжение шин по шоссе, и, как вспышки света, — выхваченные памятью из прошлого Ленинград, Пулковский аэропорт, лица провожающих за стеклом, Вена и ощущение, что с прошлой жизнью покончено навсегда.

Так для меня открылся мир Катиных стихов — мир, который я никогда уже не покину и который не покинет меня.

Круг друзей

Вот пачка цветных квадратиков для заметок с именами и телефонами тех, с кем я контактировала, чтобы устроить Катини выступления, послать кассеты, переводы стихов и мои статьи о ней. Имена, телефоны, факсы, адреса... Местное радио в Олбани, кафе «Лена», синагога, колледжи, журнал Слово\Word (о нём я впервые услышала от Кати, а она, по-видимому, от своей однокурсницы, сотрудницы журнала Марины Георгадзе, которая умерла от рака через несколько лет после Кати), родные и друзья Яровых, врачи, издатели, слависты, журналисты, библиотекари, владельцы и работники русских магазинов, организаторы концертов... Имена моих друзей с цифрами, кто сколько кассет заказал. Имена тех, кого я приглашала к нам на Катин концерт. Адрес больницы в Коламбусе с пометкой: «Катя — заметка, адрес, цветы, яблоки, груши, пн., ср., чт.». Большой блокнот со списком вопросов Лене Яровой — о памятнике, о сборнике, о финансировании сборника, где издавать...

Я помню время, когда я постоянно перезванивалась с незнакомыми людьми, которые внезапно стали близкими. Какое это было доброе, тёплое общение! Нас объединяла любовь к Кате и желание ей помочь. Ну, а она — она помогала нам. И не только песнями. Мудрый и чуткий друг, который мог с тобой посмеяться, посочувствовать, посоветовать, она заражала и заряжала жизнелюбием, обладала незаурядной интуицией и пронзительностью. Её реакция на неожиданные повороты в судьбах друзей нередко оборачивалась предвидением и дельным советом. Катя обладала даром дружбы и душевной щедростью. Как часто бывает, что люди, гостя у Ивановых, рассказывают им, как хорошо их принимали Петровы, а Петровым нахваливают гостеприимство Ивановых! Думаю, каждому, кто общался с Катей, она сумела дать понять, как именно он ей дорог.

Кати больше не было, а общение с кругом её друзей продолжалось, её имя звучало, как пароль. Таня Зуншайн сделала копии её рабочей тетради (РТ), в том числе для меня. Там я впервые прочла стихотворение, посвящённое Джейн Таубман:

Мой круг друзей, спасательный мой круг,
Не то что слов — и жизни всей не хватит,
Чтоб высказать любовь. Не хватит рук,
Чтоб заключить мне вас в свои объятия.

И пусть, я знаю, мой недолог век,
Но я друзьями счастлива моими.
Комочком в горле — нежное, как снег —
Мне имя Джейн, волшебной феи имя.

Мои кочевья по миру с сумой,
Минуты счастья и года скитаний
Понятны и испытаны самой
Единственной моей, чьё имя Таня.

Своим дыханием и своим теплом
Меня спасает от любого вида боли
На мир ни разу не взглянувшая со злом
Моя родная, та, чьё имя Оля.

И жизни ткань пускай трещит по швам,
И каждый год прожитый — как заплата,
Свой каждый день я посвящаю вам —
Пусть жизнь моя достойной станет платой.

С Джейн всё понятно, как и с Олей, — это Оля Гусинская, которую я по Катиным рассказам считала её лучшей подругой. Позднее Оля отрицала это — она считала, что лучшей подругой Кати была Лена Плющенко. А вот Таня — это кто? Таня Зуншайн предполагает, что это я, потому что Катя не могла бы упомянуть её без сестры-близнеца Лоры, я — что это Таня Зуншайн, а если не она, то Таня Романова. Лена и Оля говорят мне, что в это время Катя уже не могла бы так писать о Тане Романовой. Полагаю,

что это всё-таки Таня Зуншайн, которую Катя знала с детства, хотя, признаюсь, мне приятно, что Таня думала, что это могла быть я. Такая ситуация тоже характерна для Кати. Часто после смерти талантливых людей многие из их окружения начинают доказывать, что именно они были их лучшими друзьями. А тут никто не претендует на звание самого близкого! Катя, как при жизни, так и после ухода, сближала людей. Все они — её спасательный круг. В общении с ней не было места гордыне, корысти — только любовь. Она сама бросает нам спасательный круг. Это не метафора. Э. У., когда у неё был диагностирован рак груди, говорила, что вспоминала Катю, пока лечилась. Соня Табаровская, которая влюбилась в Катины песни и сделала серию передач о ней на радио в Хьюстоне, сказала мне: «У меня в жизни был грустный период, и Катины песни помогли мне его пережить». Многие говорили и писали мне, что не могут жить без этих песен, что они помогали им выжить в трудных жизненных ситуациях. Их спасал Катин голос.

Отношение к ней людей:

Таня Зуншайн: «Даже если люди знали её пять минут, час, день, она оставила след. Такой она была человек».

Вика Швейцер: «Такая она была живая! Молодец она была». На мой рассказ о квартирных делах в Москве (после смерти Кати возникли сложности с оформлением её квартиры на имя дочери): «Всё это неважно по сравнению с тем, что Катя умерла».

Моя сестра после получения кассеты с её песнями: «Катя стала близким, родным человеком. Событие года».

Sue Larsen (Global Village Conference): «She is fascinating!»¹

Из писем читателей и слушателей:

Галина Пичура: «Стихи Кати Яровой меня потрясли. Я считаю её необыкновенно ярким и талантливым человеком. Так остро и глубоко чувствовать — это и значит быть поэтом. Этому — не научишься, это — не сыграешь! Я сама пишу стихи, и, как все творческие люди, весьма ревностно отношусь к другим поэтам. Но ей и позавидовать нельзя: практически никто на этот уровень “не тянет”. Кто-то пишет профессиональнее по форме, вероятно, но по эмоциональному накалу, пронзительности и искренности её трудно превзойти».

---

¹ Она обворожительна! (англ.)

Михаил Кахновер: «Я ко многому в жизни опоздал, но опоздание к Кате живой, увы, нельзя исправить и оправдать даже трёхмесячным непрерывным слушанием той самой первой аудиокассеты, которую я не мог снять с кассетника в машине и каждый день в течение более трёх месяцев слушал, слушал, понимал, чувствовал, повторял, как Молитву. Я до сих пор под высоким напряжением Катиных чувств, ярких красок её мыслей и слов. И это навсегда».

Даниил Рачков: «В прошлом году я попал на концерт, посвящённый памяти Кати Яровой. Это было первое моё знакомство с этим автором. Для меня этот случайный концерт был потрясением, может быть, даже откровением».

Виталий Лукашев: «Я слушал Е. Яровую лишь однажды по «Свободе» в 90-х годах. И вот вчера встретился с её творчеством в Интернете. Считаю её гениальным поэтом».

А мне любовь нужна, как витамин

Катя рассказывала, что её фамилия часто вызывала у людей, с которыми её знакомили, предсказуемый вопрос с намёком на героиню известной советской пьесы: «Яровая? Не Любовь? » На что она обычно отвечала: «Была бы Яровая, а любовь будет». И правда, в её жизни было много любви.

На 60-летию своего отца, Владимира Самойловича Цукермана, Катя произнесла тост: «Папа мой — это моя самая большая любовь в жизни. На самом деле я никогда никого так не любила, как своего отца... Папа был невероятный идеал интеллекта, нравственной позиции, который ни перед кем не пресмыкался, никогда никому не лизал задницу, не хитрил, не мудрил, не выгадывал. Это, наверно, норма на самом деле. Если есть в моей жизни какие-то достижения и завоевания, я всё в жизни делала, чтобы заслужить его уважение. Папа для меня — это всё, как мир, Бог, вселенная. Самая болевая, самая возвышенная, самая недостижимая точка моей души. Для меня в жизни нет выше ничего другого. Это человек, которого я больше всего на свете люблю».

Внешне отец Лены и Кати немного похож на Галича. Тогда, на праздновании юбилея, произошло полное примирение отца и дочери, в душе которой ныла рана, нанесённая уходом отца.

У Кати есть такая строчка: «Расставания я изучила науку лучше прочих наук». В её жизни было много потерь и разлук, чему способствовала и массовая эмиграция тех лет. Уезжали многие её друзья. У неё даже есть цикл «Прощание». А первой серьёзной потерей был уход из семьи отца.

После выхода сборника Катиной поэзии Лена написала мне: «Самый главный результат, как мне кажется, в том, что наш с Катей отец прочитал книгу от корки до корки, обнаружил, что многих стихов никогда раньше не слышал, плакал, был потрясен открытием, что его дочь была настоящим поэтом и самым талантливым человеком в нашей семье... Я считаю, что только ради этого стоило выпустить книгу, ведь Катя говорила, что начала писать песни, чтобы завоевать уважение своего отца. И вот свершилось — момент торжества высшей справедливости наконец настал, пусть непоправимо поздно, но хотя бы при жизни отца! Так что спасибо вам ещё и за то, что вы помогли свершиться этой справедливости».

Говорят, женщину делают влюблённые глаза отца. Кате в детстве не хватало этого влюблённого взгляда: «Отец мой, ты меня недолюбил, недоиграл со мной, недоласкал...»

А мне любовь нужна, как витамин.
Ищу похожих на отца мужчин.
Но кто же мне излечит — вот вопрос —
Любви отцовской авитаминоз?

И потом всю жизнь — поиски любви:

Переходила вброд,
Резала ноги в кровь,
Но я все шла вперёд —
Искала тебя, Любовь.

Не попадала в глаз,
А попадала в бровь,

Лезла в такую грязь —
Искала тебя, Любовь.

Это было непросто. В РТ есть запись: «Те, кто мне пара — давно в гробу (Высоцкий, Маяковский, etc.)». Поиски Любви воплотились в песни, хотя, как у всякого большого поэта, в них не только лично пережитое, но и обобщение разнообразного женского опыта вообще — обиды и победы, быт и счастье полного слияния. От «Вы мне дублёнок не кидали в ножки и в ушки мне не вешали камней» и «А мужиков — их надо ставить в стойло. Спасибо за науку, чёрт возьми!» до: «Мы прижмёмся друг к другу каждой клеточкой кожи, мы сплетём пальцы рук — не узнаем, где я, а где ты».

В нескольких песнях у Кати упоминаются принцессы. Детская сказочность этого образа контрастировала с подчёркнуто трезвой, несентиментальной лексикой. Я как-то спросила у Кати — почему столько принцесс? Она удивилась — видимо, не придавала этому значения — и сказала: «Наверно, я чувствую себя немного принцессой».

«А превращались мы в принцесс из бедных золушек».

«А все принцессы любят только свинопасов».

«Я принцесса твоих снов, я раба твоих желаний».

«Лягут на одну кровать и принцесса, и служанка».

Ей доводилось быть и принцессой, и служанкой, и женой из «Песни Цирцей», чьи «радости — стирки, детский плач и натирка полов», «хотя Цирцеей-Киркой тоже была», как говорила она, рассказывая историю этой песни. От цариц Цирцей, несмотря на их власть над мужчинами, «всё ж бегут одиссеи к своим жёнам в святую постель». В стихотворении из РТ — целый спектр любовных отношений:

Я первой была любовью,
Последней была любовью
И просто была любовью люблю.
Я раной была и солью,
Я счастьем была и болью,
Случайностью я была и — судьбою.

Я звуком была и эхом,
Провалом была и успехом,
Заботой была и просто утехой.
Я плачем была и смехом,
И эпизодом, и вехой,
Помощницей я была и помехой.

...Но не разминуться с судьбою.
Справлялась я с ролью любовью,
А значит, была самую собою.

Один из Катиных мужчин сказал ей: «Когда волк попадает в капкан, он отгрызает лапу и уходит. А ты отгрызаешь душу и уходишь». Ей очень нравился этот образ.

О своём пятом муже, Саше Вайнере, Катя мне сказала: «У него есть главное — умение независимо мыслить». По поводу своих отношений с ним она говорила в интервью И. Кошелевой: «Я убеждена: человек должен быть только с тем, с кем может идти вперёд, искать себе соратника по жизни и развитию. И ничто не должно останавливать в тяге друг к другу в этом случае — ни расстояния, ни житейские, ни национальные или возрастные препятствия. Саша младше меня на десять лет, но в наших внутренних поисках он лидер». Почему-то записей его песен она мне никогда не присылала, позднее я получила его кассету от Андрея Р. Меня поразило отсутствие у него любовной лирики, в основном это были сатирические зарисовки, песни с биографической фактурой и шансон. Были среди них песни остроумные, свидетельствующие о чувстве языка, наблюдательности и умении обобщать: «Не влюбись в Нью-Йорк моя Одесса-мама, тогда бы не родился Брайтон-Бич».

Из Катиных мужей мне довелось лично познакомиться только с Александром Минкиным на вечере памяти в Москве в 2003 году. С Вайнером общались по телефону, но очень ограниченно, в основном — передача каких-то новостей и «позовите Катю». Больше я говорила с его матерью Любой. У Кати были хорошие отношения с Сашиными родителями, ещё до замужества она говорила мне: «Эти люди сделаны из чистого золота». Меньше всего она рассказывала о Мише Яблокове, своём четвёртом муже.

Когда я выступала с презентацией Катиной книги в Хьюстоне, ко мне подошла пара бывших москвичей. Они рассказали, что познакомились с Катей в Новом Свете. Я знала, что Катя любила Крым, о котором у неё есть чудесная песня, она рассказывала мне и о своём отдыхе в Новом свете. Но я не знала, с кем она там была. Оказалось — с Яблоковым. Москвичи вспоминали, как шли по тропинке в горах и снизу их окликнули. Там оказался домик, где остановились Катя с Мишей. Они сказали, что были совершенно покорены этой яркой, умной, незаурядной женщиной. Тепло Катя говорила о своём первом муже Володе Бордукове, сказала, что он племянник известной журналистки Ольги Чайковской.

Тогда много писали, что Лиля Брик покончила с собой из-за безответной любви к Сергею Параджанову. Обсуждение нами этой темы коснулось разницы в возрасте, когда женщина старше. Катя рассказала, что читала о любовном романе Жорж Санд с молоденьким юношей, когда Санд было восемьдесят два года. Катя считала, что это большое везение — так закончить жизнь, испытав напоследок сильное чувство. «И может быть, на мой закат печальный блеснёт любовь улыбкою прощальной...» Блеснула и ей, хотя её закат был преждевременным. Это и непростые отношения с Вайнером, которого она любила, и встреча с М., взволновавшая обоих. «Я должна быть влюблена, чтобы писать песни», — признавалась Катя сестре. «Всё-таки мне необходимо это мужское внимание», — сказала она мне, когда написала свою последнюю песню. По её выражению, М. «слушал песню 24 часа в сутки», сделав для себя кассету с многократно повторяющейся песней, чтобы не перематывать плёнку. Катя оставила мне его телефон и сказала, что ему можно и нужно звонить не стесняясь и напоминать, пока он не пришлёт запись. И я звонила. Из разговоров с ним я поняла, что можно было ещё что-то сделать для Кати в Америке, он разговаривал с врачами, пытался договориться об экспериментальном лечении. Сказал, что время было упущено в самом начале, потому что такая опухоль увеличивается в размерах вдвое каждые 120 дней, а лечить Катю начали только в июле-августе, хотя уже в начале мая было констатировано увеличение лимфоузлов. В то же время он говорил о Катином состоянии как о безнадежном, что меня неприятно резануло. На

самом же деле он профессионально-резво оценивал ситуацию, а я не хотела допускать даже мысли о смерти Кати. Я изо всех сил старалась верить в чудесное исцеление.

В феврале 1999 года я приезжала в Коламбус в командировку и встретила с М. в гостях у Тани Зуншайн. Мы вышли с ним вместе и немного поговорили, прежде чем разъехаться. Кое-что по следам разговора я записала. М. был любителем и знатоком поэзии, сам писал стихи. Он восхищался тем, как сделаны первые две строчки Катиной последней песни. И правда, это не просто высший пилотаж, а гениальное прозрение, у меня об этом подробно написано в статье «Не поставив последнюю точку». М. рассказал, что толчком к написанию песни послужила вечерняя прогулка у дома Тани Зуншайн, когда он взял Катю на руки. На следующий день, сидя в офисе, он вдруг подумал: «Вот я сижу здесь, а там Катя — чего я время теряю?» Поехал за ней и повёз за город. Был тёплый, тихий день. А на завтра (или через день) она спела ему песню.

М. сказал, что его любимая строчка у Кати — «ночь у бойлерной стоит золотая иномарка» из песенки о московской жене. Передал слова Бродского о ней: «Хорошая девочка». Говорил, что много мог бы рассказать о Кате её друг по Литинституту Петя. Назвал Катю «приблатнённой», что я слышала раньше и от Сони Лубенской. И тогда, и теперь меня это покорило, но ведь Катя сама говорила об этом в интервью Руденко: «Всегда завидовала мужикам — им можно многое, что не позволено нам. Часто тянет написать что-нибудь приблатнённое, даже с матерщиной. Удерживаюсь — понимаю, что не имею права. Хотя несколько “хулиганских” песенок всё же исполняю». А Станислав Куняев писал о молодом Высоцком: «Эта лихость молодого юноши послевоенной эпохи, к которой и я отношусь, мне близка. Все мы были немножко приблатнёнными, слегка оппозиционеры по пониманию свободы». М. сказал, что вообще-то он против культуртрегерства, но мою деятельность по продвижению Катиного творчества принял благосклонно.

Из Катиной рабочей тетради: «Я умираю без песен, любви и чудес». Она знала, на что шла, и была готова к этому: «Мне же море по колено, и любви я знаю цену, а придут счета, ну что же, расплачусь по всем счетам...»

После Кати. Книга, диски, статьи, передачи...

После смерти Кати сразу встал вопрос об издании книги её стихов. Прижизненных сборников у неё не было. Тому много причин, но думаю, свет проливает и такой диалог Соломона Волкова с Иосифом Бродским:

— Иосиф, ... с одной стороны, вы настаиваете на том, что существование важнее творчества. С другой же утверждаете, что когда вам не пишется, то и жить не хочется.

— Это и есть существование. А составление книг — это и не существование, и не творчество.

Это правда. Пока я работала над Катиной книгой, а позднее над подготовкой к публикации воспоминаний своей бабушки Ц. Л. Янковской, я не писала практически ничего своего. Но есть люди, которые стоят того, чтобы посвятить своё время их наследию, настолько оно значимо. Я занималась сохранением и распространением написанного Катей не потому, что она моя подруга, а потому, что она была уникальным поэтом, одарённым человеком, отразившим своё время как никто другой, и её творчество было необходимо сделать доступным людям. То же самое относится и к воспоминаниям моей бабушки: дело не в том, что она моя бабушка, а в том, что она столько сумела достичь и столько смогла сделать для других в очень непростое время, в изучении которого до сих пор существует множество противоречий, что её свидетельство и пример необходимы не только моей семье, но и всем, кому небезразличен мир, в котором мы живём. Катя жила и творила на высоком накале, причём в её случае это было не только сочинение песен и стихов, но и их исполнение на многочисленных концертах. Всё это требовало огромной самоотдачи, и до составления книг дело не доходило.

Мы с Леной Яровой начали обсуждать издание сборника месяца через два после Катиных похорон. Но путь книги оказался тернистым, было множество всякого рода помех. Из моего письма Лене от 15 ноября 1993 года: «Дорогая Леночка! Решила послать Вам список стихов (песен), которых я не слышала, но они есть в Катиной тетрадке. Возможно, некоторые из них существуют на тех плёнках, которых у меня нет. Некоторые из них вполне завершённые, другие — нет (хотя, возможно, имеются более

полные варианты). Посмотрите, пожалуйста, — может быть, захотите что-нибудь добавить к сборнику».

Далее идёт список из 68 текстов с моими пометками (для приложения, незавершённое в РТ, включение под вопросом), показывающими разночтения с другими известными вариантами, уточняющими расположение строф и их порядок, знаки препинания, посвящения и т.п. Прилагался вариант расположения отрывков из автобиографической поэмы, вероятно, задуманной Катей («Весов холодных помню я прикосновенье...»). Лена объяснила смысл двустишия в конце: «Два щенка щека к щеке грызли щётку в уголке». Оказывается, у сестёр в детстве был коврик с такой надписью.

Дальше: «1 декабря 1993 года. Леночка, вот так, по частям, в основном во время обеденных перерывов, пишу вам это письмо. Теперь подвернулась оказия, и я спешу закончить и отправить... Хотелось бы поддерживать с вами контакт и помочь, чем могу, со сборником.

Леночка, так не верится, что уже годовщина! И как она всё знала наперёд. “Ведь путь поэта — это путь кометы”¹. Как она мне цитировала из песни, которую уже не помнила полностью: “Я по звёздам, как по нотам, пропою свою судьбу”.

Наш диалог с Катей продолжается. Очень хочу ещё о ней написать, чтобы ничего не пропало из того, что я знаю».

Лена решила включить в сборник врезки, строк по пятнадцать, написанные известными людьми, которые знали Катю, и попросила меня поговорить об этом с зарубежными знакомыми Кати. В письме от 12 января 1994 года я сообщала Лене о своих обращениях к Джейн Таубман, Виктории Швейцер, Владимиру Фрумкину, Игорю Губерману с просьбой написать несколько слов для сборника, рассказывала, кому послала дополнительные материалы, и т.п.: «Элла Горлова обещала поговорить с поэтом Наумом Коржавиным, который был на Катином концерте в Бостоне... Кроме того, Элла встретила с Ошаниным, который сейчас находится в Бостоне. Он готов помочь всем, чем может, — написать предисловие, всё, что угодно. Он сказал, что когда-то, когда Катя была ещё его студенткой, он посвятил ей стихотворение. Сейчас

---

¹ Эта строка из стихотворения Яровой в РТ «Мой ангел! В этом мире...» восходит к цветаевскому «путь комет — поэтов путь» («Поэты», 1923 г.).

он его полностью не помнит, но может связаться с кем-то в Москве, чтобы стихи разыскали и передали Вам.

Леночка, на всякий случай хочу написать своё мнение — думаю, что, скорей всего, оно совпадёт с Вашим. Я ничуть не сомневаюсь в сердечном отношении Ошанина, но думаю, что предисловие должно быть написано кем-то другим. Представьте себе рекламу сборника “с предисловием Льва Ошанина” — боюсь, что это может дезориентировать многих будущих читателей¹... В то же время было бы очень хорошо, если бы он написал “15 строк” и разыскал стихотворение... Не попросить ли его написать воспоминания о Кате? У Эллы Горловой есть материалы, она даже начинала уже что-то писать. Я собираюсь ещё писать о Кате — о нашем с ней знакомстве и о её стихах. Всё время об этом думаю...

Горловы знают Окуджаву и предлагают на него надавить. Нужно ли это? Пожалуйста, дайте знать. С одной стороны, предисловие Окуджавы — лучше не придумаешь. Но... если это будет что-то вымученное типа “О Володе Высоцком я песню придумать решил... как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа”, — то, по-моему, лучше не надо. Сравните с тем, как Катя писала о Высоцком. Тот, кто возьмётся за предисловие, должен ХОТЕТЬ написать о Кате, чтобы это было что-то действительно достойное её. С другой стороны, если Окуджава и кое-кто ещё из именитых (Коржавин может стать одним из них, Губерман — другим, если получится) напишут по “15 строк”, то всё равно можно будет использовать».

Письмо Лены Яровой, отправленное факсом 22 февраля 1994 года, где она отвечала на мои вопросы и сообщала новости: «Здравствуйте, дорогая Танечка! Получила Ваш факс. Огромное спасибо за все хлопоты и за ценнейшую помощь. Я не ожидала, что Вы так быстро откликнетесь на мою просьбу. Всё, что Вы написали, очень важно и интересно... Совершенно согласна с Вами по поводу Ошанина. Было бы хорошо, если бы он написал несколько абзацев, которые будут стоять в ряду текстов других авторов, и стихотворение хорошо бы получить. Я категорически против того, чтобы “давить” на Окуджаву. Во-первых, неприя-

---

¹ Ошанин был поэтом другого плана и прежде всего известен как военный поэт.

тен сам факт, во-вторых, Катя достойна того, чтобы о ней писали с желанием. Так что и здесь я полностью с Вами согласна.

Я была у Дробицкого. У него готовы прекрасные обложки для сборника. В них использованы Катины фотографии. Он полон желания оформить сборник и помочь с изданием, но просит представить ему материалы в полном объёме.

Сообщаю новость: Оля Гусинская 27 января (в день моего рождения) родила девочку и назвала её в память о Кате — Катей...

Всем американским Катиным друзьям большой привет от нас, московских родных и друзей Кати. Огромная благодарность Элле Горловой и всем, кто помогает со сборником».

Катя рассказывала мне, что была знакома с Окуджавой и у них были хорошие отношения (кажется, они встречались в рок-кабаре Алексея Дидурова). К Булату Шалвовичу обращались с просьбой написать предисловие к сборнику или несколько слов о Кате, но дело ничем не кончилось.

Из моей приписки от 3 марта 1994 года к письму Лене Яровой: «Сегодня получила от Элочки Горловой стихотворение Ошанина (прилагаю)... Эти стихи написаны после похорон. Скоро Вы получите и текст для врезки от него (или напрямую, или через меня). Наум (Моисеевич) Коржавин живёт сейчас в Москве у друзей... Его жена Люба сказала Элле, что он, конечно, согласится написать о Кате, т.к. ценил её как поэта и был очарован ею как человеком, но он страшно неорганизованный, может пообещать и забыть. Поэтому на него можно и нужно давить (так сказала жена!). Так что, пожалуйста, пусть этим кто-нибудь займётся. Куйте железо, пока он в Москве (до конца марта)!»

Из моего письма Лене от 25 февраля 1994 года: «Губерман... предложил и по-прежнему хочет сделать передачу о Кате по израильскому радио... Он всё ещё ищет, как подступиться, задаёт мне вопросы. Я уже знаю, что я ему напишу, но на один вопрос мне нужен ответ от Вас: кто Ваши родители по специальности?.. М.б., несколько слов о бабушках-дедушках?.. Если он сделает передачу, это будет хорошо и для книжки.

Кстати, о радиопередачах. Неделю назад прошла наконец передача по американскому русскоязычному радио, которую сделала Алла Кигель. Передача была на 1 час 15 мин., прошла с огромным успехом, у Аллы оборвали телефон. Она говорит, такого ещё

никогда не было... Я уже слышала восторженные отзывы о Кате, потому что основное в передаче — её песни...

Поздравляю Олю Гусинскую с дочкой! Так здорово, что именно у неё (“моя родная, та, чьё имя Оля”) будет расти маленькая Катя.

Радиопередачи о Кате сделали также Элла Горлова в Бостоне и известный бард из Харькова Григорий Дикштейн в Чикаго. Всем я посылала материалы. Григорий очень сожалел, что не знал Катю в начале 90-х. Он уже был в это время в Америке, говорил, что мог бы ей тогда помочь. А в Хьюстоне, куда я приехала в гости, меня свели с Соней Табаровской, работавшей там на радио. Соня тут же приехала и взяла у меня интервью. Я была к этому не готова и чуть не расплакалась, отвечая на её вопросы. Я совсем не плакса, но долго не могла говорить о Кате без слёз. С годами это прошло. Наверно, время всё-таки лечит — впрочем, чем моложе, тем слёзы ближе. По возвращении я послала Табаровской записи Катиных песен, свои статьи, и она сделала серию из трёх передач. Говорила мне, что часто крутила по радио Катини песни.

Игоря Губермана познакомили с Катей мы с Борей во время его визита к нам. А он нас — с Виктором Франклем¹. Оба знакомства — посмертные — были значимы. Пригласить Губермана с концертом нам предложила Галина Китаевич, жена его лучшего друга Юлия. Видимо, мой телефон им дала Катя, когда гастролировала в Цинциннати (штат Огайо). Гали давно уже нет в живых, а Юлий Китаевич женился на биологе Тане Леоновой, которая, по случайному совпадению, была знакома с Катей в Москве, где помогла ей организовать квартирник.

Губерман выступил у нас дома в октябре 1993 года. Боря встретил его в аэропорту и, пока я ехала с работы, засадил его за мои статьи о Кате. Знакомясь со мной, Игорь сказал: «А мы с вами коллеги: вы химик, и я работал на химии», намекая на своё лагерное прошлое. Пока мы с Борей хлопотали перед приходом гостей на вечер, Губерман продолжил чтение, периодически выходя покурить на патио за домом, каждый раз отмечая по пути то Катини удачные строчки, то мои. А после концерта и позднего

---

¹ Виктор Франкль (1905–1997), создатель логотерапии — метода экзистенциального психоанализа, ставшего основой Третьей Венской школы психотерапии. Узник гитлеровского концлагеря.

ужина, собираясь идти спать — было уже около одиннадцати, он попросил дать ему послушать Катины песни — «минут десять, чтобы получить представление». Мы поставили ему видео. И... время было забыто. Губерман был потрясён (как он сам говорил потом, «когда я услышал эти песни, я о.ел»). Было далеко за полночь, но он всё смотрел, покусывая пальцы, как Катя поёт и рассказывает байки, и, по своему обыкновению, бросал короткие реплики: «Какой темперамент! Она же как Высоцкий! Теперь я понимаю, почему она пять раз была замужем!»

Из моего письма Игорю Губерману от 3 января 1994 года: «Игорь, посылаю Вам две плёнки с Катиными песнями. Кроме той заметки, которую Вы просили, на всякий случай вкладываю и две другие [свои] публикации. С нетерпением будем ждать Вашей передачи о Кате. Заранее огромное Вам спасибо... На днях говорила с Катиной сестрой о том, как продвигаются дела с изданием сборника. Лена сказала, что они решили перемежать стихи с высказываниями разных людей о том, что они думают о Катином творчестве... Я подумала, что если бы у Вас возникло желание и было время написать коротко о Ваших впечатлениях от Катиных песен, то это было бы замечательно. Мнение человека Вашей судьбы и Вашего авторитета было бы очень важно... Прислать текст можно будет или мне, или прямо Лене Яровой».

В том же году, когда Губерман был на гастролях в Москве, Лена пришла на его выступление, они очень тепло встретились, и проникновенные слова Игоря Мироновича украсили Катин сборник.

Из ответного письма Игоря Губермана: «Спасибо Вам огромное за 3 кассеты (к сожалению, не только 3-я, но и 2-я почти неразборчивы, что жаль, ибо на 2-й — веночек сонетов, явно мастерски сделанный). Вы, конечно, правы, очень талантливый человек была Катя. Очень постараюсь сделать о ней передачу, ещё просто не знаю, как подступиться (вроде бы мы ведь “Голос Израиля”, непонятно, как это подать). А кто она была по происхождению, национальности, занятиям? Простите мне эти анкетные плоские вопросы, я ищу зацепку для убеждения своих коллег».

Из моего письма Губерману от 6 марта 1994 года: «Теперь о Кате. В статье “Единство сердца и строки, поступка, жеста...”, которую я Вам послала, на стр. 221–224 говорится о том, кто она такая. К этому можно добавить, что родилась она 15 апреля 1957 г. в Свердловске,

с 13 лет жила в Москве. На три четверти еврейка, дедушка с материнской стороны был украинец. Фамилия Яровая — от него. Отец её доктор наук, преподаёт в Челябинском институте культуры. Ушёл из семьи, когда Кате было 9 лет (см. песню). Большую роль в её воспитании сыграла бабушка со стороны матери Бася Генриховна. Я просила сестру Кати написать немного об их семье». Лена прислала мне позднее эти сведения, и я отправила её письмо Игорю.

Продолжаю цитату из письма: «Катя считала себя еврейкой, у неё есть песни на еврейские темы. Прилагаю несколько текстов. Думаю, есть и другие, потому что знаю несколько неоконченных черновых вариантов. Очень удачно, на мой взгляд, она использует идиш в своих стихах.

Таня Зуншайн рассказала мне замечательную историю. Летом после окончания 9-го класса Катя поехала в Друскининкай, где в то время отдыхала Таня с подругами. Езды от Москвы сутки, но заботливая бабушка надавала продуктов на три дня. Сосед по купе тут же начал проявлять внимание к очаровательной молоденькой соседке, а так как еды у него не было, то Катя его кормила. Беседовали о том о сём, в конце концов, как водится, мужик заговорил о евреях — какие они все скупые и жадные. Тут, видимо, закралась у него какие-то сомнения. «А вы к ним, случайно, отношения не имеете?» — «Я? Никакого отношения, — сказала Катя. — Вот только прабабушка у меня была еврейка. И прадедушка был еврей. Вообще-то и бабушка у меня еврейка. И другая бабушка тоже, — продолжала Катя, пока мужик давился курицей Баси Генриховны. — А папа мой — Владимир Самойлович Цукерман». (Рассказывая мне о своих корнях с разных сторон, Катя говорила о смешанном происхождении мамы, а об отце сказала: «А папа у меня Цукерман, так он со всех сторон Цукерман» — Т.Я.) И так далее. Сосед вертелся, как уж на сковородке.

Много Вы знаете таких девятиклассниц? Я — нет. Меня всегда поражала в Кате её здоровая реакция, юмор там, где у других — спектр отрицательных эмоций. При этом она всегда открыто говорила то, что думала.

Игорь, решила сделать ещё одну попытку переписать для вас плёнки 2 и 3. Я посылала другим, и Элла Горлова даже распечатала тексты, почти всё разобрал. Прилагаю записанный ею «Венок сонетов» с моей правкой. Я исправляла только слова — всё равно

скоро выйдет сборник. Кстати, было бы неплохо упомянуть в передаче, что сборник выйдет летом¹.

Успех я Вам гарантирую. Недели две назад по русскому радио в Америке (распространяется по подписке) с огромным успехом прошла передача о Кате. Алла Кигель, которая её сделала, говорит, что никогда ещё не получала столько звонков — от знакомых и незнакомых... По-моему, главная зацепка для передачи — Катин талант, её песни. И то, что её уже нет».

Из письма Игоря Губермана: «Здравствуйте, милая Таня!.. Откладывал письмо, потому что никак не получалась отдельная передача о Кате (спасибо, кстати, большое за плёнку и текст — отменного качества стихи, что редко у поющих). Наши техники на радио категорически отказываются принимать это к передаче (у них свои стандарты...). Я уже дважды рассказывал о Кате в общих передачах, но это мелочь».

Из моего письма Губерману от 29 июля 1994 года: «Игорь, бесконечно Вам благодарна за то, что рассказываете в своих передачах о Кате. И это совсем не мелочь! Сказала об этом Лене, Катинной сестре — она очень обрадовалась. Ведь в Израиле Катю практически не знают. Посылаю Вам то, что Лена написала мне о Катинном происхождении в ответ на Вашу просьбу. Может быть, ещё получится передача?.. Что именно [техников] не устраивает? Ведь запись на первой плёнке студийная, пусть и московская, и при современном оборудовании качество можно ещё улучшить. Или дело в качестве исполнения? Если техники — израильские, то, может быть, им просто нужно объяснить, что такое авторская песня, и постараться убедить, что для выходцев из России такая передача была бы очень интересна. Если же они сами из России... (Вспомнилась Катина строчка “на три буквы пошлём в КГБ”) ...Тоже можно втолковать. Алла Кигель прислала мне недавно запись своей передачи о Кате. Мне понравилось, как она там сказала: “Запись несовершенная, но другой уже не будет”. Между прочим, она сама читает в передаче несколько Катинных стихов — и очень хорошо, я даже не ожидала, что впечатление будет такое сильное... При жизни Кати о ней была передача на радиостанции “Свобода”, на “Голосе Америки”, кажется, тоже. И качество не было

---

¹ Сборник вышел спустя почти 10 лет.

проблемой! Сейчас в Москве некто Сергей Миронов, окончивший режиссёрские курсы при телевидении, сделал короткий фильм, посвящённый Кате, и получил 1-ю премию на конкурсе дипломных работ. Думаю, дело не столько в качестве его работы (я слышала разные отзывы), сколько в том, что там присутствует Катя и звучат 6 её песен. По-моему, эти техники просто должны понять, что им абсолютно не о чем беспокоиться, слушатели останутся очень довольны».

Из моего письма Губерману от 16 августа 1998 года при посылке ему кассеты «Я снова вхожу в это небо...», выпущенной в Москве семьёй Кати к пятой годовщине смерти тиражом 1000 экземпляров: «Прилагаю копию текстов песен с моей правкой и замечаниями, которые я приготовила для Катиной сестры. Если захотите опубликовать какие-то из её стихов, пожалуйста, свяжитесь со мной, чтобы выверить тексты и знаки препинания. Я таким вещам придаю огромное значение, особенно если речь идёт о посмертной публикации, когда автор незащищён (вспомните, например, историю с первыми публикациями стихов Эмили Дикинсон — как их нещадно причёсывали, убрали заглавные буквы, добавляли запятые и проч.)... Посылаю на всякий случай свои статьи о Кате. Может быть, пригодятся для ссылок...

Советую дать эту плёнку послушать людям, которые не утратили связь с Россией, — Вам будет приятно видеть, какое это на них произведёт впечатление».

Лена прислала мне свой текст, написанный в последние дни, когда Катя уже была в больнице — «КАТЯ. Из воспоминаний о сестре» и стихотворение «Памяти сестры», написанное 12 декабря 1993 года. Оба текста были очень важны для меня. Из моего письма ей от 3 мая 1994 года: «Вы просили меня подумать, как лучше включить в сборник Ваши стихи и стихи Катиных друзей. Как Вам нравится такая идея: в конце сборника поместить рубрику “Твоей души слепящий след”. Это будет написано крупно на отдельной странице, а ниже, помельче: “Стихи, посвящённые памяти Кати Яровой”... Если Вы помните, это строчка из песни, посвящённой Н. Я., “Судьбы своей не превозмочь”, но как это замечательно подходит к самой Кате!..

Давайте, Лена, последние усилия — ведь почти всё уже готово. Вовлекайте других побольше в помощь себе — Вы ведь сами

говорите, что многие помнят и любят Катю. Наверняка захотят помочь. Чем скорее выйдет сборник, тем лучше. Особенно это важно для политических песен. Вы знаете, всё время будет что-то мешать. Нужно просто наметить твёрдый срок и закончить сборник во что бы то ни стало. Ведь это так важно для всей Вашей семьи. А для друзей! А для читателей! В общем, ждём Вас в Америке в сентябре с книжкой. Буду Вам звонить, наверное, в конце мая. Если я могу чем-то помочь — пожалуйста, напишите».

Но книга не вышла ни тогда, ни в ближайшие годы. Я всё надеялась. Элла Горлова и Таня Зуншайн считали, что время упущено, что некоторые хлёсткие выражения из Катиных политических песен, как «война... за мягкое подбрюшие СССР» («Афганистан»), уже не имеют прежней новизны, и т.п. Но я продолжала работать с текстами, обсуждать детали будущего сборника с Леной. Рассылала людям копии моих статей и Катины записи, ездила на слёты КСП, чтобы продавать аудиокассету «Я снова вхожу в это небо...» (Лена передала мне и Элле Горловой некоторое количество экземпляров для продажи в Америке — тогда шёл сбор денег на памятник Кате на Востряковском, над которым работал Эдуард Дробницкий.)

Третьего марта 1999 года в «Панораме» в Лос-Анджелесе была опубликована моя статья о Кате «Я снова вхожу в это небо...» После получения рукописи основатель еженедельника, его владелец и главный редактор, замечательный Александр Половец позвонил мне на работу, очень доброжелательно говорил со мной и сам предложил объявить через газету о продаже одноимённой Катиной аудиокассеты. Как всегда, делаю копии статьи и рассылаю всем заинтересованным. Восьмого апреля позвонил Владимир Фрумкин, поздравил. До меня ему уже прислал статью друг из Северной Каролины. Володя сказал, что статья очень удачная и что, читая её, он убедился, «что Катя всё-таки настоящая. Настоящий поэт. Другие сейчас поют — вроде есть и гитара, и голос, но слова совершенно не трогают».

Расходились кассеты плохо, ведь Катини имя не было известно. Когда она сама продавала их после концертов, было совсем другое дело. Чтобы поднять интерес, я на одном из слётов Восточного побережья расклеила на деревьях, на доске объявлений возле душевых и т.п. копии статьи из «Панорамы», в конце которой было

сказано, где заказать аудиоальбом. Потом я встречала людей, которые говорили мне, что именно таким образом впервые узнали о Кате Яровой.

Работа над сборником застопорилась. Ситуация в России во второй половине 90-х была неблагоприятная. Профинансировать издание сборника собирался Владимир Гусинский, первый муж Оли, но из этого ничего не вышло. А тут ещё тяжело заболел муж Лены Олег, и она должна была работать с утра до ночи, чтобы оплачивать сиделку. В конце концов, Боря сказал мне: «Если ты хочешь, чтобы книга вышла, ты должна это взять на себя». Во время отпуска в сентябре 1998 года мы с Борей посетили Катечку в Париже. Жила она там с четырнадцати лет с отцом, училась в лицее. После смерти Кати Валерий вернулся в семью. Некоторое время он жил с Катечкой у Лены, потом уехал в Париж и перевёз туда дочь. Недавно я узнала от Лены, что после предательства Вайнера Валера собирался снова сделать Кате предложение, но не успел. Отец и дочь очень близки, поддерживают все творческие начинания друг друга.

В то время Катя маленькая хотела стать юристом по международным делам. Ей было семнадцать лет, очаровательная, умненькая девочка. Говорила, что чувствует себя в равной мере и француженкой, и русской. В тот же вечер мы познакомились и с Майей, троюродной сестрой Кати и Лены Яровых, которая нам с Борей очень понравилась. Характером она немного напоминала Катю. Майя была спонсором аудиокассеты «Я снова вхожу в это небо...». И Катечка, и Майя поддержали нашу идею. Я говорила, что главное — это создать задел, чтобы люди получили доступ к выверенным текстам, а потом всё само покажется, как снежный ком.

Из письма Лены Яровой: «Дорогая Танечка! Просто нет слов, чтобы выразить Вам нашу благодарность за всё, что Вы делаете для Катиной памяти. Взвалили на себя ещё и рассылку кассет, это при Вашей-то занятости! Да ещё и сборником теперь будете заниматься. Огромное Вам спасибо, без вас ничего бы не было, уже давно всё бы заглохло, и Катино имя кануло бы в прошлое...

Набор всего сборника — и вступления, и стихов, и заключительной статьи, и отзывов, и подписей под фотографиями и т.д. нужно читать очень внимательно — там могут быть и

“глазные” ошибки (перепутаны или пропущены буквы и др.), и расхождения с оригиналом — пропуски или искажения. Лучше бы это сделала я, но, поскольку это затруднительно, нужно, чтобы это прочитал профессиональный корректор и, конечно, Вы, Танечка. Зная Вашу скрупулёзность, я уверена, что Вы проследите, чтобы не было грубых ошибок... Огромное спасибо за всё, хотя понимаю, что слово спасибо — это так мало по сравнению с тем, что Вы делаете».

Я благодарна Катиным родным за доверие. Думаю, Катя бы одобрила это решение. Для меня обрели смысл её слова: «Так что я вам, Танечка, всё это завещаю...» Я как будто чувствовала какой-то долг перед Катей. Я знала, что работу с текстами смогу сделать хорошо, а моя дотошность химика-аналитика и привычка завлаба добиваться результатов в сочетании с «комплексом Шуры Балаганова» должны помочь в процессе издания книги. Работа над сборником, а потом и дисками, принесла неожиданный бонус: продлилось наше общение с Катей — то самое литературное, творческое общение с духовно близким мне человеком, которое я любила. Лена прислала недостающие материалы — машинопись более ранних Катиных песен, фотографии и т.п. Моя запись от 30/12/98: «Сегодня говорила с Леной Яровой. Она сказала: “Вы просто ангел-хранитель Катиной памяти”».

И понеслось! Началась работа всерьёз. Во-первых, надо было оцифровать распечатку с дискеты, присланную Джейн, и машинописные тексты от Лены, а также набрать рукописные автографы, в том числе из рабочей тетради, и добавить песни, которые были на аудио- и видеозаписях концертов, но отсутствовали среди напечатанных и рукописных текстов. Набирать по-русски на клавиатуре с латиницей было мне всё ещё непривычно, поэтому Боря приобрёл сканер, который позволял работать со сканами как с текстами, вносить в них правку. Подспорьем должны были стать тексты песен, которые Элла Горлова набрала на компьютере с аудиокассет. Я получила от неё распечатку, внесла исправления и отправила ей на доработку, но потом то ли что-то произошло с её компьютером, то ли была несовместимость наших операционных систем, но мы так и не смогли воспользоваться её набором части песен. В конце концов, всё было оцифровано, и я приступила к редактированию и правке.

Но... скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. Теперь уже Лена поторапливала меня, потому что работа шла медленно. Я в то время заведовала лабораторией в фирме Oak-Mitsui. Работа была чрезвычайно ответственная, требовала полной отдачи. Часто приходилось задерживаться, плюс два часа за рулём ежедневно, а в плохую погоду и больше. А в выходные — домашние заботы. К двухтысячному году стало ясно, что, работая на своей основной работе, я не смогу посвятить книге то время, которое требовалось. Боря предлагал, чтобы я взяла два месяца за свой счёт, и мне бы, возможно, пошли навстречу, учитывая хорошее ко мне отношение. Но, во-первых, я понимала, что за два месяца мне никак не успеть, а во-вторых, моя работа требовала моего ежедневного, ежечасного присутствия в лаборатории. Значит, надо уходить. К этому времени я могла уже выйти на так называемую «раннюю пенсию»: у нас в корпорации существовала такая возможность для сотрудников, достигших пятидесяти лет, если сумма возраста и стажа была больше 60. Разумеется, пенсия была маленькая (она вычислялась по специальной формуле и зависела от стажа), но зато сохранялась возможность покупать медицинскую страховку от фирмы для себя и членов семьи (частная медицинская страховка стоит безумно дорого). Этим я впоследствии воспользовалась, когда мой муж потерял постоянную работу и работал консультантом. Всё взвесив, мы с Борей решили, что я уйду. Принятие решения облегчалось тем, что, хотя я любила свою работу, она была вредная — химия ведь! Мне приходилось при посещении цехов дышать ядовитыми парами, которые периодически проникали и в лабораторию, что способствовало развитию аллергии.

И вот ворота фирмы за мной захлопнулись, отшумела отвальная, и теперь моё внимание полностью сосредоточилось на подготовке сборника. Нахожу у себя в архиве многочисленные листки с вопросами — по 5, 10, 15 и более вопросов. Один список в блокноте, помеченном «Катина тетрадь», включает 114 вопросов! Мы с Леной обсуждали структуру сборника, включать или не включать политические песни, порядок расположения текстов, фотографий, иллюстраций Дробницкого. Каждой мелочи уделялось внимание — знаки препинания, строфика, ударения, падежи, правописание нерусских слов, устаревшие выражения, управление глаголов (например, его или ему протежирует),

уточнение посвящений, дат и мест написания (Катя редко их ставила), прописные и строчные буквы, биографические данные, ФИО близких, нужные для подписей к фотографиям, помещать — не помещать какие-то стихи, кому будут принадлежать права на книгу и т.п. У Кати в стихах много неологизмов, жаргона, просторечия, имён собственных, которые надо было проверять (например, у неё была ошибка в написании названия древней Грузии Сакартвело). Я распечатала тексты для проверки знакомым филологам (Соне Лубенской, Иосифу и Гале Кац и др.) и просто грамотным людям и знатокам поэзии (среди них бард Катя Нехаева, выпускница МГУ и постдок Гарвардского университета, сделавшая несколько ценных замечаний). Попадают и смешные записи — например, «плохая копия серпа и молота Дробицкого¹ из книги — можно лучше?» Или: «Место написания стихотворения “Темнеет за оградой сад...” — Хабаровск-Генуя?».

Я снова внимательно прочитала рабочую тетрадь, пронумеровала страницы (их 197), расшифровала нечётко написанные слова, пометила оконченные и неоконченные стихи, скомпоновала не вполне завершённые тексты. Прослушала и хронометрировала все кассеты с записями концертов и домашних записей, которые мне присылали в большом количестве (одна Таня Зуншайн прислала шесть штук!); заодно пометила записи, пригодные для дальнейшей работы при подготовке дисков, и указала дефекты в записях отдельных песен на присланных мне кассетах. Началась регулярная переписка с Леной и бесконечные телефонные разговоры. Дело осложнялось тем, что в начале работы у нас не было электронной почты, все письма и распечатки посылались факсом или, в случае объёмных текстов, на дискетах. В отсутствие мобильных телефонов, конкуренции со стороны Скайпа и других дешёвых или бесплатных средств связи, телефонные разговоры стоили в 50–100 раз дороже, чем сегодня. Тем не менее работа шла, хотя темпы сильно уступали тем, что возможны теперь.

Была проделана колоссальная текстологическая работа. Лена руководствовалась своим опытом корректора и наиболее полным,

---

¹ Мы работали с ксерокопиями невысокого качества, но пока шла работа над книгой, технологии шли вперёд, и позднее мы получили сканы рисунков Дробицкого с высоким разрешением.

чем у кого бы то ни было, знанием Катиной биографии и окружения, я — учебниками грамматики, словарями русского языка, в том числе орфографическими, толковыми, энциклопедическими и современного сленга, а также советами Софии Лубенской, известного лингвиста. Но больше всего мне помогли глубокое погружение в Катину поэзию, разговоры с ней в последние годы её жизни как о её творчестве, так и о литературе вообще, и мой многолетний интерес к поэзии и бардовской песне.

Необходимо было выбрать окончательные варианты текстов, канон, так сказать. Хотя у Кати они не менялись по сравнению с первым исполнением так сильно, как, например, у Высоцкого, тем не менее изменения всё же были. Все, на мой взгляд — в сторону совершенствования языка, большей точности мысли и выразительности метафор. Характерным для Кати было отбрасывание одной-двух строк, и всегда она безошибочно исключала строфы, уведившие в сторону от главной мысли, даже если в них были интересные с литературной точки зрения находки. Ключевая строчка «Венка сонетов» — «Мои печали не по силам» — заменила предшествовавший ей вариант «Мои запросы не по силам». Я решила взять за стандарт тексты, спетые Катей на концертах или записанные ею за последние три года жизни. То, как она компоновала в эти годы свои концерты, повлияло на расположение стихов в сборнике.

Важно было решить, как вообще построить сборник. Многие ранние стихи уступали по зрелости и мастерству более поздним, но тем не менее заслуживали опубликования, и были среди них настоящие шедевры, которые она исполняла на протяжении всей своей концертной деятельности. Идею мне подсказало четырёхтомное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, который тоже умер молодым (в какой-то степени я воспринимала Катю по отношению к Высоцкому как Лермонтова по отношению к Пушкину). В начале четырёхтомника были помещены стихотворения 1837–1841 годов, то есть наиболее зрелые, потом — всё остальное, в том числе ранние стихи, среди которых было поразительное, хоть и грамматически несовершенное «из пламя и света рождённое слово», написанное пятнадцатилетним поэтом, — строка, близкая Кате по духу. По этому принципу был скомпонован и Катин сборник. Над макетом книги работала моя дочь Наталия

Ямром, профессиональный художник-дизайнер с опытом работы в американских издательствах, с Бориной помощью по техническим вопросам и со мной на подхвате по общим.

В конце 1990-х годов в университет в Олбани приехал по программе Фулбрайта для работы с профессором Лубенской лингвист Игорь Шаронов со своей женой, культурологом Натальей Брагиной. Игорь рассказал Соне, что его друг Владимир Бравве, проживающий в Рочестере на западе штата Нью-Йорк, попросил их привезти ему из Москвы кассеты, диски и любые материалы о барде Кате Яровой, песни которой поразили его. Игорь с Наташей обошли все магазины и книжные развалы, искали в переходах метро, в киосках, расспрашивали знакомых, но так и не смогли найти «аленький цветочек» для своего друга, на что по приезде пожаловались Лубенской. И услышали в ответ: «А я знаю, где вы можете найти всё, что вас интересует». И вот Игорь, Наташа и Володя приходят к нам в дом в Скенектэди (позднее Володя написал стихотворение об этом визите), и мы весь вечер смотрим видео Катиных концертов, её последнего интервью. Под конец мы с Борей снабжаем гостей кассетами и копиями моих статей. Молва о Кате покатила дальше. Володя делится с нами своей идеей: было бы хорошо, если бы кто-то из местных бардов взялся исполнить песни Кати Яровой, и лучше всего, если бы это сделала Катя Нехаева.

Той же зимой Володя сколотил большую компанию, с которой мы едем кататься на лыжах на гору Гор на севере штата Нью-Йорк. Но гвоздём программы были не лыжи и не горы, а Катя Нехаева — молодая, талантливая, артистичная, которая исполняла нам свои песни, в том числе на стихи поэтов Серебряного века. Обладая прекрасной памятью, она могла спеть любую известную песню или романс на русском языке, была знакома с американскими современными музыкальными жанрами и вообще музыкально хорошо образованна. Она была в то время аспиранткой университета Кларка в городе Вустере штата Массачусетс и приехала с маленькой дочкой Настей. Мы с Володей ненавязчиво берём Катю «в обработку», соблазняя её песнями Кати Яровой.

И Катя Нехаева заинтересовалась! Не только песнями, а и нелёгкой судьбой своей тёзки и её поэтического наследия. Она предложила мне устроить у нас дома концерт, где она исполнит

песни Яровой. Разумеется, мы с радостью организуем этот концерт, но я предлагаю Кате исполнить во втором отделении несколько её собственных песен, включая мини-оперу на стихи Бродского «После нашей эры» (Post aetatem nostram). Сохранение памяти важно, но для меня особенно дорог принцип, выраженный словами Кати Яровой «пока мы живы, зазвучат слова пус-кай...». Катя Нехаева была тогда не очень известна, позднее она получила широкое признание среди любителей авторской песни — и соло, и в дуэте с Татьяной Задорской «Таня За и Катя Не».

Концерт состоялся в июне 2000 года, съехалось много народу (более 50 человек). Разумеется, были Шароновы и Володя Бравве, из Сиракьюз приехал Михаил Кахновер. В ту ночь у нас в доме ночевало одиннадцать человек. Катя Нехаева щедро предложила отдать бо́льшую часть выручки от концерта в фонд книги. Концерт из песен Яровой Нехаева повторяла потом и в других городах, пела их на слётах авторской песни, записала диск. Многие впервые услышали эти песни из её уст. Катя Рыбакова сказала мне: «Обычно чужое исполнение маминых песен вызывает отталкивание» (Катино словцо!), а исполнение Нехаевой она приняла: «Пусть по-другому, это даже хорошо». Её собственное пение слишком похоже на мамино из-за сходства голосов, сказала Катечка. «Она поёт именно так, как нужно, ни одной фальшивой ноты», — написала мне об исполнении Кати Нехаевой Лена Яровая.

Летом 2001 года мне приснился сон, что у меня на руках на всех пальцах великолепные кольца с крупными драгоценными камнями разных цветов, которые сверкают и переливаются, отражая свет невидимого источника. Казалось, сон предвещал нечто экстраординарное. Он и правда оказался вещим. Во второй половине дня я высаживала пахисандру за домом, в который мы переехали в 1996 году, для укрепления края оврага, поросшего лесом и спускавшегося к ручью. Мы собирались переезжать в Нью-Йорк и приводили дом и участок в товарный вид для продажи. Боря вынес мне телефонную трубку. Звонил Борис Шухман из Канады, организатор концертов и слётов в Америке и в Канаде, известный в этой среде человек. Шухман услышал песни Кати Яровой в исполнении Кати Нехаевой, высоко оценил их, поддержал меня в том, что я делаю, высказал множество идей и предложил свою помощь. Он сказал, что вместе с книгой нужно обязательно выпустить

диск, и посоветовал позвонить Игорю Гусману, который мог бы почистить записи. Он также предложил связать меня с Михаилом Мармером, одним из главных в то время организаторов движения КСП в США, который работал на радио и мог бы сделать передачу о Кате. Через Шухмана я вышла на организатора большого слёта Восточного побережья Волика Черняка, который вёл сайт KSPUS, где оперативно выложили мои опубликованные к тому времени статьи о Кате и её фотографии, а впоследствии начали продажу книги и дисков. Очень помогли с реализацией Антон Галин и его жена Оля. Все эти и многие другие прекрасные, заинтересованные люди, энтузиасты, которые проявили большой интерес к творчеству Кати и всячески поддерживали меня словом и делом, и были драгоценными камнями из моего сна. Имена всех, кто что-то сделал для сохранения Катиной памяти, я передала позже Оле Гусинской для сайта www.katyayarovaya.com.

И вот я говорю по телефону с Михаилом Львовичем Мармером. У него в Нью-Йорке еженедельная программа «Клуб авторской песни — поющая поэзия» на радио «Надежда», которое ведёт вещание по подписке. Он хочет сделать передачу о Кате, просит прислать записи песен, мои статьи, задаёт вопросы: «Какая она была? Как вы познакомились?» Горюет, что не встретил Катю раньше, ещё в Москве, мог бы помочь ей. Передача Мармера с моим участием по телефону состоялась 15 сентября 2001 года. В конце передачи позвонила Алла Кигель. Она поздоровалась со мной, а Михаилу Львовичу сказала, что передачу не слушает, но ей позвонила одна из её постоянных радиослушательниц, которой не понравилось одно из высказываний Мармера. Алла работала на другом канале, они с Михаилом тогда не были знакомы. Он сказал, что никоим образом не хотел её обидеть, но Алла говорила довольно резко. Это произошло в самом конце передачи, и я расстроилась, что впечатление могло быть испорчено, хотя Мармер постарался загладить разразившийся в эфире конфликт. Когда я описала этот эпизод Яровым, маленькая, но мудрая Катечка сказала, что скандал — это даже неплохо, показывает, что всё ещё живо, страсти кипят. Она оказалась права — в дальнейшем Алла Кигель и Михаил Мармер успешно сотрудничали (об этом позже).

Мои заметки к передаче о Кате: «Внутренне свободный человек. Редкостное человеческое и женское обаяние. Мужество,

доброжелательность, искренность и правдивость. Цепкая любознательность, ум, верность оценок — нравственных, политических. Видела смешную сторону во всём, даже когда смешного было мало. Трезвый ум, но трезвость не переходит в цинизм. Редкая эмоциональная щедрость. Дар объединять людей (“Мой круг друзей, спасательный мой круг...”). Её любовь к жизни и к людям несёт заряд такой интенсивности, что частица его невольно передаётся слушателям через её песни».

— Написала бы она что-нибудь сегодня? — спросил у меня Мармер. В ответ я процитировала начало песни, написанной еще в 1982 году:

Над Нью-Йорком и Парижем,
над Берлином и Москвой —
ближе, ближе патлы рыжей
падлы третьей мировой...

Передача проходила через несколько дней после терактов 11 сентября.

Из письма Лене Яровой в октябре 2001 года: «Через Борю Шухмана я связалась с Игорем Гусманом из Питтсбурга, большим энтузиастом авторской песни и известным человеком в мире КСПИ по части всевозможной техники. Он помогал делать компакт-диски В. Долиной, Дулову и другим. Он предлагает совершенно бескорыстно сделать мастер-диски на своей аппаратуре, почистить и привести в порядок всё что можно. С них уже можно тиражировать. Кроме того, он планирует сделать антологию русских бардов, где будут использованы не только аудио-, но и видео-записи и фотографии, и, конечно, я хочу, чтобы Катя там была представлена в лучшем виде». Нахожу у себя запись от 15 октября о разговоре с Гусманом — что ему нужно для работы, тиражирование и продажа там и здесь. Мой план — собрание на трёх дисках. На каждом своя «ударная» песня, качественные записи в сочетании с менее качественными фонограммами важных для Катиного творчества песен, которые должны жить.

В декабре 2001 года я веду переговоры с Веней Смеховым о передаче на «Эхе Москвы», где он собирался рассказать о Кате. У него уже были записи её песен, «Венка сонетов» и мои статьи. Посылаю

ему ещё отдельные стихи, которые эффектны при чтении вслух, а также кассету, где я по его просьбе наговорила кое-какие сведения о Кате. Мне казалось знаменательным, что именно Смехов будет читать Катины стихи в эфире, — единственный, кто написал статью о Высоцком при его жизни, о чём Высоцкий сказал: «Было приятно читать о себе не на латинском шрифте».

Из моей записи от 15 января 2002 года: «Звонил Вениамин Смехов. В передаче о русской поэзии на “Эхе Москвы”, посвящённой 55-летию поэта и артиста Леонида Филатова и Кате Яровой, он говорил о Кате, читал её стихи». Прозвучало 3–4 песни. Л. Филатов рассказывал Смехову, что выступал вместе с Катей и помнит её как «пригожего и даровитого человека».

Письмо от Лены Яровой: «Ваше сообщение о передаче пришло в понедельник, когда меня не было на работе... Мне позвонили и сказали, что по радио “Эхо Москвы” читают стихи Кати Яровой... Это потрясающе — вновь, после стольких лет, услышать Катин голос и её стихи по московскому радио. Мы все плакали. Спасибо вам и Смехову!»

В начале работы над проектом Лена хотела выпустить книгу тиражом десять тысяч экземпляров. Теперь мы порешили на трёх, хотя мы с мужем считали, что и это слишком много по нынешним временам. Было несколько вариантов названия сборника. Очевидно, это должна была быть цитата из Катиной песни или стихотворения. Лена предложила «Я снова вхожу в это небо», но я не хотела повторяться — так уже были названы аудиоальбом и моя статья в «Панораме». Я объявила конкурс на название среди своих друзей и нескольких ребят из КСП. Предложения поступали самые неожиданные, вот для примера некоторые из них:

- «Настанет день»
- «И всегда между танками...»
- «Между ложью и правдой»
- «От России не спасёшься бегством»
- «Любовь, печаль и прочий бред»
- «Всегда от гибели на волосок»
- «Освобождённая душа»
- «Песня перехватит горло»
- «На перекрёстке дел моих и дней»
- «Сестра ехидны и химер»

«Держать не устаёт рука гитару...»
«Поэт бродячий»
«Не музыкант и не певец»
«Красный уголок»
«Души весомость»
«Моя любовь, моя печаль, моя душа»
«Я стихия твоя»
«У нас в зоопарке»
«И проступит, как лик на фреске»
«Не покинет вера нас» и т.д., и т.п.

Володя Сигалов, активный участник движения КСП в Америке, написал мне: «Это какое-то наваждение! Я стал смотреть её стихи и слушать песни на предмет названия... Вот тоже критерий на “настоящность” поэта. Она настолько афористична и образна, что о фразы, годные для названия, спотыкаешься на каждом шагу. Даже выделить какие-то приоритеты было нелегко». Сама я предложила вариант «Из музыки и слов» и в конце концов на нём остановилась, что было одобрено многими участниками обсуждения. Это фраза из «Колыбельной Никите», которая там повторяется дважды: «В пространстве из мечты, из музыки и слов, из музыки и слов». И правда, Катя жила в пространстве из музыки и слов. Когда она перестала писать песни, ей стало негде жить, и её не стало...

Теперь, как когда-то с Катей, мы обсуждали с Леной знаки препинания, заглавные буквы и прочие детали. Мой подход — кроме исправления очевидных ошибок и описок, сохранить всё максимально близко к тому, как это написано у Кати или напечатано при жизни и не исправлено ею. Поэтому я не соглашалась, когда Лена предлагала, например, добавить посвящение — допустим, Валере, так как она знала, что песня связана с ним. Я возражала, что для понимания творческого пути и биографии поэта небезразлично, что в 1982 году она ставила посвящения Валерию Рыбакову, даже писала слово «Муж» с заглавной буквы, а в 1984-м их иногда опускала. К поэту такого уровня важно подходить с точки зрения «исторической правды». Дополнительные сведения о текстах обычно пишут в примечаниях. (Мне очень хотелось снабдить сборник примечаниями, связать стихи с людьми и событиями из Катиной жизни, выявить

скрытые цитаты, переключку с её предшественниками в литературе и т.п. Но, увы, это потребовало бы много времени, которого у нас не было.) То же касалось и знаков препинания, которые она иногда не ставила вообще, а многим хотелось их добавить. Это были Катины эксперименты с формой, отнюдь не оригинальные и вполне объяснимые, учитывая её раннее увлечение Андреем Вознесенским, который тоже иногда отказывался от знаков препинания. Есть у Кати и особый с этой точки зрения текст — песня «Да, и меня настигнет осень...», с единственной запятой после «да» в начале. И это было совершенно оправданно как с точки зрения интонации (без запятой она была бы нарушена), так и формально-смысловой: оттолкнулась — и полетела («С моей гитарой на пару/ Нам оторваться и лететь»). Тот самый шаг с крыши перед полётом. Но при отсутствии знаков препинания в этом тексте она всё же использовала заглавные буквы в начале каждой строки, чем подчеркивала песенную строфику.

Все возникавшие вопросы мы с Леной легко разрешали, когда требовалось — с привлечением учебников, словарей, экспертов. Спорный момент возник по поводу посвящений Александру Вайнеру, их было несколько. Лена была категорически против того, чтобы его имя упоминалось в сборнике, из-за его предательства по отношению к Кате. Я очень хорошо её понимала, но считала, что, раз мы не можем спросить Катиного мнения, нужно их оставить. Я помнила её слова: «Ну нет, что написано пером, того не вырубишь топором». В то же время в таком непростом случае решение должен был принять кто-то из членов семьи — не только любящий Катю, но и профессионально понимающий важность сохранения поэтического наследия. Я попросила Лену поговорить с их папой, филологом, профессором Челябинской Академии культуры. Из письма Лены: «С отцом я поговорила — он категорически против увековечивания Вайнера в Катинем сборнике. Стихи, посвящённые ему, должны быть напечатаны, считает он, но никаких букв “А.В.” быть в начале не должно. Он сказал, что ему плевать на “историческую правду” и то, что Вайнер — подлец, тоже является исторической правдой».

Приближалась 10-я годовщина смерти. В Москве семья и друзья Кати планировали большой вечер, к которому должна была быть приурочена презентация книги и хотя бы одного диска. Мы

спешили. Тогда не было поисковиков, теперь ответы на многие вопросы можно было бы получить мгновенно, и нужных людей с лёгкостью найти в соцсетях. То же самое относится и к поиску издательства. Но я находила издателей — через знакомых, СМИ, библиотеки — и обращалась к ним. Это были Игорь Ефимов, ISPO, «Эксмо», «Крук», «Ардис» и другие. В 2001 году я некоторое время вела переговоры с издательством «Петрополь». Они печатали книги в Петербурге, а продавали и в России, и в Америке, что было удобно. У владельца «Петрополя» Ильи Клебанова был свой книжный магазин в Бостоне. Тридцатого мая я писала Катечке и Лене: «Можете посмотреть их вебсайт — какой контраст с другими недорогими издательскими русскими сайтами, полными безвкусицы и порнографии». Я начала было с ними работать, но на первом же этапе возникли задержки с заключением контракта, получением расценок и другой нужной информации, недоразумениями из-за ошибок секретарши и т.п. А время шло — годовщина смерти была 12 декабря 2002 года.

И тут появилась Эвелина Ракитская, однокурсница Кати, о которой Катя рассказывала мне и ценила её как поэта. У Эвелины и её мужа Анатолия Богатых было своё издательство «Э.Ра», и Лена дала мне телефон Эвелины и посоветовала связаться с ней. Разговор был по существу, мне понравились её откровенность и деловитость, она не наводила тень на плетень и сразу сказала мне: «Если кто-то вам пообещает сделать весь тираж к вечеру, не верьте, это невозможно. Но можно сделать часть тиража, остальное — потом». Сложность была в том, что мы планировали делать книгу в твёрдом переплёте, в цвете, а в то время цветность предполагала тройное прохождение через пресс. Эвелина рекомендовала книжку сшивать, клеёные книги были тогда низкого качества и разваливались при чтении. Двадцать пятого января 2002 года я подписала с ней контракт. Шестерёнки закрутились с новой силой. Эвелина работала быстро, отвечала без промедления.

Из моего письма Лене Яровой: «Давно с Вами не общалась, хочу Вас проинформировать о том, что происходит, и задать несколько вопросов.

1. Я удалила все посвящения Вайнеру из текста.
2. Стихи “Я в церкви выступаю...” помещать не будем, я с Вами согласна, хотя они очень “Катя” и я рада, что их прочитала.

Пришлите, пожалуйста, стих “Когда тыходишь, в комнате светло...”, посвященный В. Бордукову. На слух мне казалось, что его стоило бы включить в сборник.

3. Наташа работает над макетом, хотя сейчас у неё проблемы с компьютером, но мы все стараемся их разрешить. Она и её жених оба потеряли работу.
4. 17-го марта я еду в Бостон на празднование Пасхи в университете Брандайс. Моя подруга Жанна входит в оргкомитет и хочет, чтобы там исполнили Катину песню “Исход”... Помните ли Вы какие-то детали, связанные с написанием или исполнением Катей этой песни?..
5. Я отправила Игорю Гусману все записи для работы над диском, сделала списки на русском языке, написала, на каких кассетах найти недостающие песни. Веня [Смехов] прислал мне плёнку с передачей на радио “Эхо Москвы”, и я переписала её, завтра пошлю Гусману оригинал. (Я хотела поместить на втором диске стихотворение “Рисует время мой портрет...” в исполнении Вениамина Смехова — Т.Я.)
6. Я подготовила и разослала письмо-обращение для сбора денег на книгу, начинаю получать взносы. Каждый, кто даст \$25, получит книгу, \$50 — две и т.д. ...
7. Я связалась с Мишей Роммом и послала исправленные Катинь тексты для его сайта взамен ошибочных. Он не помнит, кто ему их прислал, песен Катинь никогда не слышал, я ему пошлю. Он всё тут же исправил и прислал деньги на сборник.
8. Узнала у Элейн имена врачей на снимке с Катей. Она предложила послать им обращение тоже.

...

9. Не узнали ли Вы год написания “Таммы”?.. Ещё я просила узнать насчёт “Хабаровска — Генуи» и названия “Песня” (“Сегодня море нам с тобой даёт прощальный бал...”). Я его оставляю, и мне даже нравится, но я хотела бы знать, что это не случайно, — ведь в конце концов почти всё там — песни...»

Из письма Лене Яровой: «17-го марта я еду в Бостон на празднование Пасхи в университете Брандайс... Элейн Ульман, которая перевела [песню “Исход”], тоже приедет, и мы обе скажем несколько слов о Кате. Петь песню будет американка Пери Смайлоу, которая должна приехать ко мне репетировать. Вообще всё

это проходит довольно безалаберно, они сделали много ошибок и в русском тексте, и в переводе, и много времени ушло на исправление и согласование. Но в любом случае это хорошо, тем более что они предложили мне продавать кассеты с целью сбора денег на сборник. Так что мне нужно будет всё это подготовить (на официальной кассете “Исхода” нет)».

Из письма Лене 26 апреля 2002 года: «Убедила Терзиева открыть Катин сайт ко дню рождения – сначала он собирался ждать французских переводов. Ну и намучились же мы вместе с ним, пока он смог получить и прочитать это всё в приемлемом виде! Вы видели? Это фото Кати с цветами и поздравление – здорово!

Права на книгу будут принадлежать Кате Рыбаковой (как мы договаривались), не издательству, т.к. я буду платить сама из собранных денег (придётся, видимо, нам ещё добавлять самим), ну и, конечно, права на рисунки – Дробецкому, статьи – нам с вами, как обычно...

Я, кажется, вам писала, что 17-го марта в университете Брандайс в Бостоне исполнялась песня Кати “Исход”... Когда у меня будет видео, я скопирую для вас это зрелище – 140 человек, в основном американцы, поют по-русски “И вёл господь евреев по пустыне...” Я сократила и перевела текст Элейн, с её разрешения, для сборника и сегодня отправила Наташе. Джейн в своё время так и не написала, но теперь будет всё-таки “американское свидетельство”...

Игорь Гусман продолжает потихоньку архивировать всё, что я ему послала. Пошлю на днях ему список песен для диска.

Сказала Мармеру про десятилетие, он хочет сделать ещё пару передач, я должна послать ему материалы».

Мы с Леной Яровой пытались разыскать «Песню о хлопке» и песню «Я в церкви выступаю...». Первую Катя исполняла в Узбекистане, несмотря на запреты властей, о второй очень интересно рассказывала мама Кати и Лены. Там есть строчка «Пою, как на костре огнём горю», и Эльга Васильевна говорила, что когда на одном из первых концертов Катя исполняла эту песню, то казалась ей Жанной д’Арк. Из письма Лены: «Я с большим трудом с 10-й попытки дозвонилась до Халимы Мухамедовой. У неё этой песни нет, хотя она её дважды слышала на Катиных концертах... Песни про церковь у меня не оказалось... Но Катя не придавала

ей значения и никогда её не исполняла. Думаю, без неё вполне можно обойтись».

В письме Лене от 11 сентября 2002 года я описывала некоторые сложности, возникшие в процессе работы над сборником: «Сборник почти готов, наносим последние штрихи... Мы уже заканчиваем, я помню цель — 12 декабря. Параллельно я занимаюсь дисками. Ясно, что к октябрьскому слёту авторской песни с книгой уже не успеть, но я хотела бы представить диски. Игорь Гусман делает ремастеринг (3 дня провозился с чисткой “Венка сонетов”!), Рита Гуревич из Бостона сделала дизайн обложек для 3-х дисков: “Я снова вхожу в это небо”, “Рисует время мой портрет” и “Прощание”. Я использую почти все песни с дисков Тимура¹ (кстати, как его полное имя и фамилия, я хочу указать его в списке тех, кто делал диски) и добавляю несколько песен, которых там нет — например, “Что моя жизнь?..” и другие важные, и стих “Рисует время” в исполнении Смехова... Игорь сделает к слёту маленькие партии всех трёх (по 30–50 шт.)... Кроме того, я хочу заказать 1000 экз. первого диска в [профессиональной фирме], это дешевле по себестоимости, с тем чтобы ~ по 200 шт. послать сразу вам и Кате — надеюсь, в октябре — а остальные попробовать продать (буду пробовать через посредников — магазины и т.п.), чтобы возместить остаток моих расходов на книгу и почтовые расходы... Если продажа пойдёт медленно, мне придётся добавить свои деньги... Я хочу выпустить эти диски за свой счёт... чтобы это уже было сделано и чтоб мне уже этим не заниматься — потом будут продолжать другие... Придётся дарить [диски] тем, кто сделал или может что-то сделать для Катиной памяти».

Всё это время шло продвижение Катиного творчества среди любителей поэзии и авторской песни, теперь уже подкреплённое возможностью распространения дисков. Из письма Лене от 31 октября 2002 года: «Жду от вас файл текстов с исправлениями. У меня взяли по 5 CD на комиссию в магазине «Чёрное Море» и на сайтах www.kspus.org и www.rbcvideo.com, можете посмотреть и послушать. Сделала для них рекламные листовки... Много придётся (уже приходится) раздавать бесплатно, так что не знаю,

---

¹ Тимур Ведерников — композитор, певец, актёр. Был третьим мужем Ольги Гусинской. Их дочь — кинопродюсер Екатерина Ведерникова.

когда оправдаю расходы. Хочу передать вам ещё несколько готовых дисков, ищу оказии. Сегодня звонила Алле Кигель, дам ей один, прошу, чтобы она при возможности объявила о нём по радио». Из письма Лене от 7 ноября 2002 года: «По моей просьбе Миша Ромм поместил линк сайта, продающего диск, на своём сайте и двух других сайтах калифорнийских клубов авторской песни; Саша Соколов-Кацо объявит на своём стихотворном сайте; Терзиев ещё не ответил, но надеюсь, что объявит тоже. Оля Галина с KSPUS вчера написала, что 3 диска уже заказали. Один диск я продала американцу, который поёт песни Окуджавы и Высоцкого¹ (я помогала ему с переводами, его жена играла “Исход” в Брандайсе), возможно, начнёт петь и Катю».

Из моего письма 19 декабря 2002 года: «Дорогая Леночка, помните, я говорила вам, что меня познакомили с корреспондентом газеты “Форвертс”, одной из наиболее читаемых русских газет. Я подарила ему Катин диск и послала свои статьи. И он сдержал слово!! 12 декабря поместил материал о Кате. Результат — мне позвонила женщина, которая была на Катином концерте в Ташкенте, поцеловала ей руку после концерта, и она уже послала мне запись концерта с песней о хлопке! Так что эта песня нашлась!! Я привезу вам газету².

Эвелина предложила указать меня как публикатора (цитирую): “Когда мы издавали других покойных авторов, мы так и писали в копирайте их родственников: например, вдове. А сверху (где редактор и корректор) писали ещё надпись: «Публикатор такая-то». В нашем случае было так, что публикатором книги и была вдова, она ею занималась. А Вы, я считаю, можете написать публикатором себя. Это никак не отнимает прав дочери, а просто показывает Вашу работу над книгой. А в копирайте — дочь, наследница авторских прав... Обратите внимание на копирайт Дробицкого. Я не хотела писать просто «обложки», т.к. была ещё куча работы со слайдами плакатов, прежде чем они стали обложками”. 400–500 экз. к вечеру Эвелина гарантирует».

---

¹ Популярный американский тележурналист Бад Мишкин.

² Эдуард Амчиславский, «Я буду говорить открытым текстом», «Форвертс», дек. 13–19, 2002 г. Женщина, передавшая мне запись ташкентского концерта, — Полина Мороз.

Двадцать четвёртого декабря 2002 года я написала Лене о передаче материалов и задатка Эвелине, договорилась о цветопробе плакатов Дробицкого дома у Лены. Там же: «Получила письмо от Оли Галиной из КСП, они продали 25 Катиных дисков и просят ещё. Это рекорд! Получила письмо от мужика из Москвы, интересующегося Катей, ответила ему и написала о вечере, дала ваш телефон».

Я составила обращение о сборе денег на сборник по-английски и разслала американцам. В конце обращения я писала, что «когда-нибудь мы все будем гордиться своим участием в этом важном проекте». Фактически, это был краудфандинг, только не обеспеченный софтом и соцсетями, как сегодня. Я делала это *on a rewarded sponsorship basis*, т.е., на компенсационной основе. За каждые \$25 долларов спонсору причитался экземпляр Катиной книги. Принимались и меньшие суммы (какая-то женщина прислала \$5), тогда книга не высылалась (за исключением пенсионеров, если они просили об этом). Некоторые из тех, кто внёс сотню долларов и больше, отказывались потом от части экземпляров. Имена *всех* жертвователей перечислены в книге.

Четвёртого февраля 2003 года, за неделю до вечера памяти, я писала Лене: «Не поздравила вас с днём рождения — была выбита из колеи перепиской с Эвелиной, там отобрали компьютер на фотывыводе... но мы со всем разобрались. Мы вам желаем много сил, энергии, побольше приятных сюрпризов и поменьше неприятных. Будьте все здоровы! И поздравьте Олю с днём рождения самой маленькой Кати».

В начале февраля 2003 года я полетела в Москву для участия в вечере памяти и презентации книги и диска. Вечер проходил 10 февраля в большом зале Центрального дворца культуры железнодорожников, вели его Елена Яровая и журналистка Виктория Скорнякова. Слева на сцене — большая фотография Кати, под ней декоративный столик, куда гости вечера складывали букеты цветов, рядом стояла гитара. Исполнялись Катини песни, демонстрировались видеоматериалы, звучали воспоминания. Особенно мне запомнились выступления самой Лены, Эльги Васильевны Яровой, Ольги Гусинской, Александра Минкина, Юрия Юрченко, Дмитрия Крылова, Екатерины Гусевой, Алексея Дидурова. После презентации ко мне подошла в холле со

словами благодарности и земным поклоном Эльга Васильевна. Мы с подошедшими Игорем Шароновым и Наташей Брагиной поднимаем её. Эльга Васильевна протягивает мне букет, один из многих, которые были положены на сцене под фотографией Кати. Я отказываюсь — это же Кате принесли! — но она настаивает, и я беру цветы. Игорь с Наташей говорят мне, что пришли на вечер с букетом для меня, но, послушав выступавших, были под таким впечатлением, что отнесли его на сцену — Кате. «А теперь как будто сама Катя подарила тебе букет», — говорит Игорь.

Вечер завершился фуршетом. Толпа гудела, собравшиеся были взволнованы. Катини песни, фотографии, видео, воспоминания о ней объединили всех. Не обошлось и без накладок. Книги Эвелина подвезла прямо к вечеру, меньше, чем обещала, — 200 экземпляров. Но оно было к лучшему, потому что цвет фона переплёта был искажён: вместо алого, как на плакате Дробицкого он был тёмно-бордовым! Я знала, в каких условиях Эвелина работала над книгой в последние дни, и всё-таки это был неприятный сюрприз. Впрочем, все отнеслись к этому философски: в дальнейшем обложка будет доведена до кондиции, а эти первые экземпляры, которые люди купили на вечере, станут со временем раритетом. Лене не понравился и дизайн обложки: моя Наташа добавила чёрную рамку по периметру передней обложки, чтобы объединить её единым цветовым решением с чёрным фоном задней. Было решено, что мы это переделаем.

Переделка коснулась и дисков. Я переслала Лене обложки трёх дисков, сделанные фотографом-художником из Бостона Ритой Гуревич. Каждая из них имела свою цветовую гамму и картинку, отражающую содержание и основную идею диска, заложенную в названии. Катин муж, режиссёр и художник Валерий Рыбаков, сделал новые обложки, объединённые общим дизайном: в качестве фона — фактура грубой ткани в рубчик, своего цвета для каждого диска — жёлтый, синий, красный, а на нём — круг, треугольник или квадрат, образованные из маленьких чёрно-белых фотографий-камей Кати. Каждый дизайн имел своих поклонников. Опять же, первые владельцы Катиных дисков с обложками Риты Гуревич оказались обладателями раритетов. Валерины обложки хороши тем, что придают единство избранному песен на трёх дисках.

Разный подход был и к звучанию. Американские звукооператоры из любителей авторской песни придавали большое значение сохранению тембра голоса, а потому не убрали шумы на 100%, искали допустимый компромисс для каждой записи. В Москве Владимир Мосолов, который готовил аудио- и видеоматериалы к вечеру памяти, сделал ремастеринг, полностью удалив шумы. При этом неминуемо исчезли и низкие регистры голоса. Впоследствии мы тиражировали уже этот диск и новые обложки.

После вечера родные и близкие друзья поехали к Лене и Олегу в Строгино на нескольких машинах. Майя настояла, чтобы я тоже поехала, в машине её подруги было место. После застолья у меня состоялся разговор с Олегом. Он раскритиковал форматирование страниц в сборнике: сказал, что начало каждого стихотворения должно иметь существенно бóльший отступ от верхнего края, чем на страницах со сплошным стихотворным текстом, а само стихотворение должно всегда располагаться по центру, у меня же отступ левого края был одинаков для всех стихотворений, как с длинными, так и с короткими строчками (специалисты называют это «флаговым набором с выключкой влево»). В работе над сборником мы с Борей и Наташей посвятили много времени окончательному выбору расположения, пересмотрели множество поэтических книг. Мы должны были исходить из размеров книги, 70x100/32. То, что допустимо в книге большого формата, плохо смотрится при маленьком формате. Этим был обусловлен и выбор шрифта: при вынужденно малой высоте букв они должны были быть достаточной ширины, чтобы было удобно читать. Я руководствовалась следующими критериями: 1) каждое стихотворение, а также первое стихотворение цикла, должно начинаться с новой страницы; 2) спуск должен быть минимальным, достаточным лишь для того, чтобы поместить название стихотворения, звёздочки для стихов без названия и эпиграф или посвящение, иначе слишком часто последняя строфа отскакивает на следующую страницу, что недопустимо увеличивает количество страниц (их и так получилось 380); 3) мне не нравится неровный левый край текста на соседних страницах малого формата, то есть когда стихотворение с короткими строками расположено посередине страницы, сильно отступая от левого края, а на соседней с ним странице стихотворение

с длинными строками сдвинуто влево. Я подвела Олега к книжной полке в коридоре и, наугад снимая книгу за книгой, показала разные варианты, использованные в разных стихотворных сборниках, в том числе аналогичные моему. Олег успокоился и согласился со мной.

Очень важной для меня стала оценка сестры Иосифа Ч., в прошлом технического редактора издательства в Москве. Как передал мне Иосиф, сестра отметила, что книга оформлена на хорошем уровне. Самое же главное для меня в сборнике — это высокая точность и грамотность текстов. Кассета к пятилетию со дня смерти имела вкладыш с текстами, в которых было много опечаток и разночтений с тем, что Катя пела или читала на кассете (на это мне указывали многие из тех, кто её приобрёл). При работе над книгой я старалась этого не допустить.

После моего возвращения из Москвы мы продолжили работать с Эвелиной над «доведением» обложки, а потом занялись пересылкой в Америку части тиража. Третьего апреля 2003 года я писала Лене Яровой: «Начали ли вы продажу в России? Есть ли спрос? Были ли новые публикации в периодике? Эвелина написала, что скоро понесёт разные книги по критикам, в том числе и Катину». Ей же 21 апреля 2003 года: «Вчера мне передали книгу и газеты. Большое спасибо! Мне понравились статьи. У каждого автора есть своё, равнодушное отношение к Катиной судьбе и к её творчеству. Несмотря на ошибки в “жёлтой” статье, написана она неплохо и читается с интересом».

На этом приключения с книгой не кончились. Из письма Лене от 2 июня 2003 года: «Вчера мы вернулись со слёта, куда мои друзья привезли 50 книг, отправленных авиапочтой в [магазин] “Петрополь”... Непрерывно шёл проливной дождь. Киоск КСП, куда я отнесла часть книг и CD для продажи, фактически не функционировал, и вообще всё осложнилось из-за борьбы с погодными условиями и непролазной грязью. Мы с Борей спали в мокрой палатке и утром, не сговариваясь, вспомнили “так же сладко, как спать ребёнку в мокрых пелёнках”. На слёте у меня не было возможности разглядывать книги, а сегодня я стала их смотреть и пришла в ужас: из оставшихся у меня 33 книг 20 дефективных (часть книг я уже отдала моим спонсорам и пару книг подарила). По-видимому, при брошюровке они пропустили

стр. 257–288 и потом их добавляли. Некоторые вшиты вручную, так что даже стр. 288 или 289 повреждены, другие, видимо, частично вклеены, — в любом случае, когда начинаешь книгу листать, этот кусок слегка выпадает и провисает. Я думаю, что ПРОДАВАТЬ ИХ В ТАКОМ ВИДЕ НЕЛЬЗЯ. Надеюсь, что она не отправила мне бракованные книги большим контейнером. Нужно это срочно остановить до выяснения вопроса с качеством книг.

Сегодня я отправила Эвелине письмо. Если она об этом не знала, то типография, конечно, знала прекрасно, и они знают, сколько бракованных экземпляров они сделали. Та книга, что вы мне передали раньше, сшита нормально. Проверяли ли вы свои книги, видели ли другие экземпляры с дефектом? Напишите мне, пожалуйста. Жду ответа от Эвелины и от вас».

Снова Лене (25 июня 2003 года): «Очень рада вашему письму. Только что послала Эвелине ваши телефоны с цитатой из вашего письма про условия работы... До сих пор не знаю, получила ли она образцы бракованных книг, которые я ей послала¹...

О статье в «МК» узнала от Аллы Кигель, уже прочитали, она действительно плохо сделана, но тем, кто не знает о Кате, всё равно должно быть интересно. Меня потрясла история с чечёткой — я об этом не знала. Я ведь провожала Катю в аэропорту. В Филадельфии где-то напечатана большая статья о Кате Михаила Кахнова (Мик Канова), но он мне её ещё не прислал...

Отдала экземпляр Р. М. (подруга сестры Никиты), она хотела написать статью. Володя Бравве из Рочестера тоже пишет статью.

Мы были неделю в Сан-Диего, у Бори была там конференция, виделись с Мишей Роммом. Он предлагает сделать у них, в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско презентации, когда книги появятся. Ему и ещё одному мальчику я отдала их спонсорские экземпляры. Большинство моих спонсоров пока ничего не получили. Что удалось Катечке сделать в Париже с книгами и дисками?»

Двадцать шестого июня 2003 года: «Дорогая Леночка! Вы, наверное, уже знаете от Миши, что сегодня была передача Аллы Кигель на русском TV со мной в студии и Мишей на телефоне (у Миши на редкость приятный, “фоногеничный” голос). Передача прошла

---

¹ После этого инцидента Эвелина и её помощники проверили весь тираж, чтобы выявить брак.

хорошо, были звонки зрителей, и мне уже звонили домой несколько человек, хотят купить книги и диски. Звонила потрясённая женщина из Аризоны — впервые услышала о Кате, другая, из Калифорнии, давно ищет материалы о Кате, хочет устроить вечер, посвящённый её творчеству (у них там клуб). И Алла обещала сделать передачу, когда придёт книга. В общем, начинается то, о чём я мечтала — снежный ком покатился, набирает скорость, а потом будет уже не остановить».

Физики Олег и Елена Рыжовы, спонсоры сборника, прислали мне благодарственное письмо (перевожу с английского): «Поздравляем вас с огромным достижением — Катиной книгой! Она превзошла все ожидания. По первому впечатлению, все стихи, собранные вместе в книгу, производят большее впечатление, чем записи песен... Книга безусловно закрепляет за Катей место серьёзного русского поэта, которое иначе могло бы затеряться во времени... Мы благодарим вас за вашу настойчивость и дальновидность».

Из письма Лене 27 июня 2003 года: «У Алексея Терзиева уже есть Катина страничка с фотографиями и моей большой статьёй, так что он может просто поставить объявление о книге. Там достаточно, чтобы заинтересовать. Впоследствии можно будет дать линк к bard.ru. А вот Андрею я посылала гораздо больше материалов и пришлю их вам. Т.к. этот сайт наиболее известный, пусть на нём и будет главная Катина страничка (bards.ru — Т.Я.). Я послала ему и вашу статью, и две своих... А вот статью Хуммедова я бы не стала помещать, раз там будут другие... Алла вдохновилась на свою передачу именно плохим качеством этой статьи — ей звонили и говорили об этом, многие поняли, что у Кати был сын, — говорила в передаче о журналистской безответственности. Пожалуйста, не надо ничего некачественного — сейчас у нас, слава богу, есть из чего выбирать, а будет ещё больше. Лучше дать статью Гвоздева — мал золотник, да дорог. А если хотите ещё, то “жёлтая” статья, и та лучше написана. Мише тоже статья не понравилась. Я, чтобы сгладить немного, сказала про рейтинг, о котором вы мне написали, на что Алла заметила, что это говорит и об уровне читателей. Я сказала ещё, что Катя сама настолько интересна, и цитаты из песен тоже, что люди, наверное, реагировали на это».

Нынешний сайт www.katyaarova.com сделан и поддерживается на высоком профессиональном уровне, курирует его

Ольга Гусинская. А в начале 2000-х, когда Миша Новахов начал работу над первым Катиным сайтом, всё было гораздо сложнее, не было таких технологий и того опыта, которые в последние годы позволяют быстро делать качественные персональные сайты.

Письмо Лене от 17 декабря 2003 года: «Вот и ещё одна годовщина прошла. Что вы делали 12-го? Как вообще у вас дела? Как Катини дела? Я разослала книги всем спонсорам, кроме одной женщины, которую не смогла найти... Диски пришли только в начале ноября (!), до того в августе пришло 19 штук¹. Мише я сообщила. Отправила ему тексты для сайта и замечания нескольких специалистов (он просил).

Вы, наверное, уже знаете, что Алла [Кигель] с Мармером сделали передачу о Кате и Галиче на ТВ, а 21-го будет их же радиопередача. Алла подсоединила меня по телефону, чтобы я сказала несколько слов, и было много звонков от желающих заказать книги и диски. Миша Фрейдлин² хочет посвятить одну из своих рекламных передач Кате, чтобы ускорить продажу книг и дисков, которые я ему дала. По-видимому, смогу организовать что-нибудь и в других городах.

В 40-м номере журнала “Слово\Word” вышли четыре Катиных текста с переводами на английский язык и моей статьёй (я уже давно им всё отнесла, а в августе вдруг позвонила Лариса Шенкер и срочно потребовала статью для очередного номера)... В том же номере есть и стихи Эвелины [Ракитской]...

Меня попросили написать о Кате Нехаевой для бостонского журнала “Арка”. Я в статье рассказала, что она исполняла песни Кати Яровой, и указала в сноске, что Катину книгу можно купить в магазине “Петрополь”. На днях мне звонила какая-то женщина из Бостона, сказала, что отложила в “Петрополе” последний сборник. В общем, каждая рекламная попытка приносит какие-то плоды, но движется всё не быстро...

Вам, по-моему, посылал свою статью о Катином творчестве Миша Кахновер, он же Мик Канова... Написано с большой

---

¹ Катина семья выпустила в Москве тираж первого диска, а позднее всех трёх. При пересылке дисков в США приходилось, в отличие от книг, платить при получении таможенную пошлину.

² Владелец книжного магазина в Квинсе и интернет-магазина.

любовью и знанием её поэзии. Он посылал мне статью для редактирования, кое-что я ему посоветовала изменить или убрать, и большую часть замечаний он принял. Статья была напечатана в газете в Филадельфии».

Двадцать шестого апреля 2004 года: «Миша и Алла сделали передачи с Катечкой, Миша меня подключил по телефону, позволило больше десяти человек... С Аллой получилась накладка — она не дала мой телефон, как собиралась! Я ужасно расстроилась, потому что эти передачи помогают как-то двигать книги и диски. Алла потом звонила и извинялась, у них не работала телефонная линия, в эфире не было слышно, когда люди звонили, и она так разнервничалась, что забыла дать телефон... Алла обещала дать телефон в своей передаче на этой неделе, но я не знаю, насколько это будет эффективно при другой теме передачи. Дело ведь в том, что просто реклама практически не будет работать, так как Катю не знают... Тут люди должны сначала что-то услышать или прочесть, чтобы у них возник интерес. В общем, мне очень жаль упущенной возможности.

Я договорилась о паре передач в других городах, послала материалы, всё время что-то делаю. Кстати, мой приятель Володя Бравве написал хорошую статью о Кате, Алла читала её в своей передаче... Я вам потом пошлю¹. Кроме того, послала материалы внуку Боннер (они родственники моей подруги), который в маленьком издательстве “Гадкий утёнок” издаёт двуязычные сборники стихов поэтов Восточной Европы. Не исключено, что они смогут включить Катю в план на следующий год. Если это произойдёт, я свяжу его с Катечкой. Я ей об этом рассказала.

Мой рассказ “Монолог педикюрши” с эпиграфом из Кати скоро должен быть опубликован... В ноябре Фрумкин был на “Эхе Москвы”, немного говорил о Кате».

Внук Елены Боннер, о котором шла речь, — сын Татьяны Янкевич Матвей, с которым мы познакомились ещё в 1989 году у знакомых, когда он был школьником. Я договорилась с Джейн Таубман и Элейн Ульман об использовании их переводов Катиных песен, послала их тексты и оригиналы Моте. Он планировал тогда издать маленькие двуязычные сборники венгерского и еще

---

¹ Статья Владимира Бравве есть на сайте www.katyayarovaya.com

какого-то восточноевропейского поэта. Один сборничек Матвей прислал мне для примера, но стихи автора значительно уступали Катиным. Некоторое время продолжались наши переговоры, но дело так ничем и не кончилось. Как я понимаю, издательство получало целевые гранты на издание определённых поэтов, и Катина поэзия не вписалась в эти цели.

В это же время Соня Лубенская и её коллега из Москвы Ирина Одинцова начали работу над интерактивным учебником русского языка для продвинутых американских студентов. Техническое обеспечение проекта осуществлял Слава Паперно, преподаватель Корнелльского университета, в прошлом известный в Союзе переводчик. Соня хотела включить Катини песни, в том числе «Песню про моё поколение» и песню об отце. По её просьбе я послала Славе всевозможные материалы, включая аудио и видео, фотографии, статьи, интервью и т.п., и связала его с Леной Яровой (им нужно было разрешение наследников на публикацию) и с Аллой Кигель (они хотели включить отрывок из её фильма о Кате). Слава сказал, что всё это потребовало много усилий, особенно из-за того, что права на фильм принадлежали не Алле, а телеканалу, с которым она раньше работала. Слава вёл обширную переписку с группой людей, включая Веру Раскину, в доме которой Катя выступала в Нью-Джерси, и Марка Кузнецова, который снимал этот концерт на видео. Все участники переписки с радостью старались оказать Славе всяческую помощь, чтобы Катини песни были представлены в учебнике. Вера написала, что рассказала о проекте своим друзьям Вене и Гале Смаховым (Галина Аксёнова-Смахова в течение многих лет преподавала в известной русской летней школе в Middleberry College в Вермонте), что они очень обрадовались, услышав о проекте учебника, и передают привет мне и Славе. Мир оказался тесен.

По мере того как сведения о Катининой книге и дисках медленно, но верно распространялись, появлялись всё новые люди, которые хотели что-то сделать для сохранения Катининой памяти и распространения её творчества. Так, будучи проездом в Нью-Йорке, ко мне заехал Андрей Зеленев, химик, бывший москвич, и купил несколько книг и дисков. Через некоторое время он сообщил мне, что создал Катину страничку в сетевом Некрополе.

Появлялись и новые желающие сделать о Кате передачи на радио. Её песни прозвучали в передаче израильской радиостанции «Рэка». Провёл её Ефим Гаммер — писатель, журналист, художник, чемпион по боксу во времена своей рижской юности, а потом и в Израиле (в своей возрастной категории). Ему я тоже посылала материалы. Рассказывала о Кате в его передаче Эвелина Ракитская.

Моя подруга Анна Гринберг, автор песен, организатор многочисленных разножанровых концертов и фестивалей КСП в Америке, известная своей благотворительной деятельностью, связала меня с писателем и радиоведущим Фредди Бен-Натаном в Израиле. Аня написала ему о Кате. Он ответил: «Относительно творчества Кати Яровой могу сказать следующее: я с ним знаком, хотя, конечно, и не изучал его глубоко и всесторонне, как ваша подруга. Если она пришлет мне выпущенный ею диск с записями произведений Кати, то об этом можно будет рассказать в радиоэфире (включая интервью с Таней). К слову, в следующем году исполняется 50 лет со дня рождения Кати и 15 лет со дня её безвременной кончины. Этим двум датам я мог бы посвятить страницу в “Еврейском камертоне”, которую я веду». Я отправила Фредди материалы, которые он просил.

Неожиданно мне на работу позвонил Иван Толстой из Праги. Он планировал передачу о Кате на радиостанции «Свобода», просил прислать ему материалы и написать о ней, «ни в коем случае не литературоведчески». Некоторое время мы с ним перезванивались и переписывались. Он искал, кто, кроме меня, мог бы рассказать о Кате по радио. Я назвала несколько имён, дала ему контакты Лены Яровой. Но передача так и не состоялась: Иван, по его словам, не смог найти достаточное количество «мужских голосов» для эфира. Мне говорили, что он обращался в числе других к Юлию Киму, одному из бардов, которых Катя ценила.

Двадцать пятого сентября 2008 года мне позвонил Михаил Герман из Чикаго. Предлагал сделать Катины диски (жена и сын профи, как он выразился). Сказал, что готов продавать и рекламировать её диски и книги, в том числе на радио (через Сергея Опарина). В Германии Илья Тимаков устроил вечер, посвящённый Кате Яровой (мы с Леной посылали ему всё необходимое), занялся распространением там книг и дисков Кати.

Работа над вторым и третьим дисками застопорилась. Игорь Гусман заболел, и мне посоветовали обратиться к Александру Эйдлину, который сделал диски Вероники Долиной, Владимира Фрумкина, Эмиля Горовца, Анны Гринберг и других, снимал на видео концерты бардов. Дома у него была прекрасно оборудованная студия. Он сразу мобилизовал меня на поиски записей Катиных песен, чтобы выбрать из них то, с чем можно работать, и мне прислали множество аудиокассет. Саша связал Лену Яровую с москвичом Петром Трубецким, собравшим обширную фонотеку бардов. У Володи Бордукова были ранние записи Кати, ещё на бобинах, и всё это было оцифровано. Большинство ранних записей было из тех, о которых Оля Гусинская говорила: «Мы все тогда писали песни». Много песен на чужие стихи, есть шуточные, блатные. Но Саше нравилось всё, он очень много слушал тогда Катю и отлично знал весь её репертуар. Вскоре я поняла, что для него интересно именно собирать коллекцию, постепенно, не спеша обрабатывая то, что ему понравилось; к тому же у него были обязательства перед другими бардами и певцами, которых он снимал во время их выступлений. Я ездила к нему в Пенсильванию, надеясь, что вместе мы сосредоточимся и будем работать только над тем, что нужно для выпуска избранного. Но это не принесло результатов. Работу над дисками взяла на себя Катя маленькая, которая уже тогда начала выступать в Париже и с мамиными песнями, в том числе переведёнными ею на французский язык, и своими собственными. У неё были знакомые музыканты и друг-звукооператор, который помог привести в порядок записи, которые я отослала ей со всеми сопроводительными материалами. Работа над избранным была завершена. Родные помогли Катечке с выпуском компакт-дисков в Москве. А Саше Эйдлину мы обязаны архивированием всех известных на сегодняшний день Катиных записей. Он подготовил для публикации в сети несколько видеофрагментов её концертов, а также оказывал и оказывает всяческую помощь и мне, и Лене Яровой, и Оле Гусинской.

Почти два года, в 2003–м и 2004–м, я пыталась реализовать книги всюду, где только можно. Дарила экземпляры людям, которые могли помочь с их распространением. Подготовила рекламную листовку на двух языках, раздобыла списки библиотек при вузах США и Канады, где были кафедры славянских языков, и

разослала десятки писем. Джейн Таубман и Соня Лубенская написали мне отзывы по-английски. Соня отмечала силу обобщения и актуальность «Песни про моё поколение», которую она постоянно использовала в своих занятиях с американскими студентами. Джейн писала, что книга, с любовью собранная впервые после трагической ранней смерти поэта, вызовет воспоминания о яркой личности Кати у тех, кто был с ней знаком, и станет приятным, хотя и с примесью горечи, открытием для тех, кто её не знал. Вот выдержка из письма от Кэй Шеффер, библиографа университетской библиотеки в Олбани, от 13 мая 2004 года: «София объяснила мне, зачем вам нужен список библиотечарей отделений славянских языков. Я припоминаю, что вы очень интересовались творчеством русского поэта и певицы; по-моему, я пропустила её выступление. Я с радостью буду пересылать вам запросы, которые попадутся мне на глаза».

Отправила я экземпляр книги и в Библиотеку Конгресса. По этому поводу вела переписку с работавшей там Ниной Занегиной, послала ей Катин диск, и Нине понравились песни. Писала я и в обычные публичные библиотеки, но только нью-йоркские и ещё пара-тройка заказали Катин книги. Этот путь имел крайне низкую эффективность, и в конце 2004 года я начала выступать с презентациями.

Мои выступления

Хочу немного рассказать о своих презентациях, потому что и это — часть Катиной жизни после её ухода, её путь к сердцам людей. Я провела два десятка презентаций — в Нью-Йорке, Вашингтоне, Балтиморе, Филадельфии, на Лонг-Айленде, в штате Нью-Джерси, в Бостоне и Хьюстоне. Позднее я говорила о Кате и на презентациях уже своих книг в России и в Америке, что неизменно вызывало интерес к её творчеству. Выступала я в библиотеках, магазинах, книжных клубах, в частных домах, центрах для пенсионеров. Содержание моих выступлений варьировалось, так как некоторые слушатели приходили не один

раз, и мне хотелось, чтобы они каждый раз слышали что-то новое. Да и самой было неинтересно повторяться. Неизменным оставался основной пунктир выступления: её биография, история нашего знакомства, 1–3 стихотворения. Но главное — на экране всегда была живая Катя, одна и с дочкой, звучали записи её песен. Показывала я и отрывки из воспоминаний участников вечера памяти в Москве в 2003 году. Сначала я их меняла от раза к разу, но в конце концов оставила выступления Ольги Гусинской, Александра Минкина и Дмитрия Крылова. В Нью-Йорке в некоторых презентациях участвовал Катин племянник Миша Новахов, исполняя её песни, и тогда меньше «пела» сама Катя. Я считаю, что для жизни Катиных песен очень важно, чтобы их продолжали петь другие исполнители, а потому в отсутствие Миши я показывала видео, где он поёт её песню «Чужбина», а также видеозапись песни о бродячем поэте в исполнении Тимура Ведерникова (обе записи с московского вечера памяти).

Моё первое выступление состоялось 4 декабря 2004 года в книжном магазине на Пятой авеню в Манхэттэне. Тогда это был один из главных центров русской культурной жизни Нью-Йорка, чему способствовало удобное расположение, а главное — атмосфера, созданная его интеллигентной, дружелюбной, обаятельной владелицей Ирой Тайс. В то время устроить мультимедийную презентацию — а только так можно было представлять творчество барда — было задачей не из лёгких: не на всех площадках были проигрывающие устройства, а если и были, то не всегда «читали» наш диск с видеозаписями (флешек не было ещё и в помине), не у всех были подходящие видеомониторы или телевизоры, и Боре приходилось прибегать к различным ухищрениям. К Ире в магазин мы привезли свой видеомагнитофон и маленький, но громоздкий и тяжёлый телевизор с кинескопом. Народу собралось много для такого мероприятия, человек 40–50. Среди тех, кто пришёл, была известная журналистка Белла Езерская, с которой я до этого не была знакома лично, талантливый ювелир-художник Леонид Вилихин — знаток авторской песни, энтузиаст движения КСП в США, моя хорошая знакомая Хая Мусман¹ — писатель,

---

¹ Одна из книг Хаи Мусман, «Город мой расстрелянный», рассказывает о судьбах 25–тысячного еврейского населения города Ровно, подавляющее

журналист, в прошлом преуспевающий юрист, и другие. Участвовал в вечере и Миша Новахов, вживую исполнивший несколько песен.

Первый блин был комом только отчасти, из-за технических сбоев, но это не мешало публике, не избалованной ещё техническими изысками, исключительно тепло принимать разворачивающуюся перед ними панораму Катиной судьбы и творчества. У многих на глазах были слёзы. Я видела, как потрясена была Белла Езерская, как она ахнула, услышав слова Александра Минкина о роли Кати Яровой в его журналистской судьбе. Вскоре после вечера Белла позвонила мне с вопросами, а потом написала статью «Катя Яровая в меняющемся мире», которая была опубликована в журнале «Вестник» и других периодических изданиях.

Хая Мусман попросила у меня разрешения после презентации сделать объявление о работе какого-то американского объединения, с которым она сотрудничала и которое занималось, насколько я помню, борьбой с распространением ядерного оружия, и я разрешила. Это было большой ошибкой: люди были в состоянии потрясения от увиденного и услышанного на вечере, и Хаино выступление было чужеродным, сбившим настроение. Люди удивлялись — почему, зачем? Что вообще это было? Некоторые высказали мне потом своё возмущение. Это, как и предложения по организации и техническому оснащению презентации, послужило мне хорошим уроком. Так же полезны были замечания и по моей следующей презентации в книжном магазине Михаила Фрейдлина в Квинсе 28 января 2005 года. В этот раз я делала больший упор на Катинь политические песни, показывала другие выступления с вечера памяти, и Михаил подверг критике то, как была составлена программа. Все замечания и предложения были учтены, я разработала более чёткий сценарий презентации, включив самые известные Катинь песни, представляющие её творчество с разных сторон, а варьировала я стихи, которые читала, и пересказываемые мною истории из Катинь репертуара; менялась и нюансировка моего анализа её творчества. Ниже приведу кое-что из моих заметок к презентациям.

большинство которого было зверски уничтожено во время Великой Отечественной войны немецкими оккупантами и членами ОУН.

Катя любила жизнь и умела передать в своих песнях аромат времени, создать яркие персонажи. Говоря о Кате, я проводила параллели с творцами прошлого, оставившими след в мировой культуре, цитировала выдающихся мыслителей, слова которых создавали атмосферу презентаций, перекидывали мостик из прошлого в настоящее и будущее, устанавливали планку в оценке творчества, тем самым проявляя и подчёркивая значение поэтического наследия Кати Яровой. Мне близок подход Сергея Эйзенштейна, которого столь часто упрекали в излишней любви к цитатам, что он высказался на эту тему: «Я понимаю цитаты как пристяжные справа и слева от скачущего коренника. Иногда они заносят, но помогают мчать соображение разветвлённым вширь, подкреплённым параллельным бегом... Но — ни боже мой! — когда цитата идёт цитате в затылок нудным цугом!» Многие из тех, кто подходил ко мне после выступлений, говорили, как им понравились высказывания известных людей, которые я приводила, сопровождая их своими комментариями и связывая с Катей. «Сотни людей проходят мимо цитаты, пока они её не обрели сами в своей и по своей области — тогда они её видят: она им подтверждает или помогает до-осознать, до-тянуть», — писал Эйзенштейн.

Созвучные мне взгляды на искусство я находила порой у самых неожиданных авторов. Вот, например, цитата из книги «Легенда о Сен-Микеле» Акселя Мунте, врача, писателя, гуманиста, археолога, мистика и авантюриста: «Мы выехали на залитые солнечным светом луга и поля. И тут я услышал своего любимого жаворонка... Это самый великий артист из всех — он поёт сердцем». А вот что писал Стендаль в «Жизни Россини» об итальянской певице Джудитте Паста: «Уходя со спектакля, невозможно помнить ни о чём другом, кроме глубочайшего волнения, которое нас наполняет... Друзей г-жи Паста спросили, кто был её учителем как актрисы. У неё никогда его не было. Им было сердце». Катино «единство сердца и строки, поступка, жеста...» исповедовалось всеми истинно великими в искусстве, и это интуитивно чувствуют в их творчестве те, кто способен сопереживать. Когда я спрашивала слушателей, какие Катины песни им больше нравятся, половина отвечала «конечно, лирические!», а другая половина — «конечно, политические!». Общим было это «конечно», свидетельствующее о горячем, неравнодушном восприятии.

Настоящий поэт — это тот, кто делает поэтами нас. Александр Поуп писал, что дело поэта состоит в том, чтобы говорить то, что все мы чувствуем, но никто из нас не может так хорошо выразить. Это хорошо удавалось Кате. Она помогала людям глубже заглянуть в себя. Умела «отжимать гигантский смысл из будничных понятий», говоря словами Эмили Дикинсон.

Статьи Борхеса о литературе подтверждали мои собственные мысли, помогали «до-осознать, до-тянуть». «Страница, обречённая на бессмертие, невредимой проходит сквозь огонь опечаток, приблизительного перевода, неглубокого прочтения и просто непонимания. “Дон Кихот” посмертно выиграл все битвы у своих переводчиков и преспокойно выдерживает любое, даже самое посредственное переложение. Даже немецкий, скандинавский или индийский призраки “Дон Кихота” куда живее словесных ухищрений стилиста». Это приложимо и к Катиным песням. Как свидетельствует поэт В. Вишневский, Катины песни «и в пересказе способны впечатлять сегодня всех, кого хочется посвятить в это имя». Это же подтверждают и частые размещения её стихов в Интернете с чудовищными опечатками до того, как появились книга и официальный сайт. Ещё из Борхеса («Суеверная этика читателя»): «Нищета современной словесности, её неспособность по-настоящему увлекать породили суеверный подход к стилю, своего рода псевдочтение с его пристрастием к частностям. Страдающие таким предрассудком оценивают стиль не по впечатлению от той или иной страницы, а на основании внешних приёмов писателя. Подобным читателям безразлична сила авторских убеждений и чувств. Они ждут искусностей... Они подчиняют чувства... общепринятому этикету. Упомянутый подход оказался столь распространён, что читателей как таковых почти не осталось — одни потенциальные критики». На эту же тему высказывалась и Нина Берберова: важны максимальный смысл, словесная энергия, а не фокусы, заполняющие пустоту. Катина поэзия сильна в первую очередь способностью *по-настоящему увлекать*. Она превращает критиков в читателей, слушателей, возвращает им состояние со-творчества. «Гармонией упысь, над вымыслом слезами обольюсь» — и мурашки бегут, и дыхание перехватывает... Катя — живая иллюстрация взглядов Борхеса и Стендаля на искусство.

«Поэзия — это сознание своей правоты» (Мандельштам).
«Поэзия — это крик о помощи» (Галич). У Кати крика о помощи не было. И не было иждивенчества.

Были любовь к жизни, любовь к людям и чувство ответственности. А вот сознание своей правоты с распадом страны и наступлением новой реальности стало ослабевать, о чём она говорила в последние годы на концертах и в интервью и писала мне в письмах. Она искала новые пути.

Чтобы заставить людей прислушаться и поверить так, как удавалось Кате даже после смерти, нужен незаурядный темперамент, как творческий, так и человеческий. Она им обладала, как и историческим чутьём. Её политические оценки и прогнозы были точны, нравственный барометр безошибочен. И ещё — острый ум, острый глаз и честность перед собой. Можно видеть и не понимать, или понимать и притворяться, что не видишь. Она видела и понимала, а притворяться не умела и не хотела. У неё часто спрашивали (и у меня тоже, когда я давала людям слушать Катины кассеты): «Откуда у вас столько злости?» Но это была не злость, а небезразличие к людям, прямота и бескомпромиссность, которые заставляли её совершать рискованные поступки, требовавшие незаурядной смелости. Она прекрасно понимала, что «злость препятствует карьере», как она пела в песне, посвящённой памяти Некрасова. Об этом же и «Моя родословная» («Я не стояла у станка»):

...Больным хорьком лежит хорей
В столе, как в клетке, под замком,

Не плачьте, бедные стихи!
Я с вас сниму сиротства гнёт!
А если будете плохи,
Пойду работать на завод!

«Сиротства гнёт» она снимала со стихов пением, открытым общением с аудиторией.

Как я писала выше, 17 марта 2002 года я участвовала в праздновании Песаха в университете Брандайс в пригороде Бостона. В своём выступлении я сравнивала Катину песню «Исход»,

которая была главным фокусом седера¹, с «Монологом Моисея» Городницкого. Доклад был на английском языке. Я говорила о том, что в начале перестройки эта тема волновала в России многих. Напоминание о сорокалетнем периоде исхода евреев из Египта предостерегало от несбыточных надежд тех, кто ждал мгновенных перемен. Два русских барда написали об этом — Александр Городницкий и Катя Яровая. Риторика стихотворения Городницкого «Монолог Моисея» сурова и непримирима, с повторяющейся строкой «чтобы вымерли родившиеся в рабстве». Яровая говорит о выборе свободы и готовности защищать её («привёл Господь к земле обещанной бойцов»), о трудностях, с которыми сталкиваются странники в пути, об их верности своей религии. Её рефрен — «И прижимали первенцев к груди». Я рассказала, что после терактов 11 сентября подумала о том, как Катя отозвалась бы на это событие, если бы была жива, и поняла, что она уже это сделала. В 1982 году она написала песню о третьей мировой войне. Случайно или нет (скорей всего, не случайно, как всё у Кати), первым городом, столкнувшимся с приближающейся угрозой, назван Нью-Йорк. Песня имеет открытую концовку:

И заразную, в зелёнке,
Я прижму к своей груди
Всю планету, как ребёнка,
Но куда мне с ней идти?..

Она использовала тот же образ любви к детям, что и в песне «Исход», но на этот раз она предлагает свою любовь и защиту всей планете — единственной Земле обетованной, завещанной всем нам. Она готова была взять на себя ответственность, даже когда не знала ответа. Её «Исход» излагает суть библейского сюжета в ключевой для истории России момент и, в более широком контексте, говорит о выживании человечества.

Несколько лет на Кагиной могиле не было памятника. Лена Яровая рассказывала мне, что первый проект придумали

---

¹ Ритуальная семейная трапеза, проводимая в начале праздника Песах (еврейской Пасхи). В данном случае седером назвали коллективное празднование Песаха в стенах университета.

«С моей гитарой на пару...» Фото Сергея Аксакова. Конец 1980-х.

Катя с друзьями
Ольгой Гусинской
и Всеволодом
Канторовичем.
Аэропорт
Шереметьево, март
1990 г.

В Бруклине, Нью-Йорк, США. 1991 г.

С дочерью Катей и Ирмой Барিশпольской во время поездки с концертом в Хартфорд (штат Коннектикут). Фото Бориса Барিশпольского. 9 мая 1992 г.

Первый диск Кати с обложкой Риты Гуревич и диск с песнями Кати Яровой в исполнении Кати Нехаевой.

Избранное песен Кати Яровой на трёх дисках.
Оформление Валерия Рыбакова.

Памятник работы Эдуарда Дробицкого на могиле Кати Яровой на Востряковском кладбище в Москве. Фото Эллы Горловой. 1999 г.

Обложка сборника поэзии
Кати Яровой
«Из музыки и слов»
(издательство Э.Ра, 2003).

Т. Янковская представляет книгу Кати Яровой в книжном магазине в Манхэттене. В первом ряду слева направо: М Новахов, Г. Гольдберг, Б. Яром. Справа Б. Езерская. 4 декабря 2004 г.

ЧИТАТЕЛЬ ПРЕДСТАВЛЯЕТ АВТОРА

Я счастьем была и болью...

Владимир Браве

А было так: приятельница включила магнитофон, и я сразу ощутил ту подлинную искренность и правдивость, которая свойственна только очень немногим авторам. Есть такая старая присказка: не удивить, не прибавить. Каждое слово несет свою смысловую нагрузку, каждая песня как мини-спектакль, где своя интрига, сюжет, философия. Слушал и смеялся, плакал, негодовал, грустил. Помню, поймал себя на мысли: этот автор будет отныне со мной в моей душе вместе с Высоцким, Окуджавой и Галичем. Их творчество вечно, их рухляки не горят, ибо все они сияют "разумное, доброе, вечное". И еще есть в их творчестве какая-то загадка, мистика, когда часами можешь слушать песни - и отступает песенником, неверие, цинизм, и хочется делать добро. Впрочем, пора назвать имя автора: Катя Яровая. Помнится, шла куда-то по всей стране пьеса "Любовь Яровая". Так и - напрашивается каламбур: моя Любовь - Яровая. Не буду скрывать, что чувство влюбленности возникло в тот вечер и с годами переросло в настоящую любовь со всеми свойственными ей эмоциями: восхищением, влечением и даже ревностью. Удивительно, но слушая Катини песни, читая ее стихи, передо мной возник образ Женщины, загадка которой будет существовать, пока существует наша многострадальная Цивилизация. К сожалению, мне не довелось увидеться с Катей, она ушла от нас в возрасте 35 лет, ушла несерьезно рано (как будто бываю поздние уходы), и осталась только любительские кассеты с ее неповторимым голосом. Очень хотелось узнать как можно больше об этом замечательном поэте, прочитав все ею написанное, но, увы, все попытки оканчивались неудачей. И вот судьба неожиданно (а быть может в награду за желание) преподнесла мне подарок, знакомство с Таней Янковской, знавшей Катю при жизни, любящей ее саму и ее творчество. От Тани я узнал о том, что Катя неоднократно выступала в США, всегда оставляя глубокий след в душах своих слушателей, здесь же в Америке она проходила курс лучевой и химиотерапии, который увы не помог спасти её жизнь. Именно благодаря Тани, издавшей сборник Катиних стихов "Из музыки и слов" (Издательство ЭРА, Москва, 2003) и компакт-диск с Катиними песнями, мы можем, не боясь этого высокого слова, насладиться удивительным творчеством. Низкий поклон Тани и многим добрым людям, сделавшим это возможным! Помню рассказ об инженере, съездившем одним из первых в командировку на таинственный Запад. На вопрос коллег "Ну что там?" он после длительной паузы ответил: "Там всё!" Эти слова как нельзя лучше характеризуют Катиню творчество, ибо во всех ее песнях и стихах присутствует Вечность. Чем больше я читаю и слушаю их, тем больше открываю для себя и в нашем Мире, и в самом

себе, и этот процесс бесконечен. Недаром кто-то из великих сказал: талант - это тот кто попадает в цель, в которую никто попасть не может, а гений - это тот кто попадает в цель, которую никто не видит. И да прости меня читатель, но я осмелюсь отнести Катю именно к последней категории. Ее поэзия мимолетна, полифонична, загадочна, независимо от того, винит ли она любовную лирику, политическую сатиру или философские стихи о жизни и смерти. Зная, что необходимо включить в такую статью читаты из Катиних стихов, честно пытался сделать это и после долгих попыток осознал, что я просто переписал почти все ее стихи. А может быть, это и есть еще одно доказательство ее гениальности. И все-таки я осмелюсь привести одно из неоконченных стихотворений из Катининой рабочей тетради:

Давайте поплачем над нашей общей судьбой
Хоть судьбы у нас очень разные, видит Господь.
Мы сестры и братья, мы связаны нитью одною,
Суровою нитью прошиты и души и плоть.

Пустыня земля, лишь кочевья костры догорают.
Но лишь бы один - тот, что в душах у нас - не погуч.
Вы слышите звук - на рожке так печально играет
Покинувший нас наш небесный и вечный пастух.

Мой милый читатель, ты занят своими повседневными заботами, захлебываешься всевозможной информацией. Остановись, открой сборник Катиних стихов, послушай ее песни, и твоя жизнь наполнится новыми удивительными эмоциями.

Книгу и компакт-диск можно заказать на www.kspus.org.

Статья Владимира Браве
в журнале «Регион». 2004 г.

Обложка журнала «Вестник»
со статьёй Беллы Езерской. 2005 г.

SH * REFRONT

YM-YWHA OF BRIGHTON - MANHATTAN BEACH, INC.

3300 CONEY ISLAND AVE

FOR INFORMATION CALL

718-646-1444 EXT.326

JCC

United Way

Uzill

USA/Federation

Brooklyn NY 11235

"ЛЮБОВЬ НЕ КОНЧАЕТСЯ..."

"Love forever"

Thursday, May 29 at 7p.m.

Meeting Room, 2nd Floor

Впервые в Америке песни талантливого барда и поэта
Кати Яровой (1957 – 1992) исполняет ее дочь *Катя Рыбикова*.

В программе участвует и поет песни Кати Яровой популярный радиоведущий
Миша Новахов.

Вы увидите Катю Яровую, какой она была в жизни, на концертах, в интервью,
услышите воспоминания известных российских журналистов

Дмитрия Крылова и Александра Минкина.

Вечер ведет *Татьяна Янковская*, прозаик и эссеист,
собиратель творчества Кати Яровой.

В продаже полный комплект из трех дисков избранных песен и сборник поэзии *Кати Яровой*.

Tickets: \$10-for nonmembers, \$8-for members, senior and students
Program in Russian

Афиша концерта в Шорфронт.

После концерта в Шорфронт 5 мая 2008 г. Слева направо: представитель администрации, Татьяна Янковская, Катя Рыбакова, Ирина Волкович.

Катя Рыбакова и Сергей Никитин (справа) в студии Сержа Перитонера (слева) во время работы над диском детских песен Никитина, Яровой, Рыбаковой на французском языке. 2016 г.

Катя Рыбакова в совместной с Сергеем Плотовым программе
«Хабаровск-Москва-Париж». 2018 г.

«Кто-то должен каждую черту ваших лиц запечатлеть глазами...»
Фото Сергея Аксакова. Конец 1980-х.

Валерий Рыбаков и муж Лены Олег Шалашный: на мраморном постаменте — огромный кусок необработанного горного хрусталя, в котором преломляются и играют лучи света. У Олега были старые журналистские связи на заводе в городе Гусь-Хрустальный, которые он надеялся использовать. Владимир Самойлович остудил их пыл, сказав, что такой кристалл обязательно украдут. В результате на могиле Кати был установлен памятник по проекту Э. Дробницкого. Но идея Валерия и Олега так хороша и так соответствует Катиной сущности, что я любила об этом рассказывать.

В том же духе и диалог Виктории Скорняковой и Эдуарда Дробницкого на вечере памяти:

В. С.: Говорят, у художников люди ассоциируются с каким-то цветом. С каким цветом ассоциируется у вас Катя?

Э. Д.: Ну, Катя — это радуга.

Катя часто подчёркивала, что не считает себя поэтом, что она бард, бродячий поэт. Вот её однокурсники Вадик Степанцов и Эвелина Ракитская — совсем другое дело, это настоящие поэты, самые талантливые на их курсе, говорила она. Поэт бродячий — тот, кто не существует вне контакта с людьми. Действительно, авторская песня подразумевает живое общение, атмосферу доверия. Стихи можно писать в стол, песни — нельзя. Поэтому она и могла говорить: «А мне плевать, что меня не печатают. Я выхожу на сцену и пою, что хочу». Отсюда особое влияние бардов. Мне приходилось слышать, что после знакомства с Катиной поэзией люди начинают «по-другому смотреть на многое». Убеждения людей, как правило, иррациональны, поэтому никакими рациональными доводами переубедить их невозможно. Катя задевает чувства, потом вступает разум, и это оказывается убедительней любых доводов. При этом возникает такая глубокая эмоциональная связь, что не знавший её человек мог написать: «Катину смерть воспринимаю как личную трагедию».

Вячеслав Иванов, рассказывая о трёх гениях, встреченных им в жизни, говорил о Пастернаке: «Незадолго до смерти Борис Леонидович сказал, что, по его мнению, он занимается в искусстве тем, чем занимается наука: описывает не действительность как она есть, ведь она закрыта занавесом, а движение этого занавеса, которое каким-то образом связано с тем, что скрыто за ним, но не больше. Этот взгляд соответствует вероятностной картине мира».

Видимо, это чувствовала и Катя, потому что именно у Пастернака она взяла эпиграф к своему стихотворению, где размышляет о своей роли в поэзии.

*Снег какой угодно,
только не белый...*

Б. Пастернак

Я вижу **белый** снег
И небо **голубое**,
Зелёную листву
И серые дома,
И лампы жёлтый свет,
И жёлтые обои —
Живу я наяву,
Все прочее — обман.

Катя описывала мир реальный. В мире пропаганды и рекламы, где нам постоянно навязывают искусственные ценности и ненужные вещи, она говорит о реальных ценностях. Не это ли и есть мудрость — уметь разлагать спектр на простые цвета, идти к истокам, видеть простое, скрывающееся за сложным, и истинное — за ложным? У Пушкина то же стремление к простоте, к свету: «Так ложная мудрость мерцает и тлеет пред солнцем бессмертным ума. Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

К просторам рвущуюся мысль
Одёргиваем робко,
И жизни самый главный смысл
Мы заключаем в скобки.

Она раскрывала скобки — то, что делали лучшие из наших бардов. Из её песни о Высоцком:

Не поймешь — где Христос, где Иуда.
Не поймешь — кто тут правый, кто левый.
Только в голос мы верим, как в чудо,
Отделяющий зёрна от плевел.

Стихотворение Веры Павловой подмечает широко распространённую черту:

Мы любить умеем только мёртвых.
А живых мы любим неумело,
приблизительно. И даже близость
нас не учит. Долгая разлука
нас не учит. Тяжкие болезни
нас не учат. Старость нас не учит.
Только смерть научит. Уж она – то
профессионал в любовном деле!..

А Катя:

Пока мы живы, зазвучат слова пускай,
слова твои, слова любви, мои слова...

Её любимая песня Окуджавы:

И друзей созову, на любовь свое сердце настрою,
А иначе зачем на земле этой грешной живу?

«Люблю, как на костре огнём горю» – строка из песни «Я в церкви выступаю». Там же: «Пою, как на костре огнём горю». Она несла этот огонь, этот факел, и тут дело уже не в поэтическом таланте, а в том, какой она человек. Для неё любовь и творчество неразделимы. И то, и другое для неё – горение души. Так она жила свою жизнь и так пела свои песни. Наверно, поэтому она была способна влиять на судьбы людей – как при жизни, так и после.

«Вот апрель задурит и поманит/ И качнёт от небес до небес». Представляете себе амплитуду – от небес до небес? Такова была Катя, таков был её масштаб – и творческий, и человеческий. «Что моя жизнь? Летящая звезда. Как вспыхнувшая спичка в мирозданье». Когда я познакомилась с Катиными песнями, а потом и с ней самой, я сразу почувствовала её масштаб – и поэта, и человека. Только большой художник может свободно говорить «векам истории и мирозданью» – Маяковский, Малер в своих симфониях. Кате была дана эта свобода. «И лишь тоски вселен-

ской постоянство/ Для коей и вселенная мала». Сегодняшняя повседневность — и взгляд на тысячелетия истории:

По воде, яко посуху,
или по воздуху
шёл и летел Он — один.
Был Он наг.
Каждый шаг
измерялся столетьем,
и руки, как плети,
лишь вздох из груди:
ОДИН...

Каждая встреча-презентация была уникальна и интересна, хочу отметить лишь несколько из них. Пятнадцатого мая 2006 года мы с Мишей Новаховым выступали в бруклинской библиотеке Homecrest. Успех был оглушительный, зал не смог вместить всех желающих. Люди стояли вдоль стен и в дверях, заглядывали с улицы через запасной выход, благо погода была тёплая, но некоторые всё же вынуждены были уйти. Видимо, всё сошлось: и несколько моих предыдущих выступлений, о которых люди рассказывали своим знакомым, и передачи Кигель и Мармера, благодаря которым многие узнали и полюбили Катины песни, и Мишина популярность как ведущего на русском радио в Нью-Йорке, и — не в последнюю очередь — организаторские способности заведующей филиалом Елены Литинской, талантливого поэта и прозаика, бессменного президента Бруклинского клуба поэтов.

Пятого июля 2006 года я выступила на радио колледжа Кингсборо в Бруклине, где Ефим Карлик вёл постоянные программы на русском языке, а 8 августа — в программе журналиста и барда Маши Школьник на радио «Дэвидзон». Именно после этой передачи мне позвонил Тимоти Сергэй, славист и переводчик (он перевёл на английский язык роман А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»), большой ценитель Катиного творчества и вообще русских бардов, с которым мы впоследствии поддерживали связь. За передачами последовал вечер в Театральной гостиной радио «Дэвидзон». Вход на вечер был платный, но каждый

купивший билет получал в подарок Катину книгу. Идею мне подсказала Аня Гринберг, организатор двух других моих презентаций. Её принцип — люди не должны выступать бесплатно, а поскольку моей основной задачей было распространение книг и дисков Кати, она предложила мне дарить их всем, кто купит билет. Это значительно увеличивало число разошедшихся книг и CD. Театральная гостиная взимала немалую сумму за аренду зала, но поскольку народу собралось довольно много, человек 60, да ещё кое-кто покупал диски в дополнение к книге, полученной при покупке билета, я ничего не потеряла.

О моих выступлениях в Бостоне в 2006 году было объявлено по радио: «Состоятся два вечера памяти Кати Яровой, поэта и барда, человека необыкновенной судьбы и редкого таланта. Песни Кати Яровой поражают не только тем, что она сумела снайперски точно отразить атмосферу 80-х и начала 90-х годов, но и даром предвидения, тонким лиризмом, юмором. Интерес к её творчеству растёт во всех странах, где жив интерес к русской культуре. В программе вечеров документальные кадры из жизни, концертов, интервью, а также воспоминаний близких Кате людей. Первый вечер будет проходить в воскресенье 10 сентября в 6 часов в Брайтонском жилом комплексе для пенсионеров по адресу Genesis Auditorium, 28 Wallingford Road. Второй состоится в понедельник 11 сентября в 7 часов вечера в Ньютонской библиотеке Newton Free Library по адресу 330 Homer Street. Ведущая — журналист Татьяна Янковская... Вход свободный».

По поводу вечера в Ньютонской библиотеке у меня была обширная переписка с заведующей Beth, ни слова не говорящей по-русски. В ход была пущена тяжёлая артиллерия американских имён: «Prof. Jane Taubman of Amherst College called her “one of the most talented bards of her generation” and a translator Timothy Sergay called her “the most underrated” Russian bard. However, the interest to her outstanding work and tragic life has been constantly growing, especially after publishing of the book of her poetry, “Of Music and Words”, and the release of her first CD in 2003.»¹ Усилия

---

¹ Профессор Амхерст-колледжа Джейн Таубман назвала её «одним из самых талантливых бардов её поколения», а переводчик Тимоти Сергэй — «самым недооценённым» русским бардом. Но интерес к её творчеству и трагической

не пропали даром, встреча прошла успешно (хотя Боре пришлось немало повозиться с оборудованием), и народу было много, около 60 человек.

Очень интересным был визит в Хьюстон, где 17 мая 2008 года в русском магазине «За углом» состоялось моё выступление. Организовать его мне помогли физик, тогда начинавший пробовать себя на литературном поприще, Михаил Пеккер и совладелец магазина Алекс Коган, который оказался школьным товарищем Севы Канторовича, второго мужа Оли Гусинской, в доме которого в 1986 году был устроен Катин квартирник, заснятый на видео. Благодаря всплывшему в разговоре имени Канторовича Алекс отнёсся к мероприятию так, как будто старался для родного человека.

Особое место занимает вечер в Еврейском культурном центре Shore Front на Брайтон-Бич в Бруклине 29 мая 2008 года. Ещё когда я отчитывалась в письмах перед Леной Яровой и Катей Рыбаковой о своих выступлениях, Катечка однажды написала мне: «Как бы я хотела быть там с вами!» И вот это произошло во время одного из её визитов в Америку. Ниже текст объявления о концерте:

«ЛЮБОВЬ НЕ КОНЧАЕТСЯ»

Катя Яровая (1957–1992)

Впервые в Америке песни талантливого барда и поэта

Кати Яровой

исполняет ее дочь **Катя Рыбакова**.

Участвует популярный ведущий ток-шоу и исполнитель песен

Михаил Новахов.

Будут показаны уникальные видеозаписи. Вы увидите Катю Яровую, какой она была в жизни, на концертах, в интервью, услышите воспоминания известных российских журналистов

Дмитрия Крылова и Александра Минкина.

Вечер ведет **Татьяна Янковская**, прозаик и эссеист, собиратель творчества Кати Яровой, редактор–составитель сборника ее поэзии.

Купив книгу, вы сможете получить автограф у дочери барда.

судьбе постоянно растёт, особенно после публикации сборника поэзии «Из музыки и слов» и выпуска первого CD в 2003 году (англ.).

*Впервые в продаже полный комплект из трёх дисков
избранных песен.*

За организацию взялась Ирина Волкович, которая тогда курировала культурные программы центра (теперь она художественный руководитель театра «Диалог»). Ирина очень профессионально, с большим терпением подошла к этому. Было нелегко согласовать всё из-за разницы во времени с Парижем, к тому же Катя маленькая тогда очень много работала. Вечер прошёл прекрасно. Мы все говорили о Кате Яровой, я показывала видеозаписи, но львиную долю песен на этот раз исполняли дочь и племянник автора. Катечка была видимо счастлива — и необыкновенно тёплым приёмом, и возможностью петь вместе с любимым братом, и тем, что в глазах всех этих восторженных людей она была представителем и продолжателем дела своей мамы. Были в ходе вечера экспромты — я рассказала историю с бутылкой, которую Катечка раньше не слышала, а после окончания презентации выступила присутствовавшая в зале Алла Кигель. Она подчеркнула творческое родство Яровой с Галичем. К моему большому сожалению, видеозаписи этого вечера пропали при состоявшемся вскоре переезде Миши. Одну из них сделал зритель по имени Борис, но мне он не послал копию, только Мише — может быть, эта запись и всплывёт когда-нибудь...

И ещё один важный результат моих презентаций. Когда в 1995 году вышла антология русской поэзии XX века «Строфы века», составленная Е. Евтушенко, туда вошли 875 авторов, в том числе кое-кто из бардов, которых я знала по фестивалям КСП в США, но Кати Яровой среди них не было. Через некоторое время я прочла в газете, что Евтушенко задумал выпустить самую полную антологию — десять веков русской поэзии. Я решила, что в такую антологию, вне зависимости от того, как её оценивать (были у Евгения Александровича и критики), должны быть обязательно включены стихи Кати Яровой. Евтушенко значительную долю времени проводил в Америке, и я находила адреса колледжей, где он работал, несколько раз писала ему, а когда вышел Катин сборник, отправила экземпляр в университет в Оклахоме, где он преподавал. Ответа я ни разу не получила и даже не знала, дошла ли до него книга. И вот после моей презентации в клубе

любителей книги в Бруклине в 2005 году мне позвонили и под большим секретом дали домашний телефон Евтушенко в Москве, сказав, что можно звонить по этому номеру ежедневно в 11 часов утра до конца августа. Я передала информацию Лене Яровой, и она поручила маме связаться с Е. А. И Эльге Васильевне удалось дозвониться до него! Они говорили по телефону минут сорок и договорились об отправке ему Катиного сборника.

Через год на одном из литературных вечеров в Нью-Йорке я встретила с Ириной Лейкиной, редактором двух моих статей о Кате, и выяснила, что скоро она увидится с Е. А. Из моего письма Ирине от 26 сентября 2006 года: «Пользуясь Вашим любезным разрешением, обращаюсь к Вам с просьбой. Зная, что Е. А. Евтушенко работает над антологией русской поэзии, я хочу быть уверенной, что у него есть сборник поэта и барда Кати Яровой (1957–1992). Сборник называется “Из музыки и слов”, я являюсь редактором–составителем и публикатором книги... Прошлым летом родные Кати в Москве связались с Евгением Александровичем по телефону и отправили книгу бандеролью, но уведомления не получили и не уверены, дошла ли она. Буду очень признательна, если Вы сможете нам узнать, получил ли он сборник. Если не получил, я могу прислать и книгу, и компакт–диск (пока вышел только один)».

Двадцать седьмого сентября Ирина мне написала: «Уважаемая Татьяна, Ваше письмо я получила и уже переслала. Я знаю, что сегодня (а может, и дольше) Е. А. будет в Нью-Йорке, но не уверена, что смогу с ним поговорить: у него большая программа». Двадцать восьмого она сообщила: «Поговорить с ним мне удалось, я сказала, что переслала Ваше письмо. Он помнит бандероль. Потом ответит письменно».

Ответа от Евтушенко я не получила, но Эльга Васильевна установила контакт с его домоправительницей и изредка справлялась, нет ли новостей. И вот много времени спустя в очередном телефонном разговоре выяснилось, что Е. А. в отъезде, но Катиной книжки, которая раньше лежала на письменном столе в его кабинете, там нет — по-видимому, он взял её с собой. Это звучало обнадеживающе. А в декабре 2009 года, в годовщину Катиной смерти, я обнаружила в газете «Новые известия» статью Евтушенко «Певшая от имени молчащих». И не только статью, но и

его стихотворение, посвящённое Кате! Душу щемит от того, как откровенно и по-доброму он написал об ироничном использовании ею строк из его песни: «Я люблю свою песню “Хотят ли русские войны?..” и никогда от неё не отрекись, но она могла искренне звучать только тогда, когда и была написана, до бессмысленной войны в Афганистане... И мне, конечно, было горько услышать Катину песню, которую она спела перед ранеными “афганцами” в Узбекистане, перенеся мой рефрен из контекста “оттепели”, в которой родилась песня, в ситуацию государственного нервного агрессивничанья ценой человеческих жизней. Но я не обиделся на Катю, потому что у неё была не издёвка, а боль. Она ведь написала: “Но зато я знаю, где душа, — Там, где боль от нашего прощанья”. У неё был именно такой, может быть, единственно человеческий подход к людям и вообще к жизни. “Бросают их в десант, как пушечное мясо. Кто выживет — тому награды и почёт. Пока мы тут сидим, пьём чай и точим лясы, Сороковая армия идёт вперёд! Идут обратно в цинковых гробах, В медалях, звёздах, знаках, орденах. «Хотят ли русские войны? Спросите вы у тишины...»” Если так не написал я сам, спасибо, что это сделала она».

Жизнь после жизни

Рильке писал: «Но в час, когда напев дошёл — певец вдали. Мы музыкой полны, но рядом нет Орфея». Конечно, никто не сможет заменить Катю, особый тембр её голоса, её стиль, которые пленяли слушателей на её концертах и продолжают покорять в записях. Но чтобы её наследие завоевывало новых слушателей, необходимо живое исполнение её песен. Было сделано немало попыток найти кого-то, кто смог бы проникнуться их очарованием и достойно донести их до слушателей. Одной из первых, как я уже писала, стала Катя Нехаева, сама талантливый автор, которая написала множество песен на стихи русских поэтов, включая наших современников. Она умеет находить в творчестве каждого лучшее и наиболее адекватное её собственному мироощуще-

нию. Такой «нюх» на хорошую поэзию не мог оставить Нехаеву равнодушной к творчеству её тёзки. Психолог Инна Суботина, постоянный посетитель слётов и концертов авторской песни в Америке, написала: «Когда я услышала, как Яровую поёт Нехаева — я послала ей огромную благодарность, так как я всё ждала, что кто-то вспомнит о таком ярком таланте — не может он просто исчезнуть! У меня до этого была только её кассета — в ней протёрли дырки, так заслушали!»

Нехаева написала песню и на стихи Яровой. Однажды вечером она позвонила мне: «Срочно диктуйте стихотворение “Меня на день рожденья не позвали”. Может получится неплохой романс». Сказала, что так на неё действует полнолуние. Это было ещё до книги, но незадолго до этого я рассказывала Кате Нехаевой о нашем с Борей посещении Дробицкого в Москве и о нескольких посвящениях ему, написанных Яровой. Одно из них не было песней, и Нехаева вспомнила понравившиеся ей строчки:

Вы мне дублёнок не кидали в ножки
И в ушки мне не вешали камней.
Любовь моя пластмассовой серёжкой
Затеряна средь Ваших простыней...

В тот же вечер она перезванивает мне, и я слушаю по телефону новую песню — действительно, романс, хотя по тексту я бы никогда не предположила, что это возможно. Но у Нехаевой есть и прекрасная песня «Обезьяна» на стихи Ходасевича! В нахождении мелодического эквивалента для неё не существует ограничений, она умеет помочь достойным стихам заиграть новыми красками.

История продолжилась, когда эту песню услышала нью-йоркская поэтесса Ирина Акс, известная своими талантливыми пародиями. Она мгновенно среагировала на строчку о пропавшей серёжке, написав шуточное стихотворение «Ах, граф, мы вам так благодарны за давешний вечер»:

Я в вашей постели намедни забыла... Серёжку!
Велите ж ему, как проспится, чтоб ехал домой.

Так появилась вторая песня, своего рода антироманс, и Катя Нехаева часто потом исполняла этот ставший популярным диптих¹.

Жанна Шпиц, автор и исполнитель песен из Сан-Диего, тоже проявила интерес к Катиной поэзии. Она написала свой вариант песни «Чашечки саксонского фарфора» и дала мне её послушать по телефону. Мелодия напоминала Катину, хотя Жанна не слышала оригинала, — подтверждение того, что текст сам до некоторой степени «подсказывает» мелодию. Не знаю, были ли у Жанны другие песни на стихи Яровой. Я пыталась сагитировать её попробовать спеть Катины песни, но у меня нет сведений, включала ли она их в свой репертуар.

На почве интереса к Катиному творчеству возник наш контакт с Маргаритой Вартановой из Сиэттла в штате Вашингтон, которая основала там русскую школу и детский театр. В 2008 году она написала мне: «Очень надеюсь, что меня хватит на проведение вечера о Кате Яровой, но зимой в детском концерте я включила в программу концерта её песню, и мы с детками пели под гитару песню про гномика».

Главное же, что адресат песни «Жил на свете гномик», дочь Кати Яровой Катя маленькая, она же Катя Рыбакова, когда выросла, начала выступать с песнями своей мамы, в основном в Париже и в Москве. В США было пока одно выступление, о котором я писала, и участие в программах Аллы Кигель на телевидении и на радио у Миши Новахова. В Москве Яровые и их друзья нашли и других исполнительниц, которые поют теперь Катины песни. В Нью-Йорке Миша не раз рассказывал о своей тёте по радио, выступал с её песнями на концертах. Несколько лет назад он и его жена Галина Гольдберг провели вечер памяти в Бруклине, в котором я принимала участие.

М. Мармер говорил мне, что беседовал о Кате с известными исполнительницами авторской песни Галиной Хомчик и Лидией Чебоксаровой и что, возможно, они споют её песни. Лена Яровая написала мне после своего разговора с Лидией: «Чебоксарова сказала, что сделает это обязательно, потому что сам Бог велел. И вот

---

¹ Недавно я узнала, что другие барды, вдохновившись этим диалогом и отталкиваясь от него, написали свои песни — их уже десяток.

почему. Она увидела, что её мама держит в руках Катин диск и плачет. Оказывается, её мама была актрисой, а папа — главным режиссёром в театре кукол в закрытом городе на Урале... где когда-то работала и наша с Катей мама — режиссёром. Мы, дети, приезжали туда с бабусей летом отдыхать и, конечно, часто бывали в театре. Мать Лиды рассказала ей, что помнит эту девочку, которая спрашивала её мужа — не только главрежа, но и автора песен к спектаклям, как он пишет песни, как подбирает рифмы. Так что Лида понимает, что это судьба — исполнять Катини песни». Не знаю, произошло ли это, но история сама по себе интересна.

Не осуществилась пока моя мечта найти исполнителя цикла «Гамма». Ещё в период работы над дисками я писала Катиной сестре: «Вы говорили, что запись “Гаммы” очень некачественная. Что Вы думаете о такой идее: попросить Володю Фрумкина спеть это с дочкой? Кате ведь очень нравилось, как они поют, она присылала мне их плёнку — такая, наверно, есть и у Вас. Я уже с ним говорила. Он ничего не обещает, говорит, что давно не выступал с Майей, но попросил послушать плёнку. Может быть, пришлёте мне? Я передам ему и сделаю копию для Тани З[уншайн] — это ведь о Рижском взморье, а она даже не знала о существовании этого цикла...» (Таня одно время жила в Риге.)

В 2007 году я подготовила письмо Марине Влади, хотела послать ей книгу и диски Кати Яровой, но так и не отправила, не будучи уверенной, что адрес правильный. А было бы неплохо познакомиться её с Катиными песнями, посвящёнными Высоцкому. Да и вообще, я уверена, её заинтересовали бы творчество и судьба Кати. В июле 2018 года я встречалась в Нью-Йорке с Катей Рыбаковой и поделилась с ней этой идеей. Катечке она очень понравилась. Надеюсь, что в недалёком будущем встреча произойдёт, ведь обе живут в Париже.

У меня вышло шесть статей о Катином творчестве, две из них при жизни Кати. В первой я писала, как она представляла себе генеалогическое древо русской бардовской песни: «Вергинский, Галич, Высоцкий — ствол, остальные барды — ветви». Эти трое определяют стержневое направление в развитии авторской песни, наиболее полно выражают своё время. Творчество Кати Яровой продолжает это направление. Она делает это по-своему

и на языке своего поколения, но в ней есть и грустный лиризм Вертинского, и политическая смелость Галича, и темперамент и непревзойдённое чувство живого слова Высоцкого, о котором она говорила: «Та вершина, тот высокий ориентир, к которому стремлюсь». При огромной популярности Высоцкого сказать так мог только человек, понимающий свой творческий масштаб. И Катя, как всякий большой поэт, конечно, это понимала.

Много написано песен, посвящённых памяти Высоцкого, но все ли они достойны его памяти? Даже лучшие барды, увы, не избежали ловушки прижизненных споров и упрёков: «А вдова с лицом французским будет много лет жива», «Говорят, что грешил, что до срока свечу потушил...». Но ведь речь идёт о поэте, которого знала и любила вся Россия! Вот как писала о нём Катя:

...И вдова твоя — Россия —
замерла, как неживая.

На руках тебя носила,
а теперь согнула плечи.
Сирота твоя — Россия —
сиротою будет вечно.

...Память не навяжешь силой,
но, узнав тебя, Мессия,
словно памятник, Россия
встанет над твоей могилой.

Юлиан Семёнов в повести «Дипломатический агент» о знаменитом русском разведчике и учёном-востоковеде, собирателе фольклора Иване Виткевиче приводит такое его высказывание: «Я по-прежнему уверен, что песня — лучший паспорт для души человеческой. Плохие люди петь не могут». Катины песни являются именно таким «паспортом». Незнакомый мне Саша Ч. из Ташкента (живёт в Чикаго), сказал мне по телефону, что, когда он услышал Катины песни, впечатление было, «как будто открылось небо и вышел ангел». Любимое у него — «Поколение» (как будто кто-то выразил его мысли) и «Чашечки». Сказал, что директор русского театра в Ташкенте совершенно «повернулся» на Кате.

Все эти годы Катины стихи и песни понемногу распространяются в Интернете. Я уже писала, что Лена просила меня связаться с поэтом Михаилом Роммом из Сан-Диего. Он разместил на своём сайте Катины стихи, в которых было «полно ошибок разного рода». Вижу у себя файлы «Яровая для Ромма», «Яровая для Терзиева» (речь идет о сайте www.paris-russe.com), файлы для Василия из магазина на Брайтоне Russian DVD, Ани Рябкиной (газета «Вместе» в Калифорнии). Газета «Пилюли смеха» (Нью-Йорк) поместила Катины стихи, «Барабан» за июнь 2004 года — мою статью «Будем необъективны», «Вечерний Нью-Йорк» от 21–27 января 2005 года перепечатал статью Беллы Езерской «Катя Яровая в меняющемся мире», так же как и чикагская газета «Шолом» (редактор Евсей Цейтлин). Статьи Аллы Кигель о Кате были напечатаны в «НРС», в брошюре с программами русского телевидения в США и в журнале «От и до». Какой-то энтузиаст выложил на Youtube Катину песню «Исход» со своим видеорядом. Мужчина из книжного клуба в штате Миссури попросил меня прислать материалы для вечера о Кате Яровой, который они хотят устроить, дочь Полины Мороз, помнившей Катю по Ташкенту, сделала свою программу, Роза Бунчик в Нью-Йорке покупала и рассылала Катины книги и диски друзьям, живущим в разных странах, на разных континентах... Всего не перечислить. Главное, чтобы этот ручеек не пересыхал.

Вместо опровержения

Очень медленно до меня доходил смысл сказанного Катей в интервью газете «Час пик» 20 января 1992 года «Каждый выбирает ту ненормальность, которая ему ближе» с подзаголовком: «Вместо опровержения на статью “А душа осталась в России”». Тогда многим моим знакомым интервью не понравилось излишне жёсткими, по их мнению, высказываниями Кати об Америке. Сегодня её замечания кажутся естественными. Катя говорила, что в Америке «с детства внедряется положительное мышление — “всё хорошо!” У нас негативное — “всё плохо!”».

«Мы можем часами стоять в очереди. Американец бы эти часы вкалывал там, где ему больше заплатят, — говорила она журналистке Инне Кошелевой. — Мы в крайней точке кризиса, и то всё есть — в коммерческих магазинах. И там (в Америке) “всё, что хочешь” начинается при больших деньгах. То, чем набиты прилавки для всех, на мой взгляд, очень невысокого вкуса и качества. Помню, стояла я перед витриной пляжных очков, моделей эдак тысяча. И ни одной даром не надо. Кич». Она рассказала о своём друге, адресате песни «Память, словно кровь из вены...»: «Он уезжал отсюда, потому что не мог заняться восточной философией, в Союзе тогда за это преследовали. И что вы думали? Там он учится... на бухгалтера. И ещё работает. Труд не по душе, какой придётся. Асаны, какие осваивал на Рижском взморье когда-то, ему делать просто некогда, о философии он думать забыл. Приличный заработок возможен и у нас — строй дачи, сиди с умирающими, воспитывай чужих детей. Но здесь мы за это не берёмся, а говорим о самореализации, да ещё требуем, чтобы наше удовольствие нам хорошо оплачивали». Когда в Союзе ещё только мечтали о потребительском обществе, Катя видела его недостатки: «Я была в музеях водки и в музеях колбасы» (песня-частушка из РТ).

Культура, язык творят человека и общество — Катя, как поэт, остро это чувствовала. Из интервью: «Я не идеализирую свою страну, её болезни испытываю на собственной шкуре. Скажу вам так: тут жизнь ненормальная, но и там ненормальная тоже. И пусть каждый выбирает ненормальность, какая ему ближе. Бродский в одном эссе назвал деньги пятой стихией: воздух, земля, вода, огонь и деньги. Ну, конечно, они есть, в них сила, с ними нельзя не считаться. Но когда ни земли, ни огня — только они в голове?.. По-настоящему там хорошо только тем, кому ничего не надо, кроме колбасы, которая называется по-разному: машиной, виллой, мебелью. У нас тоже есть такие. Им не важно общение, не важна культура, им не знакома прелесть языка. Они и не почувствуют, что в Америке другая аура... Но и здесь не все чувствуют весну».

И далее: «Работа не исчерпывает человека, а если исчерпывает, то худо. Природа, искусство, любовь, религия, общение с друзьями, прошедшая юность — всё это ценности, верно?» «Раньше я зарабатывала концертами, но сейчас не уверена, что это возможно.

И не уверена, что буду петь вообще, — говорила она Кошелевой. — Я приехала не в ту страну, из какой уезжала. Но я приехала и не той, что была. Встреча с Сашей многое сдвинула во мне, изменила. У меня появилось желание... избавиться от собственной личности. Это звучит странно и означает не то, что первым приходит в голову. Нет-нет, не конформизм — напротив. Это нежелание быть “совокупностью общественных отношений” — так, кажется, в марксизме? — играть роль, носить личину, какую предлагают обстоятельства. Трудно, предстоит жестокая работа. Ведь стоит личности наступить на палец, она взвояет и станет маскироваться под сущность. Вот и покупаешься на так называемый поэтический успех или героизм во время путча. Я же хочу понять, какая я на самом деле, в своей человеческой основе, прийти к себе. Кем бы я ни работала, маникюрьершей или бардом, я постараюсь быть больше своего дела, не отождествлять себя с ним».

В начале разговора Кошелева спросила:

— Выйдя замуж, вы могли остаться там. Вам не понравилось?

— До конца дней своих буду молиться за страну, где мне спасли жизнь. И, может быть, США — самая прекрасная страна в мире... Не для меня.

На следующий день после концерта у нас дома осенью 1990-го года Боря записал на магнитофон недавно написанный Катей «Конвертируемый рубль» (на мотив популярной песни «Обручальное кольцо — не простое украшень»). Мы были в восторге, умирали со смеху, слушая её:

Это наш секретарь Генеральный
Новым мышленьем всех заразил,
И весь мир этим он моментально
Удивил, поразил и сразил.

В почёте он теперь и в моде,
И изумлённый мир следит,
Как он направо песнь заводит,
Налево сказки говорит.

Генеральный секретарь —
Не простое украшень:

Принимает он решенья,
Генеральный секретарь...

И дальше: «Сутьпоносные эти решенья/ ни обушь на себя, ни надеть...» Когда Катя советовалась с нами, как ей обновить программу концертов, мы настоятельно рекомендовали ей включить «Конвертируемый рубль». Но она почему-то этого не делала, а год спустя и вовсе устроила в Москве торжественные похороны своих политических песен. И ведь она была права! Сегодня, даже ценя остроумие и изобретательность автора, я бы не стала слушать эту песню снова и снова, как тогда, и воспринимается она совсем иначе в свете произошедших за последние десятилетия событий.

В то время я не понимала до конца её внутренних поисков, переоценки ею своего творчества, и только с годами поняла и оценила: обладая даром предвидения, она «чуяла весну», и, хороня в 1991 году свои политические песни — публично, чтобы все видели её выбор и задумались о его причинах! — она сделала свой очередной семимильный шаг. Хватит ёрничать, насмехаться, ломать — пора строить. От низших форм поэзии — к высшим.

Она практически не писала последние полтора года своей жизни. Песня «В разных была и обличьях, и обликах...» могла бы стать началом нового этапа творчества, но стала её прощанием с этим миром. «Промысел Божий не зная, не ведая, я, за судьбою безжалостной следуя, просьбой о помощи не согрешу». А в 1981 году, в начале своего творческого взлёта, Катя писала: «Как страшно, как прекрасно быть бездомным и ничего у Бога не просить». А просить надо, Катя была в этом не права, поделилась со мной много позже Лена Яровая выстраданным ею убеждением. Но Катя попросила только смерти, когда была к этому готова: «Господи, помоги мне быстрее умереть». В рабочей тетради, наедине с собой, она просит — творчества: «Осени меня, осемени вдохновеньем...» И ропщет: «За какие грехи наказал немотой?» И молит: «Я творенье твоё, не оставь меня, Боже...»

В РТ есть запись: «Лестница вверх — к себе». Высокий путь она себе избрала. Почему-то думалось о Кате, когда я читала

«Осенний крик ястреба» Бродского. «На воздушном потоке распластанный, одинок», он взлетел так высоко, что «упругий слой воздуха его возвращает в небо... как стенка — мяч, как падение грешника — снова в веру, его выталкивает назад». Но Катина последняя песня имеет иную тональность: даже говоря о самом сокровенном, самом сложном для понимания, её голос «тихонько плещет всё на лирическом ладу». Нет жёсткости, нет крика — только лёгкость дыхания, за которое она благодарна Богу.

В 1982 году в Хабаровске Яровая писала о том, что сегодня стало очевидным:

Кто мечтает о победе,
первым ступит за порог,
пусть попробует отведать
свежий атомный грибок.

Не дойдет до рукопашной —
кто-то кнопку нажмёт...
Как наивен век вчерашний:
«Кто с мечом на нас пойдёт!»

«На смерть России» — отражение тех же размышлений. Хотя сейчас я вижу в этой песне и более глубокий смысл: не будет России, и мир уже ничем не спасёшь.

Мы в душу ей плевали, как умели,
Пытались, как могли, её спасти.
И то, что мы простить ей не посмели,
Всевышний ей, наверное, простит.

Растерзанная, захлебнувшись кровью,
Когда испустит дух моя Россия,
Уж не спасёшь ни посланным мессией,
Ни Красотой, ни Верой, ни Любовью...

Рабочая тетрадь

Катина рабочая тетрадь. Таня Зуншайн прислала мне толстый фолиант скопированных страниц, переплетённых чёрной пластиковой пружиной, с красными картонными обложками. На этих листках — Катин голос, её живая пульсирующая мысль. Готовые стихи и неоконченные, работа со словами и смыслами, заготовки будущих песен. Приведу лишь несколько коротких цитат из неё.

— Страна при расцвете рождает певцов и героев, а при упадке пыль и много начальства.

— Творческий акт — половой акт. Постоянная работа мыслей и души — как акт, а оргазм — момент непосредственной работы (писание стиха, скажем). После — удовлетворение, релаксация.

— Высоцкий: слушаем его песни, каждое слово повторяя про себя (и о себе). Врывается к нам сквозь толщу земли... Не даёт успокоиться, тревожит нас с того света. Планета Высоцкий.

— Господь не посылай мне испытаний/ Мне их не вынести

— Не отпускай меня, не отпускай, Россия.

— Высечь огонь от трения (мысли, чувства) об бытие.

— Ирония, цинизм — всё это всё же низшие формы поэзии (Катя говорила мне это о сатире и иронии — Т.Я.). Евреи — ироничны к ценностям других культур.

— Самая главная граница — это граница между дозволенным и недозволенным.

— Маме: Ты мне заменила Лицей и Версаль и Сорбонну/ Ты мне распахнула такие высоты души...

— У нас тоска, у них скука. (Это перекликается с «Песенкой о московской жене»: «Там покой и здесь любовь,/ Здесь уют и там недостаток». — Т.Я.)

— Они пили виски с тоником/ А мы пили водку с Толиком.

— Мы бухали в Бухаре и киряли в Кирове.

— Средства массовой информации — это печатная сивуха.

— «Для меня Россия — это лирическая величина». Блок.

— А скажи, где бы ни было лучше и краше,/ Притяжательной местоимение «наше».

— Лица, не обеспеченные золотым запасом души.

— Русский человек, не умеющий высказать своей души.

— Слепнуть, как Гомер/ Оглохнуть, как Бетховен,/ Но лишь не онеметь...

Среди исписанных страниц детский рисунок. Видимо, это дочка нарисовала двух птичек на ветках на фоне дождевых капель и снежинок для своей певчей мамы.

Ещё раз о творчестве Кати Яровой

Несмотря на то что у меня много статей о творчестве Яровой, в них написано далеко не всё, что хотелось сказать. Это невозможно и потому, что тема статьи всегда накладывает ограничения, и потому, что я продолжаю открывать в Катиной поэзии что-то новое для себя. Хочу изложить здесь некоторые свои заметки о её песнях и жанре авторской песни, которые остались «за бортом».

Стихи организуют определённым образом слова, а значит, в первую очередь, — мысль, течение мысли. Мелодия через чувственное восприятие гармонии звуков организует прежде всего эмоции, течение эмоций. Слова, оплодотворённые мелодией, поднимают слушателя на другую ступень восприятия, добавляют ещё одну координату, с большей определённой очерчивают пространство, в котором находится медиум. Оказываются задействованы другие органы чувств. Это помогает большей массе участников события настроиться на одну длину волны, войти в резонанс. Возникает духовное и душевное единство. Поэтому люди любят петь вместе. Наверное, поэтому пение молитв так важно. Поэзия — творчество индивидуальное. Поэт, пишущий песни, а не просто стихи, более альтруистичен по натуре, вынужденно экстравертен, общение с другими ему необходимо. Не случайно народное стихотворчество — песни, былины — имеет мелодию. Есть народные песни, но не народные стихи.

Когда мы с мужем были у Яровых в Москве в 1995 году, Эльга Васильевна рассказывала, как учила дочь писать песни. Смысл был в том, что нужно проговаривать стихотворение вслух, начиная

напевать слова, вкладывая всё больше чувства в декламацию — «так, чтоб стыдно стало», — и в этот момент возникает песня. То есть, чтобы получилась песня, нужно предельно обнажить душу. «Но песня перехватит горло, и я опять с душою голой стою, открыта всем ветрам...»

Моя запись 17 августа 1994 года: гениальные песни — «По свету бродит одинокая», «Вот опять заморочит метелью», «Настанет день», «Да, и меня настигнет осень». Сегодня я бы добавила в этот список «Чужие голоса, чужая речь», «В разных была и обличьях, и обликах» и стихотворение «Ночь в Геленджике».

Песни Кати Яровой отличает тематическое и жанровое разнообразие: любовная и философская лирика, политическая сатира, бытовые зарисовки. Это не случайно, потому что диапазон эмоционального и временного восприятия у Яровой необычайно широк — от «Слова о полку Игореве» до «Ста лет одиночества». Даже на давно прошедшее она реагировала так, как будто это было вчера. Помню, мы с ней обсуждали Н. А. Некрасова, заезженного школьной программой вдоль и поперёк. Я сказала Кате, что, когда мы изучали творчество Некрасова, я находила у него стихи вне программы, которые мне очень нравились, — «Две элегии», шуточное «Где твоё личико смуглое» и т.п. «Нет, а мне всё нравится — и “Мороз, Красный нос”, и “Кому на Руси жить хорошо”, — сказала Катя. — Я до сих пор, когда читаю “Размышления у парадного подъезда”, плачу». Когда Катя от нас уехала, я достала том Некрасова, перечитала «Размышления», и не только не заплакала, но и не смогла определить, какое место в поэме вызывало у неё слёзы.

Многие наши современники заражены неверием, цинизмом, которые нередко усугубляются ограниченностью знаний и узостью мышления. Вирус снобизма и скепсиса отравляет душу, мешает непредвзятости оценки. Люди разучились плакать теми слезами, от которых неотделимы и божество, и вдохновение, и любовь, и жизнь. Катя не утратила этой способности и возвращает её своим слушателям. Полная естественность во всём — в жизни, творчестве. Её песни воздействуют на слушателя на двух уровнях, неосознанном и осознанном. Она могла говорить о высоком, не впадая в высокопарность, без ложного стыда и ёрнического гаерского тона, который Бродский назвал «лучшим методом

сильные чувства спасти от массы слабых». Она жила и пела без оглядки на «массу слабых» чувств.

Отчасти такая открытость и откровенность в творчестве идут от семейной традиции открытости и откровенности в отношениях с родными и близкими. Внешнее проявление этого — долгие тосты, принятые в семье, где выросла Катя, выражающие искренние чувства к друзьям и членам семьи. Те, кто видел в записи Катин тост на юбилее отца, понимают, о чём я говорю. Но этот тост не был исключением. Мне приходилось слышать полные любви и признательности тосты, произнесённые сестрой и матерью Кати в адрес разных людей. Впервые я с этим столкнулась во время нашего с Борей визита в 1995 году. Тогда же мы познакомились с Басей Генриховной, Катиной бабушкой, первой слушательницей многих её песен. К сожалению, она не могла встать из-за перелома бедра. Впоследствии мы несколько раз говорили с ней по телефону. Когда я однажды поздравила её с днём рождения, она сказала с интонацией, которую я не могу забыть: «Кати нет, а я всё живу...» Вскоре после этого она умерла.

Что заставляет людей плакать, слушая Катю? Чистота души. Та самая незамутнённая «родниковая вода на дне души-колодца»¹. Так ребёнок может растрогать до слёз даже самых чёрствых из нас. Большая редкость, когда зрелый человек, обладающий недюжинным талантом, может выразить свои чувства с такой откровенностью и силой. Её песни идут от души к душе, задевая глубоко запрятанные в нас струны детства, прикосновение к которым бередит до слёз. Только то, что идёт от сердца, может вызвать слёзы. Идущее «от головы» может вызвать самые разнообразные отклики, от удивления до восхищения, но никогда не заставит плакать. В детях нет цинизма и скепсиса, нет конформизма, поэтому они способны выразить себя с непосредственностью, которая трогает и волнует. Они правдивы («а король-то голый!») и видят мир в его первозданности — в нём солнце ярче, небо синее, трава зеленее, горы выше, море больше. В Кате счастливо сочеталось данное и приобретённое: зрелость, мудрость, эрудиция — с нерастраченной свежестью восприятия и искренностью выражения. В ней есть подлинность.

---

¹ Один из черновых вариантов песни «Родник».

Часто тогда, думая о Кате, я вспоминала пушкинское:

Птичка Божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда...
Птичка гласу Бога внемлет,
Встрепенётся и поёт...

И без осуждения с колокольни крыловского муравья, а, скорее, как у Губермана:

Мне всё беспечное и птичье
милее прочего всего,
ведь и богатство — не наличие,
а ощущение его.

Она жила, любила, писала, как птица летает. Недаром метафора полёта — и только ли метафора? — так часто встречается в её стихах. Это подметил ещё Джимбинов: «Шаг с крыши с абсолютной верой в то, что полетишь». Поэтому и «хватала на лету» смысл того, что происходило вокруг. Проницательность была её отличительной чертой.

В своём творчестве Катя избегала внешнего богатства словесной палитры, для неё характерны не эпитеты, а глаголы и существительные. Тем не менее, скупое очерченные образы получаются богаче того, что выражено словами. Даже простое перечисление того, что она видит — «прощайте, горы, лето, море, Ялта, Симеиз, и ленкоранская акация, глициния и кипарис», — создаёт атмосферу, рисует картину, которую каждый волен заполнять деталями по-своему. Видеть главное — в этом тоже её талант.

Хотя Катя писала стихи постоянно, у неё было два особенно плодотворных периода — 1981–83 и 1988–90 годы. Очевидно, что с годами мастерство её выросло, но масштаб таланта и личности чувствуется и в её ранних стихах. Моя запись от 16/4/97: «Вчера — Катина 40-летие. С годами мелодии её песен значительно прогрессировали, стали разнообразнее, интереснее. Стихи... не то чтобы улучшились, но как бы "выросли": метафоры стали мощ-

нее, масштабнее, шире размах и постижение темы, яснее мысль». В зрелых стихах ярче проявились её пророческий дар, глубина обобщений.

Актуальность одной из тем, к которым она обращалась, сегодня возросла. Всё больше людей в последние годы осознаёт важность в жизни духовной составляющей и то, что все мы — часть природы, мироздания. В поисках смысла жизни и душевного комфорта люди возвращаются к религии, обращаются к восточным философиям. Растёт популярность центров медитации, йоги, люди посещают известных гуру и духовные центры. Катя заинтересовалась этим ещё в начале 1980-х. Все эти интересы нашли отражение в творчестве. Вот шутка — и штрих к портрету времени (1982 г.):

Я лежала с тонкими телами..
(Не с физическими, Боже сохрани.)
Занималась тонкими делами,
Но об этом никому ни-ни.

С телом эфирным и телом астральным,
С телом тоническим, телом ментальным
Пили мы прану, дышали эфиром
И заедали зефиром с кефиром!..

При этом она прекрасно знала Библию. В последнем интервью Катя сказала: «Я человек верующий, но не религиозный».

Свет потухшей звезды,
Что сияла когда-то Копернику,
Долетает до нас
Через тысячи лет световых.
Ультразвук той беды,
Что в ушах Хиросимы и Герники,
До сих пор не угас
Он для тех, кто остался в живых.

...И с зажатой гортанью
Мчимся мы без руля и без тормоза,

Что ни век, то война...
Ненасытные, всё смотрим в лес.
Сквернословьем и бранью
Нарушаем гармонию космоса,
Даже мыслей волна
Изменяет структуру небес...

Сегодня, благодаря появлению Интернета и социальных сетей, возможность «сквернословьем и бранью нарушать гармонию космоса» многократно возросла. «Зажатая гортань» – метафора, характерная для поэзии Бродского. Ирина Служевская, анализируя его стихи, писала: «Короткие строки проговариваются человеком, неспособным на более округлую речь, потому что горло его сдавлено»:

И в гортани моей, где положен смех
или речь, или горячий чай,
всё отчётливей раздаётся снег
и чернеет, что твой Седов, «прощай».

...Из слёз, дистиллированных зрачком,
гортань мне омывающих, наружу
не пущенных и там, под мозжечком,
образовавших ледяную лужу...¹

Об истоках этого явления – в сказке «Снежная королева»: злощип-презлющип тролль (соцсети наделили это слово новым смыслом) смастерил зеркало, «в котором всё великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное отражалось ещё ярче... Когда зеркало разбилось, миллиарды осколков разлетелись по всему свету, попадали людям в глаза, и тогда они начинали видеть в каждой вещи одни лишь дурные стороны, а некоторым осколки попадали прямо в сердце, и сердце превращалось в кусок льда». Аналог этого зеркала – большая часть современных СМИ. У Кати – ни ледяной лужи, ни черноты. Её природа другая – свет, тепло, которые растапливают лёд в душах людей. М. Новахов

---

¹ Цитаты из стихов Иосифа Бродского.

говорил, что его друзья, двадцатипятилетние ребята, которые не падки на слёзы, «буквально рыдали» на вечере памяти в Москве в честь пятилетия со дня смерти Кати.

Она пытается осмыслить своё место в жизни:

Но вот за стиркой, как ни странно,
Или за мойкою полов
Из тонкой слабенькой гортани
Я слышу, чую нарастанье
Моих стихов!

И их мучительные роды
Я принимаю всякий раз.
Я повитуха, кто угодно,
Я мать-преступница — уродов
Выбрасываю в унитаз.

И без колебаний принимает на себя ответственность, которую возлагает на неё талант:

Весь мир передо мной,
Как черновой подстрочник,
Который я должна,
Должна перевести!

Чувство ответственности — то, чего не хватает в современном мире. Бродский говорил С. Волкову: «Женщины более чутки к этическим нарушениям, к психической и интеллектуальной безнравственности. А эта поголовная аморалка есть именно то, что XX век нам предложил в избытке. Когда на самом-то деле итогом существования должна быть этическая позиция, этическая оценка. И у женщин дело с этим обстоит гораздо лучше».

У этой хрупкой женщины с «тонкой слабенькой гортанью» есть чему поучиться: раскрепостить свои внутренние силы, творческий потенциал и способность к созиданию, стремиться к гармонии вокруг нас, не бояться говорить добрые слова. Разжать гортань, чтобы в ней были смех, и речь, и горячий чай с друзьями, и слова «люблю, скуучаю».

Что за детский наив —
К благородству призыв?
Видно, Богом был просто ребенок.

...Не на вечных китах,
А на детских мечтах
Ещё теплится жизнь человека.

Сочетание зрелости и детскости — основа силы воздействия её поэзии. В жизни я иногда слышала у неё детскую интонацию уважительного удивления.

А это моя любимая — предновогодняя «Вот опять заморочит метелью...». Тоже «вальсок», как и её последняя песня:

Вот апрель задуриет и поманит,
И качнет от небес до небес,
И опять ожиданьем обманет
Необещанных, впрочем, чудес.

И томится душа в предвестье,
Будто кто нашептал и напел,
И колышется занавеска...
Может, ангел в окно влетел?

«От небес до небес». Первая ассоциация у меня — «Прогулка» Шагала, вторая — качели. Сначала удаляешься от земли, окидываешь её взглядом сверху и, на миг замерев, летишь вниз, всё быстрее, быстрее... Со свистом проносятся под ногами леса, моря, города, вот всё это уже осталось позади, внизу, за спиной, ничего земного уже не видно, ничто не отвлекает, ты только видишь бездонный голубой свод перед собой и над собой, неторопливо плывут облака, и твоё собственное движение становится неторопливым, замедляется, замирает... И — обратный ход, как у гигантского маятника.

И проступит, как лик на фреске,
Голос тот, что шептал и пел,
И колышется занавеска —
Это ангел в окно улетел.

«Ангел улетел» — Лена подсказала сестре этот вариант. Комната опустела, Душа поэта покинула её. Два параллельных смысла: «голос тот, что шептал и пел», — это голос свыше, голос того, кто вёл, обещал, отпустил. Но «голос» — это и она сама, бродячий поэт, с небольшим, но таким прекрасным живым голосом, который пел, шептал, смеялся... В её рабочей тетради есть строчка: «И время поменяет лицо на лик». Да, Время унесло от нас её живое земное лицо, превратив его в бесплотный лик, осеняющий её поэзию, которую она оставила нам в дар.

Когда я ей сказала, что в этом «от небес до небес» есть что-то шагаловское, она согласилась: «Да, есть». А потом я нашла подтверждение в песне о Дробицком:

Чердак твой — этаж не последний,
потом начинается небо,
а там — и Шагал, и Дали,
и Эдик Дробицкий...

Тут и намёк на сонм небожителей, к которому Катя шутовски причисляет своего друга, и ощущение от картин Шагала, полётов его персонажей.

Три песни, посвящённые Э. Дробицкому, написаны в ритме быстрого вальса, во всех — головокружение, лексика иного мира, «на границе меж тьмою и светом, раздирающей душу границе». В них постоянное противопоставление рая и ада, божеского и дьявольского. «Уставший от роли Бога» — так начинается одна из песен. И далее:

Распахнута бездна неба,
разверзнута пропасть ада.
И привкус вина, запах хлеба —
единственная награда.

Бездна и пропасть — синонимы, но не полные, и как тонко она чувствует разницу — именно *бездна* неба, именно *пропасть* ада — можно вознестись, можно *пропасть*. Как тонко она это обыгрывает, превращая в данном контексте синонимы в антонимы! Награда, о которой она говорит, велика и проста: святое причастие, символ

единения с Богом в христианстве. Но пропасть притягивает, манит сладостью запретного плода. И как точно она передаёт опасность соблазна:

Нет сильнее магнитного поля,
чем безумный чердак на Смоленке!

Когда в 1995 году мы шли с Леной Яровой и её мужем Олегом в гости на чердак к Дробицкому, только уже не на Смоленке, а в Нижнем Кисловском переулке на Арбате, куда он перенёс свою мастерскую, я процитировала Лене начало этой строфы: «И сжимается сердце до боли, и дрожат от волненья коленки...». В горнице, где Дробицкий нас принимал, стояла крупная, грубо вытесанная мебель, как в сказке «Три медведя». В отдельной комнате, пахнувшей птичьим помётом, сидели на жёрдочке купленные на птичьем рынке павлины, которых он затеял тогда рисовать, курлыкали и несли яйца, как и положено птицам (его рисунки с павлинами есть в Катином сборнике). Цитаты из третьей песни:

Хоть дьявольская затея,
хоть божеская услада...

Но бездна души — беспредельна,
в неё так легко провалиться.
Носите же крест свой нательный,
гарцуйте у края, Дробицкий!

«Необычайная простота, необычайная ясность — удивительнейшее качество гениального ума» (Н. Г. Чернышевский). Как верно! Точность, афористичность — характерные черты поэзии Кати Яровой. Как у Тютчева, как у любимого ею Грибоедова. Ниже несколько примеров.

О совести: «А у твоих детей всего хватает, кроме совести и денег». «И оценить нельзя его/ Души весомость,/ Когда не весят ничего/ Ум, честь и совесть». «Только совесть вопросом прорастет сквозь быльё». Последняя цитата — из «Песни про моё поколение». Обычно поколениями, заявившими о себе в трудные или

героические времена, гордятся — либо считают их потерянными, жалеют. Катя не щадит своих ровесников:

Обмануть себя просто —
Нет с «потерянных» вопроса...
Только совесть вопросом
Прорастет сквозь быльё,
И душа на мгновенье
Вспыхнет, как на рентгене, —
Тут не спишешь на время
Прозябанье своё!

«Мы крепиться должны неустанно и должны неустанно крепить». (Моя запись 10 августа 2002 года, основанная на собственном опыте: «Универсальность формулы “мы крепиться должны неустанно и должны неустанно крепить”. Попробуйте написать своему сенатору или конгрессмену, и, если они не особо честные, серьёзно относящиеся к своим обязанностям люди, получите именно такой ответ. А правительственные чиновники только переменят время и модальность глаголов: “мы неустанно крепим и будем крепить еще больше”».)

«Страшнее войн средневековья наш современный геноцид».

«А дикарей нельзя любовью ни укротить и ни унять».

«Невинным не может вторжение быть, хоть как ты его назови».

«Всю планету загоним в могилу и погибнем, сражаясь за мир».

«Мы за кого не знаем сами голосуем, скорбим, когда потребует страна».

«А тот, кто молотом не смог, тот наковальной стал».

«Как слабы на фоне ветра наши лица и города». (Я вспоминала это во время разрушительных ураганов «Катрина» и «Сэнди» в США.)

«Какими будут ваши увлечения? Людей ли вешать иль на грудь медали?»

«Нигде другой такой страны не сыщешь, что над собою громче всех смеётся».

Придуманый ею гибрид «генпрезидент по имени Горбуш» (Горбачёв и Буш, песня «Амерос») прижился, шутка распространилась, хотя люди зачастую не знали, кто автор.

Ещё одна черта отличает Катину поэзию: она обладает настолько яркой образностью, эмоциональной и смысловой насыщенностью такого накала, что сохраняет силу воздействия даже в переводах на иностранный язык, неизбежно ведущих к потерям звуковой и ритмической основы стиха. При переводе может до некоторой степени потеряться и национально-культурный подтекст, но оригинальность поэтического видения и энергия стиха таковы, что неизбежные потери достоинств поэтической формы не так уж важны. Иногда драматизм даже усиливается за счёт, например, отсутствия суффиксов и невозможности точно передать сленг, которые в оригинале имеют снижающий эффект. Такая универсальность Катиной поэзии особенно ценна в наш век, когда растут международные связи и увеличивается взаимное влияние культур. Я была свидетелем реакции американцев на её выступления и стихи. Мой коллега Лэрри Б., инженер и литератор-любитель, не слыша мелодии и Катиного голоса, а только прочитав английский перевод песни «Не упускай меня сквозь пальцы, как песок», сказал: «Если прочитать такое среди ночи, это может быть опасно», — настолько эмоционально он воспринял текст. А после чтения текста песни «Настанет день» объявил, что ему захотелось выучить русский язык, чтобы прочесть это по-русски.

В поэзии Яровой можно найти размышления о картине мира, о роли прогресса. Научная терминология проникает в её лирические песни («а между нашими руками есть рифма вольтовой дуги», «мы прижмёмся друг к другу каждой клеточкой кожи»). Из моих заметок: «Читаю “Урожай и посевы” Александра Гротендика¹ и поражаюсь: во многом он Катин двойник. К любому его рассуждению о природе творчества, о признании, о миропорядке я могу процитировать Катини стихи или

---

¹ Александр Гротендик (1928–2014) — выдающийся французский математик. Многие считают его величайшим математиком XX века. Родители его были пацифистами и анархистами. Отец, русский еврей, погиб в Освенциме, он сам с матерью-немкой жил ребёнком во Франции в лагере для интернированных. Из-за своих политических взглядов ушёл из института, где работал, оставил математику, жил в уединении, занимался физикой, биологией, экологией и эзотерикой. Его обширные воспоминания вызвали большой интерес (*Прим. автора*).

записи из рабочей тетради. Даже лексика и образы те же! (Это подтверждает мои мысли о познании истины и связи с этим языка, а также об универсальности Катиного творчества.) Он даже говорит о мурашках!»

Запись 6 ноября 2003 года: «“Даже мыслей волна изменяет структуру небес” — как глубоко, как современно... Мои наблюдения о странной взаимосвязи слов и явлений, как будто одно притягивает другое такое же или похожее. Например, сразу после гуляния с Игорем Ш. в Москве по Остоженке и Садовому кольцу к храму Христа Спасителя я получила от друзей нашей семьи в подарок книгу Виктора Шкловского, где первое, о чём прочла, — его прогулка по тому же маршруту».

По характеру поэтики Катя была в пушкинско-некрасовском русле. (О своей любви к Некрасову говорили также близкие ей Галич и Высоцкий.) Крупницы пушкинской поэзии щедро рассыпаны по Катиным песням: «душу заполнить светлой печалью»; «одна “звезда” сменить другую спешит — не разглядеть лица»; «но не хочу, о други, умирать, ядрёна мать»; «где счастья верные приметы свобода, праздность и любовь» и так далее.

Как всякий истинный поэт, она не боялась языка. Внутренняя свобода, без которой не может быть поэта, проявляется и в обращении с языком. Пушкин ввёл в русскую литературу язык улицы. До него «официальная» поэзия придерживалась «высокого штиля», который после этого быстро и безнадежно устарел, хотя предшественник Пушкина Барков, не чуравшийся разговорного языка, звучит вполне современно и сегодня. Философ и литературовед Владимир Кантор, анализируя в статье о Карамзине споры начала XIX века о путях развития языка, писал: «Пушкин видел русский язык глубже и точнее этих спорщиков. Пушкин писал Вяземскому: “Я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения”. Тем более, что французская утонченность, однако, не помешала состояться зверствам Французской революции».

Отзвуки современного сленга, языка улицы можно найти у Мандельштама и Бродского. Об отношении Ахматовой

к языку оставили свидетельства Анатолий Найман, Эмма Герштейн, говорил об этом и Бродский: «А когда она обращается к современности, то здесь её интересует не столько она сама, сколько выразительность современного языка, современных выражений. Люди, мало с ней знакомые, привыкли думать об Ахматовой как о царственной даме, которая говорила на языке Смольного института. В то время как Ахматова обожала все эти, как говорится, “выражансы”: “вас тут не стояло”, “маразм крепчал”».

Катино «слово пробую на вкус» — творческая лаборатория поэта. Её отличало отсутствие снобизма по отношению к языку, любовь к родной речи, без которой не может быть и настоящей любви к людям. Речь её не была искусственно-гладкой, но не была и вульгарной. Это была современная живая речь. Стихи растут из сора — и словесного, и биографического. Это как удобрение. Стерильность жизни и стерильность речи могут вылиться в учебник грамматики, но не в стихи. Вот строки из песни «Ленивые пальцы»:

..Уценка любви
Стрептококки в крови
Дистрофия мечты
Девальвация тайны
Газетные утки
Фарца
    Проститутки
Полевые цветы
Дорогие путаны

Путевки в соцстраны
Кафе
    Рестораны
Карате
    НЛЮ
        Сыроеды
            Аскеты
Валютные бары
Случайные пары

Космонавты
Циклоны
Брейк-дансы и скейты

Закрытые сауны
Чахлая фауна
Массивные серьги
Диатезные дети
А Солнце пылает
Лучи посылает
Качает энергию
Нашей планете!

Черета назывных предложений, как у Блока («Ночь, улица, фонарь, аптека...») и Фета («Шёпот. Робкое дыханье...»), представляет мозаику позднесоветской жизни. Появившиеся в заключительных строчках глаголы накачивают оптимизмом финал.

В рабочей тетради у Кати есть наброски песни:

...У педикюрши Ниночки
Глаза как будто льдиночки.
«Живу одна
И всё сама —
Какая ж это жизнь?
Был первый муж —
Объелся груш,
Второй за гуж —
И тот не дюж,
А третий спал,
И пил, и жрал,
Ну я ему: «Катись!»

Был у меня любовник слесарь Коля,
Он приходил ко мне срезать мозоли.
Такой мужик, балдёж, ваще, экстаз —
Мне подарил в цветочек унитаз.
Но водку жрал, скотина, как из бочки...
Такая жизнь, такие заморочки.

В небольшом черновом отрывке — срез жизни того времени, его быт, язык. Сатирическое изображение? Но вот конец:

У педикюрши Ниночки,
Хорошенькой блондиночки,
Шмотьё и вкус,
И пышный бюст,
И лёгкий перманент.
И все ей улыбаются,
Понравиться стараются,
Уже давно
Зовёт в кино
Её знакомый мент.

А у меня ни денег нет, ни перманента,
И я всё жду удобного момента,
Когда не выжать из себя ни строчки,
Когда совсем дойду уже до точки,
И если жизнь покажется мне скушной —
Я брошу всё, подамся в педикюрши.

И это не просто для красного словца, ведь она действительно брала в Москве уроки макияжа и маникюра перед отъездом к мужу в Америку в 1992 году. Даже в сатирических жанровых зарисовках в ней живо сочувствие «маленькому человеку».

Другой пример творческой лаборатории — три песни, написанные 18 июня 1990 года в Амхерсте. В этот день Катя пишет ёрническую

Генут, товарищи, генут —
Пора кончать базар.
Два пятака найдётся, друг,
Чтоб мне закрыть глаза?

...Но не хочу, о други, умирать,
Едрёна мать!

И тут же почти сентиментальную, если бы не трагизм ситуации и мудрое принятие судьбы, «Когда настанет мне пора с тобой проститься...»:

Когда твоей руки листва коснётся,
Моей улыбкой кто-то улыбнётся,
Когда к тебе мой голос донесётся
И взглядом глаз моих зазеленеет даль,
Ты вдруг поймёшь, что я с тобою рядом,
Что на тебя гляжу небесным взглядом,
Что просто стала я травой, садом...
И не коснётся пусть тебя печаль.

А потом — совершенную в своей простоте «То живу я в доме этом, то живу я в доме том...». Она нащупывала интонацию. Образ «и в небе облаком прозрачным раствориться» из второго текста был ею использован в последней песне, написанной в Коламбусе: «Видишь, я стала чуть легче чем облако» и «Я ещё видима, можно дотронуться лёгким касанием, прежде чем я растуруюсь навсегда».

Продолжим экскурсию по Катиной творческой лаборатории. О близости её поэзии к фольклорным стихотворным формам я писала в статье «Не поставив последнюю точку». Эта родство естественным образом проявляется и в песенности её стихов. Так, она редко пользуется переносом как приёмом, в отличие от многих современных поэтов. Перенос — преодоление ритма, он нарушает звуковую инерцию, необходимую для пения. (Некрасов, один из самых «песенных» поэтов, редко использует перенос.) Близость к народной поэзии проявляется и в лексике. В РТ есть два черновых наброска, которые могут служить примером, «Мне мама говорила...» и «Раз любила...»:

Раз любила, два любила, три любила.
Как плутала, как устала, как постыло...

Раз терялась, два терялась, три терялась.
А потом всё это снова повторялось.

Раз уверилась, другой, потом и третий,
Только вырвалась, попалась в те же сети.

Раз вернулась, два вернулась, три вернулась.
А потом бежала и не обернулась.

Тройные повторы характерны для народного устного творчества. И на фоне простоты и предсказуемости построения стиха — словесная игра: через объединение первых двух слов в начале каждой строфы подтекстом проступает история отношений: разлюбила, растерялась, разуверилась, развернулась — своего рода акростих.

Яровая мастерски владеет языком. «К топорам привыкли руки,/ что за Русь без топора?/ Мы без всякой там науки/ врубим враз компьютера». Сравним первые две строки с двумя следующими — они контрастны в образах и лексике, которые привязаны ко времени: время топоров и время компьютеров, а звуковой повтор «ру-ра» работает как связь времён и смыслов. Другой пример изошрённой фонетической игры — «Властитель дум и душ ловец». Фраза, несущая глубокий философский смысл, построена на изящной симметрии аллитерации: вла-ду-ду-лов.

Исследование потенциальных возможностей языка проявляется у Яровой в многозначности слов. Она использует и пересекающиеся или «перевернутые» идиомы, и фонетическую и морфологическую потенцию слов (предверие — преддверие). Юмористически обыгрывается в «Венке сонетов» двузначность слова «держава»: «себя, как целую державу, корону, скипетр — к ногам»; «но слишком велика держава, корона давит, трон высок...» Устойчивые словосочетания «целая держава», «велика держава» привычно употребляются для обозначения большой страны, государства, но в одном ряду с короной, которую швыряют к ногам и которая «давит», то есть, мала или слишком тяжела, проявляется второе значение слова: держава — золотой шар с крестом или короной, символ власти монарха.

Ещё примеры игры со смыслами. «Любовь с тобою нас свела сама,/ Сама же нас с тобой свела с ума». В переносном смысле «свела с ума» означает — влюбила в себя, покорила, обворожила, в прямом — довела до сумасшествия, следствием чего может быть

потеря любви. «Лишь смерть должна была нас разлучить, любовь нам приказала долго жить». Тут и любовь до гроба, и долгая жизнь в любви и согласии, и конец (смерть) любви (выражение «приказать долго жить» значит «умереть»). «Язык эзопов словно бес попутал нас — вот наказанье» — признание того, что многие запутались в попытках не говорить правду открытым текстом, и поговорка «бес попутал», выражающая насмешливое осуждение этого. «Только совесть вопросом прорастёт сквозь быльё». Поговорка «было, да быльём поросло» означает — надёжно забыто, упрятано в прошлое, «закатано в асфальт», но, несмотря ни на что, сквозь трясину забвения пробьётся на свет совесть. Как Катя пишет в другом стихотворении, «трава прорастёт сквозь асфальт с бесконечным терпением».

Песня «Про Родину-мать» — вся на двойном смысле, причём это не эзопов язык, а умело используемые идиомы и образы: живём в дерьме («в мокрых пелёнках»), то, чем нас кормят, — жидкая каша, сказки, да ещё рот затыкают пустышкой. Всё варево плотно закрыто железной крышкой. Куда уж плотней — это было время железного занавеса. (В РТ более поздняя, очевидно, заготовка: «Ну а занавес железный стал дюралевым».)

Двойственность присутствует и во фразе «будто кто нашептал и напел» из песни «Вот опять заморочит метелью...». Первый смысл — романтический: шёпот, напев намекают на тайну, мечту, гармонию, любовные отношения, второй — иронический, как в выражениях «нашептали бабки», «чего тебе тут напели» и т.п. Катя контекст не расшифровывает, только обозначает — в этом тоже характерная черта её поэзии. Тогда же было написано стихотворение (или песня?) «Да, любовь, как время — деньги...» (РТ):

Кто там сверху? Побыстрее крутите шарик, мочи нет!
Чтобы дни быстрее летели, чтобы кончились метели —
До апреля в самом деле каждый день за десять лет.

До того самого апреля, который «задуриет и поманит, и качнёт от небес до небес». Эти тексты явно перекликаются — значит, именно «тот, кто сверху», морочит героиню «метелью, новогодней пустой игрой, золотой своей канителью и стеклянной своей

мишурой». Слова «канитель» и «мишура» тоже несут двойную нагрузку. С одной стороны, это ёлочные украшения, создающие праздничное настроение, с другой — канитель как возня и пустые хлопоты, мишура как показной внешний лоск («постылой жизни мишура» в «Онегине»). Так предельно лаконично, используя многозначность слов, выражает Катя свои надежды и сомнения в декабре 1989 года. Она собиралась ехать в Америку, выйти замуж в пятый раз... Конец — «И проступит, как лик на фреске, голос тот, что шептал и пел...» — это уже не любовная песня. Не стало у неё таких песен о любви, как раньше. У посвящений Александру Вайнеру совсем другой настрой: «Любить тебя — как будто в прорубь/ Нырнуть — и весело, и страшно».

Иосиф Бродский: «У Цветаевой звук — всегда самое главное, независимо от того, о чём идет речь. И она права: собственно говоря, всё есть звук, который, в конце концов, сводится к одному: “тик-так, тик-так”. Шутка». Катя по-своему приходит к этому в песне «Зачем мы все живём начерновую»: «И самый непреклонный, самый страшный, звук незаметный — тиканье часов». Её восприятие времени двояко: это и философская, и историческая/физическая категория. Но может быть и то и другое вместе. Текст песни «Дни сентября» — развёрнутая метафора жизни:

Но вот уже деревья гаснут свечи,
И меркнет свет, и тени вырастают.
Уходит день, переплавляясь в вечер,
Еще минута — и его не станет.

Зари вечерней свет багрово-медный,
Мгновенье — и всё скроется во мгле.
Уходит день. Не первый, не последний,
Еще один день жизни на земле.

Порядок слов как временных категорий подчёркивает, как неумолимо бежит время: день — минута — мгновенье — уход (исчезновение). В то же время само это понятие — время — нелинейно, неоднозначно, субъективно, как в песне «Что нам разлука в три недели?» или в этой заготовке из РТ:

А встреча наша длилась целый миг,
Разлука наша будет всего лишь век...

И там же: «Время измеряется не часами, не годами, а ветром, светом, взглядом, горем, счастьем, стихами, Пушкиным, Гоголем, etc. Несовершенно времяисчисление».

Слово «лик» — один из излюбленных ею образов-символов.

Измена лик имеет скорбный.

С плача прихода до скорби ухода
лик наш становится неузнаваем.

И переписывает лик,
не зная воскресенья.

И время поменяет лицо на лик.

Мазком округлый детский лик
на чистый холст положит...

И, пожонглировав словами,
Загоним мы себя в тупик...
Но, словно белый флаг, над нами
Взойдет округлый детский лик.

Хотя для поющих поэтов не типичны эксперименты с формой, у Яровой, как я уже говорила, они встречаются. Особо хочу отметить, как мастерски сделана песня «Зачем мы, сёстры, белокуры...» — и строфа, включая ритм и способ рифмовки, и мелодия, и содержательный посыл:

...Нас на Кавказе ждёт удача
и много литров чачи.
Мы здесь так много значим,
как отдохнуть иначе?
У нас здесь только две задачи —
любовь и шашлыки.

Наш пыл и море не остудит,
ведь бабы тоже люди,
за это нас и любят.
А те, кто нас за то осудит,
те просто пошляки —
пусты их кошельки!..

В нижеприведённой схеме буквы означают рифмующиеся строки, цифры — количество слогов в каждой строке:

А 9
А 7
А 7
А 7
А 9
В 6
С 9
С 7
С 7
С 9
В 6
В 6

Как искусно сопряжены две половины строфы! Последняя укороченная (шесть слогов) строка первой половины рифмуется с двумя последними, тоже короткими, шестисложными, строками второй, скрепляя конструкцию.

Интересно музыкальное решение: скачки на октаву в начале строк с девятью слогами чередуются с мелкими шажками секундных интервалов в остальном тексте. Тональность первой половины строфы (до «наш пыл») — ре минор натуральный, переходящий в мелодический. Во второй половине строфы натуральный ре минор переходит в ре мажор через встречный фа диез и в конце возвращается в мелодический минор. Мелодический минор позволяет осуществить повышение на полтона (си, до диез) при восходящем движении и обратное их понижение на полтона (до, си бемоль), т.е., возвращение к натуральному минору при нисходящем. Это, как и короткая вылазка в мажор, разнообразит монотонность движения и соответствует смысловому развитию текста.

При всей ироничности, это не просто сатира на поездки «блондинок» в отпуск «на юга» — об этом говорят романтические воспоминания героини по возвращении:

Мне долго ещё будет сниться,
лишь я сомкну ресницы,
загар твой золотистый,
над кортом белоснежной птицей
взлетает мячик твой,
как будто бы живой...

Катя говорила мне, что ей советовали выбросить эти строки. Я же поддержала её версию: именно это делает песню уникальной, с сочувствием «маленьким человекам» с их маленькими радостями жизни и несбыточными мечтами о любви.

Мастерски сделана и простая на первый взгляд «Песня»:

В последний раз я окунусь и побегу, волос не осушив.
Закончен час воскресный мой, каникулы души.
И в море морду окунув, все так же будет плыть Медведь-гора.
И чайки с морем не расстанутся, а нам — пора...

Упругий, стремительный ритм раскачивает каждую строчку туда-сюда, туда-сюда, так что они совсем не кажутся длинными. Как прыжки через скакалку, как разбег — бултых — на берег. Аллитерации предпоследней строки в быстром темпе звучат, как скороговорка. То же самое во второй строке следующей строфы: «Прощайте, гроты, крабы, мидии, медузы, нас зовут дела». А перед этим — «Забудут солнца поцелуи, ласки волн тела...» Эти поцелуи летнего солнца в сочетании с ласками волн создают волнующий, чувственный образ, дающий физическое ощущение лета, юга, моря, беспечности, влюблённости... И всё это без нажима, сентимента, аффектации, беглой скороговоркой — лишь в конце строки протяжная гласная, как передышка.

Рядом с этими размышлениями в моих записях — цитата из книги «Шёлк и сталь. Женская тема в жизни и творчестве Зеева Жаботинского»: «Всё, что есть на свете хорошего, всё ведь это ласка: свет луны, морской плеск и шелест ветвей, запах цветов или

музыка — всё ласка. И Бог... Он, вероятно, тоже ласка. А лучшая и светлейшая ласка называется “женщина”.

Один из почитателей творчества Яровой, Вадим Р., заказавший у меня кассету с песнями «своей любимой Кати», написал мне с трогательной искренностью, что «был восхищён её профессионализмом и красочностью изложения, после чего вынужден признать: таким ярким талантом может обладать только женщина. Мужчин таких не может быть вообще».

Миф Кати Яровой

Вокруг имени любого человека, внесшего сколько-нибудь заметный вклад в жизнь общества, неизбежно возникают свои мифы и легенды. Виктор Гюго писал: «У истории своя правда, а у легенд — своя... Правда легенд — это вымысел, стремящийся подвести итог явлениям действительности. Впрочем, и легенда и история обе идут к одной и той же цели — в образе преходящего человека представить вечночеловеческое». На пустом месте легенду не построишь. Она рождается там, где есть талант, самобытность, судьба. Понятия легенды и мифа частично перекрываются. Джордж Шёпфлин говорил, что «главное в мифе — это содержание, а вовсе не соответствие историческим свидетельствам». Есть свой миф и у Кати Яровой, обобщающий то, что делает её уникальной. Миф пишет сама судьба. Но и Катя, сознательно или неосознанно, этому помогала, отсюда «я по звёздам, как по нотам, пропою свою судьбу». А в ироническом посвящении себе в сентябре 1983 года писала:

Душеглотательница

неистовая.

Иллюзионистка

с гитарой лаковой.

Звезды монистами

в руках позвякивали.

В губах сигаретка...
Судеб повелительница —
Сивилла? Субретка?
Мифотворительница.

При жизни её знали, в основном, «в оригинале», по её концертам. Она почти не издавалась и не тиражировалась: были любительские записи, считанные публикации её стихов, несколько передач с её участием. Во время своих выступлений она представлялась как бард, говоря, что мелодия приходит к ней вместе со стихами, и обычно стихи для неё — это неудавшаяся песня. Но иногда говорила, что она поэт (шутливо добавляя, что так написано у неё в дипломе, а то бы она не называла себя таким высоким именем), который пишет к своим стихам «так называемую музыку» и исполняет их под гитару. Она придумала определение для себя и себе подобных — бродячий поэт, связывая таким образом свою родословную с многовековой традицией бардов и менестрелей. Это определение — кирпичик в её миф. Возникновение мифа вокруг её имени вдвойне логично — и потому, что это характерно для творчества бардов и менестрелей, распространившегося в основном устно, и потому, что в какой-то степени мифологизирование неизбежно, когда столь незаурядного человека уже более четверти века нет в живых.

На концертах Катя рассказывала, что в юности ни стихов, ни песен не писала, первые песни родились после рождения ребёнка: с годовалой дочкой она поехала отдыхать на юг и там «ни с того ни с сего за месяц написала сорок песен». На самом деле она и до этого писала и стихи, и песни, но с рождением дочери произошёл расцвет, качественный скачок. Но многие понимали её рассказ буквально. Так, в 1991 году я поздравила её с десятилетием творческой деятельности, а она сначала даже не поняла, о чём речь, пришлось напомнить. Уже когда её не было, я прочитала и услышала её ранние стихотворные и песенные опыты. Не знаю, сама ли она решила именно так представлять начало своего творческого пути, отбросив ранние «пробы пера», или кто-то ей подсказал, но выглядело это, конечно, эффективней и оригинальней, чем если бы она описывала произошедшее «близко к тексту». В рамках мифа Кати Яровой эта байка, немного

приукрашивающая действительное течение событий, выглядит уместно и органично.

В Катиной судьбе нет ничего случайного, я неоднократно в этом убеждалась, и вольно или невольно, часто помимо желания, люди втягивались в её орбиту. Вот что писала журналистка Белла Езерская, пришедшая на мою первую презентацию Катиной книги: «Я просто хотела провести приятный вечер, на время отвлечься от собственных невзгод. А получилось, что незаметно для себя была вовлечена в непростую чужую судьбу».

То, что Катя отменила свой приезд к нам в мае 1992 года и уехала в Москву, не увидев моей статьи о ней, закономерно в логике её мифа. Ведь эта статья, в сущности, была ей тогда не нужна. Я написала её по собственной инициативе — это мне, а не ей, она казалась необходимой. Но когда через пару месяцев статья ей понадобилась после плагиата Катиных песен в газете «Час пик», она идеально встроилась в череду событий, предначертанных судьбой.

То же самое произошло с изданием посмертного сборника. Сколько было переживаний, когда не выгорело издание книги в 1990-е годы с помощью спонсоров! А в результате Катина книга стала народным проектом. Из статьи Беллы Езерской: «У книг, как и у людей, своя судьба. Оставшись сиротами после смерти своих родителей-авторов, они без посторонней помощи могут погибнуть. Кате повезло: с концом её жизни любовь к ней и её поэзии не кончилась... Судьбой Катиного наследства занялась женщина, с которой Катя познакомилась в 1990 году. Их встреча была случайной, но оказалась судьбоносной. Татьяне Янковской дали послушать кассету с Катиными песнями, и она пригласила Катю выступить в своём доме в Олбани. Попав во власть Катиного обаяния и таланта, она написала статью о её творчестве... Статья Янковской фактически — литературоведческое исследование. Достоинство удивления и восхищения, что такую серьёзную работу написал не профессиональный литератор, а химик, заведующий лабораторией на одном из крупных химических предприятий. В издание книги была вовлечена вся семья... Текстологическую работу, сбор материала, сбор средств и общее руководство осуществляла Татьяна Янковская, со-редактор-составитель. Для того, чтобы довести такую гигантскую работу до конца, ей пришлось преждевременно уйти на пенсию. Корректуру держала

сестра Кати Елена, корректор по профессии. Она же была со-редактором-составителем... Список людей, пожертвовавших деньги на издание книги, занимает целую страницу. Катина книга оказалась "дочерью полка". Полка умных и интеллигентных людей, которым небезразлична посмертная судьба талантливого поэта. Одновременно с книгой вышел первый диск песен Кати Яровой. Скоро выйдут ещё два. На всё это ушло десять лет. Бескорыстными усилиями энтузиастов вышла эта прекрасная книга. Она не исчерпывает всего творчества Кати Яровой и содержит обращение ко всем, у кого могут сохраниться рукописи или записи песен, не вошедших в сборник. Отзовитесь!»

Финансирование книги предвосхитило популярный сейчас краудфандинг, а также отразило важнейшую движущую силу в сохранении наследия талантливого барда — стихийную, народную любовь. Это отличительная черта именно Катининой поэтической судьбы: в ней стремились принять участие и оказывали реальную бескорыстную помощь не только родственники, друзья и поклонники уже признанного таланта, как это обычно бывает, а рядовые любители русской поэзии и авторской песни, которые были захвачены водоворотом несомненного, хоть и не раскрученного таланта, его магической силой. Охотно помогали, чем могли, и люди известные, добившиеся успеха в своей области, которых не оставила равнодушными судьба этой удивительной женщины. Всё это — камень в фундамент мифа Кати Яровой.

То же самое получилось, когда я попыталась организовать сбор средств на её лечение через «Новое русское слово». Как я упоминала выше, печатать призыв о помощи газета отказалась, согласившись лишь на публикацию стихов и пообещав выделить некую сумму из своего фонда. И вот в последний момент, когда номер со стихами и моей статьёй должен был идти в печать, из Москвы непонятными окольными путями пришло обращение, составленное друзьями Кати и подписанное цветом творческой интеллигенции, которое было добавлено к публикации. Произошла синергия яркого, пусть малоизвестного, таланта с магией имён, пользовавшихся любовью и доверием у читающей публики, что многократно усилило эффект публикации.

Жизнь в Красном уголке — тоже часть мифа, написанного судьбой, использованная Катей «на все сто» как повод для творчества,

размышлений и для «воспитания» как аудитории, так и тех, кто предлагал напечатать эти стихи с цензурной правкой, что она категорически отвергала. До распада страны она своими политическими песнями помогала преодолевать «разруху в головах», но когда процесс зашёл слишком далеко и люди начали без разбору крушить всё вокруг, она взяла паузу. Вопреки ожиданиям многих, Катя не стояла на танке рядом с Ельциным и Евтушенко в августе 1991-го. Так распорядилась судьба, но это тоже было закономерно в рамках её мифа — ведь вскоре она устроила публичные похороны своих политических песен, а мне писала с иронией о распространённых тогда настроениях: «Тусоваться на баррикадах интересней, чем работать».

В телеинтервью Арону Каневскому за три месяца до смерти Катя сказала, что её политические песни — это «всегда немножко “плюс”, как в театре — на галёрку... Я играла роль борца за независимость и свободу. Хотя я всегда была за независимость и свободу. Но всегда немножко такого экстремизма, напористости какой-то». Из-за этих песен у неё при жизни не вышло ни одного аудиоальбома, потому что давать одну лирику она отказывалась («мне предлагали только пол-лица своего показать»), а политика не проходила из-за цензуры. Полагаю, что Катины политические песни не столько пол-лица, сколько отдельное лицо, даже, может быть, театральная маска. Два лица, два плодоносящих лона бродячего поэта, чьё творчество по природе своей сродни театру, балагану. Сам факт публичных похорон политических песен в 1991 году подтверждает, что они занимали особую нишу, — она писала их тогда, когда они были нужны людям. Похоронить лирические песни значило бы похоронить себя.

Лишь много позже я поняла, почему она устроила эти похороны. Есть время собирать камни и время разбрасывать камни. Мир стремительно менялся, и наступало время, когда нужно было начать собирать то, что было разрушено и разбросано. Она критиковала недостатки своей страны, когда это было небезопасно и требовало незаурядного мужества, но когда все кому не лень начали ругать и рушить страну, где они жили, она не захотела в этом участвовать и *заявила об этом публично*, для чего нужно было не меньшее мужество. Так же не принято было в то время критиковать Америку, а она высказала вполне справедливые

критические замечания в интервью Инне Кошелевой в январе 1992 года. Она всегда была на шаг впереди устоявшегося в массовом сознании мировоззренческого шаблона. Её высказывания и поступки были «на вырост», на будущее. Это тоже часть её мифа. Загнать её сегодня в узкие доспехи политических песен было бы несправедливо по отношению к ней, она это понимала сама и давала понять другим, хотя раньше эти песни были её «коньком». Из интервью Кошелевой: «Не хочу застрять в своём бардизме, как солдат застревает в военных своих годах, которые были полны для него смысла потому, что на него смотрело всё общество». И далее: «И когда мы вместе выйдем на новый уровень понимания мира, возможно, я напишу новые, не похожие на сегодняшние, мои стихи. Или — не напишу».

Умение независимо мыслить и творческая интуиция давали ей ясновидение, а голос был «двух стран усилен стереоэффектом». Катя перестала писать «песни протеста», как она их называла, но не перестала видеть и размышлять. Настоящий поэт не выбирает, о чём писать. Он выбран (избран) говорить миру. Он не ищет тем, они сами находят его. Катя не заботилась о том, чтобы «не уронить себя» политическими и социальными темами. Её гражданские стихи — рупор истории. Она не пророчит, а провидит, и то, что она (про)видит, даёт ей перспективу. Она не предлагает людям невозможное, а подводит их к тому, что они могут. Она выстраивала пространство свободы — сначала от страха, потом от злобы и ненависти, настраивающих на разрушение. Олдос Хаксли в книге «Возвращение в дивный новый мир» писал в 1958 году, как быстро развиваются методы контроля над умами, ведущего к разрушению личной свободы, и что человечество должно учиться свободе, пока не поздно. Катя занималась таким образованием. «Песенкой об антиалкогольном указе» она лечила людей в начале перестройки от «кольчугинского синдрома» — синдрома страха. Начинала с себя. Пример — исполнение ею песни «Афганистан» в ташкентском госпитале для раненых. Она обливалась потом от страха и всё-таки спела — иначе это было бы малодушием, говорила она. У неё было *много* души, поэтому компромиссы, отступление, трусость были ей органически чужды, как и *равнодушие*. Она принимала как дары, так и удары судьбы, не

уворачиваясь и не прячась от переживаний за ширму «своей душевной лени». Как рождённый ползать летать не может, так и рождённый летать не может ползать, пресмыкаться. Может, и хотела бы не знать, не видеть, но уж такой родилась. Играть с огнём, дразнить гусей было ей свойственно — в творчестве. «И я пою на злобу дня, пока хватает этой злобы». Сегодня злоба стала повседневностью в буквальном смысле, разные группы людей очень умело восстанавливают друг против друга, даже стравливают. Катя гораздо раньше увидела, что это тупик, манипуляция. Критика — да, но без «чернухи», без смакования грязи и убожества. Через тернии к звёздам, а не наоборот.

В нашем тесном углу мироздания
Лучше в небо глядеть, не под ноги,
Чтоб не определялось сознание
Бытием нашим слишком убогим.

В интервью Каневскому Катя высказывалась против арестов, посадок и тем более («боже упаси!») расстрелов коммунистов, к чему многие тогда призывали. Сказала, что её строчка «станут все, кто был в ЦК, когда-нибудь зека» — пример того, что она «к сожалению, для красного словца не пожалеет и отца» — то есть, тот же «экстремизм для галёрки». И правда, победитель дракона легко может сам стать драконом, и снова могут пострадать невинные. На вопрос о том, что же делать с этими людьми, ответила — «ничего, оставить их в покое, пусть бизнесом занимаются, если могут, собираются на кухне, издают газету “Правда”». Может быть, в этом проявляется её женский, материнский подход к мироустройству. У неё изначально превалирует человечность, настрой на жизнь, на созидание.

Частью мифа является и то, каким Катя была другом, какой она была женщиной — в семье, в быту, в отношениях с людьми, с любимыми мужчинами. Таня Зуншайн говорила мне, что Катя была самой практичной из всей семьи. В том же духе высказался и Юрий Юрченко на вечере памяти: «Вот здесь говорят — неземная, неземная... А мне как раз нравилось, что она земная!». Её вкус, умение создавать уют из ничего отмечали все. Это заметила и Инна Кошелева во время своего визита: «Мы устроились на “хрущёвской”

кухоньке — яркой, дизайнерски точно приспособленной для маленьких житейских радостей (чай, кофе, сигарета)».

Катя спросила тогда у Кошелевой: «Что вам больше нравится? Чтобы продавщица дарила вам улыбку, не испытывая никаких чувств? Или откровенно выражала вам своё неудовольствие?.. Саша (Вайнер — Т.Я.) предпочитает второе. Он больше всего ценит искренность как сущностное состояние человека и считает, что только в этом случае плохое состояние можно изменить, не пожалев собственной души. Подлинный контакт ценен. Я, кстати, проводила опыт. Со злоющей продавщицей за прилавком поговоришь и расположишь её к себе».

В том последнем интервью Каневский спросил у Кати: «Любили ли вы когда-нибудь?» Она отвечала, что любовь, по её мнению, это не просто любовь к какому-то конкретному человеку, это состояние души, которое или есть у человека, или нет. У кого-то это может быть ненависть, равнодушие, пустота. «Моё состояние души — это состояние любви. Поэтому, если сказать, любила ли я когда-нибудь — конечно, я любила. Всю свою жизнь». Такой человек не мог уйти из жизни бесследно. Она сама сказала об этом: «Любовь не кончается, просто кончается жизнь».

Казалось, были все предпосылки к тому, чтобы Катя Яровая стала широко известной — если не при жизни, то потом. Но этого не произошло. Этот феномен — незаполненный пробел в фундаменте её мифа. Я уже писала о причинах её малой известности, но есть и другие, в том числе более глубинные. Возможно, Кате не хватало полного перевоплощения в героя своего времени, выполняющего запрос толпы — пусть небольшой, — которая могла бы сделать её своим кумиром. Она оставалась собой даже в песнях с явно не тождественной ей лирической героиней. А её политическим песням не хватает антироссийского пафоса, чтобы её подняли на щит определённые группы диссидентов. В них речь шла о конкретных недостатках и проблемах в СССР и на постсоветском пространстве, но многие из них, кроме самых специфических, свойственны планете людей в любой её точке. С годами более важным становится не злободневное, а эпическое в её песнях.

Сначала стрелы и копье,
Сегодня танки и ракеты,

А послезавтра вороньё
Лишь над обугленной планетой.

Всё больше дров, всё дальше в лес,
Иначе — в чем тогда прогресс?

...Мы рубим свой родимый сук,
В свои же попадем капканы,
Погибнем от своих же рук
В безумстве глупых великанов.

Чем дальше в лес, тем больше дров
Мы рубим для своих гробов.

Это относится и к таким известным политическим песням, как «Афганистан», где давно уже воюют совсем не те мальчишки, перед которыми она пела в ташкентском госпитале, и «Песня про моё поколение». В первой из них схвачена важная примета нашего времени: война стала зрелищем для потребителей индустрии развлечений во всём мире, которые «не мигая смотрят в голубой экран», «пьют чай и точат лясь», пока им показывают по телику, как где-то гибнут люди.

Может, и хорошо, что Катя оказалась в стороне от чрезмерного внимания когорт, сотворяющих кумиров, а затем с наслаждением низвергающих их. Не было возни вокруг её имени, которая мешала бы людям, открывшим для себя её песенную поэзию, просто любить её. О ней написано несколько десятков статей, и все — с любовью, тогда как многих кумиров позднесоветского времени старательно спихивают с пьедесталов, даже Высоцкого. А какая была любовь! Катя говорила мне, что некоторые женщины признавались ей, что испытывают оргазм, слушая песни Высоцкого. «Ревёт стотысячное стадо и рукоплещет стадион». А назавтра то же стадо подвергает остракизму вчерашних любимцев.

Цветаева, говоря о Маяковском и Пастернаке, отмечала «объединяющий их пробел песни. Маяковский на песню не способен, потому что сплошь мажорен, ударен и громогласен... Пастернак на песню не способен, потому что перегружен, перенасыщен и, главное, единоличен. В Пастернаке песне нету места, Маяковскому

самому не место в песне. Поэтому блоковско–есенинское место до сих пор в России “вакантно”... Для того чтобы быть народным поэтом, нужно дать целому народу через тебя петь. Для этого мало быть всем, нужно быть всеми, то есть именно тем, чем не может быть Пастернак... чем не хочет быть Маяковский: глашатай одного класса, творец пролетарского эпоса». Позднее вакантное блоковско–есенинское место занял Высоцкий. Народное начало присутствует у Кати, но и его она «пропускает через себя», индивидуализирует, исключая возможность «целому народу через себя петь». Она поёт от себя, хоть и выражая при этом чувства и мысли миллионов. Однако полного слияния с миллионами не происходит.

Думаю, её настоящее признание всё ещё впереди. Тим Сергэй назвал Яровую самым недооценённым бардом России, и должно наступить время, когда её наследие займёт подобающее место в пантеоне русской литературы и авторской песни. Высокие оценки её творчества и личных качеств звучали неоднократно, Катю считали «самой» не только в плане недооценки. Её часто сравнивали с Высоцким, называли «Высоцким в юбке» — в России это высшая степень признания для барда! Многие находили у неё общность с Галичем, имевшим огромное влияние в 60–70-е годы и оставившим глубокий след в истории бардовской песни в Советском Союзе. Белла Езерская писала, что Катя «оказалась единственным поэтом, кто написал своё семидесятническое мучительное “Печально я гляжу на наше поколение...”», и что ею написаны «самые проникновенные стихи о любви», которые Белле «приходилось когда-либо читать в советской поэзии». Евтушенко выделил её среди бардов 80-х годов, назвав «певшей от имени молчащих», а Джимбинов, отмечая Катину единственность, уникальность, поздравил её: «Вы создали такие ценности, которые уже остались, даже если вы сегодня умрёте». Всё это слагаемые её мифа, до сих пор ещё не дописанного. Не может поэт таких «необыкновенных творческих качеств и достоинств» (Губерман) так и остаться «самым недооценённым».

А пока по крупницам продолжается процесс узнавания поэта во всём диапазоне творчества. Этому помогает дочь барда Катя Рыбакова, которая исполняет в том числе и ранние мамины песни, не столь известные, поскольку в последние годы жизни

они не звучали в концертах и их нет на кассетах, которые Яровая записала для распространения. А это большой лирический пласт! В сохранении раннего репертуара, безусловно, помогает дочери Валерий Рыбаков, к спектаклям которого его жена писала песни. (В возвращении к слушателям песенного наследия Кати Яровой в полном объёме могут помочь аудиоархивы коллекционеров авторской песни.) Примечательно и то, что во Франции Катя Рыбакова поёт мамины песни в собственном переводе. Они звучат в духе любимого во всём мире французского шансона. Нам не дано предугадать, как отзовутся наши слова и дела, но и этот кирпичик займёт своё место в общей кладке мифа.

На концерте в Нью-Джерси летом 1990 года Катя говорила об СССР: «Я думаю, что ничего хорошего там не будет. Откуда там взяться хорошему? Из какого места? Я думаю, что всё будет очень плохо. Скорее всего, будет опять тоталитарный режим, и многие, кстати, будут довольны. Людей специально запугивают — например, накануне намеченной на 25 февраля протестной акции по радио объявляли: завтра будет страшный гололёд, не выходите на улицу. И люди боятся и не выходят, и всё спокойно, как в лучшие времена. “Ведь главное, чтоб не было войны”». А после года, проведённого в Америке, и августа 91-го она говорила уже иначе.

Меняются мировые декорации и актёры, но внутренние пружины, заставляющие функционировать человеческое сообщество, неизменны. Поэтому всё по-настоящему глубокое сохраняет своё значение на протяжении десятилетий, столетий, а то и тысячелетий. Не случайно Катя упоминает Гомера в своей песне, посвященной бродячим поэтам. Сегодня Катя Яровая может стать уже не жертвой, а закономерной частью нового «естественного процесса» — на этот раз процесса поиска реальных ценностей, происходящего и у неё на родине, и в мире. Она и сама была в состоянии духовного поиска перед своим уходом из жизни. След, оставленный ею, с годами будет всё отчетливее. «И проступит, как лик на фреске, голос тот, что шептал и пел...» — в этом тоже предвидение судьбы. Когда общество выйдет на новый уровень понимания мира, возрастёт и востребованность поэзии Кати Яровой, с её универсальностью, связью с традициями в сочетании с многоцветьем моментальных снимков, запечатлевших время

слова эпохи, со множеством лирических песен, которые станут спутниками жизни для нового поколения любителей поэзии. «Мой стих трудом громаду лет прорвёт и явится весомо, грубо, зримо...», — писал Маяковский. Катин стих прорвётся сквозь годы любовью — к жизни, к людям, к правде, к самой любви. «Не услышит имеющий уши, а имеющий душу услышит». Души должны освободиться от шелухи, и этому освобождению в сегодняшнем быстро меняющемся мире снова могут помочь песни Кати Яровой. Помочь — и остаться с теми, кто сумел обрести внутреннюю свободу.

Нью-Йорк, 2018 г.

Оглавление

Вступление	5
Знакомство	9
Почему я взялась за перо	30
Москва. Перемены.....	41
Катины истории	49
Второй приезд в Америку. Как её разбудить?	58
Проводы друга	69
Прощание	72
Круг друзей	75
А мне любовь нужна, как витамин	78
После Кати. Книга, диски, статьи, передачи.	84
Мои выступления	122
Жизнь после жизни	137
Вместо опровержения.....	142
Рабочая тетрадь.....	147
Ещё раз о творчестве Кати Яровой.....	148
Миф Кати Яровой	171

Янковская Татьяна Владимировна

КОГДА ДУША ЛЮБИЛА ДУШУ
Воспоминания о барде Кате Яровой.

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Е. А. Виноградова*
Корректор *Д. Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнездииковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by
в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl
в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/6. Усл. печ. л. 11,24. Печать офсетная.

Заказ № 3501

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Татьяна Янковская окончила химический факультет СПбГУ и аспирантуру ВНИИСКА, с 1981 г. живёт в США. Заведовала лабораторией в корпорации Honeywell. Литературной деятельностью занимается с 1990 г. Статьи и проза публиковались в периодике России, США, Израиля, Германии, Франции, Украины. Автор трёх книг прозы, лауреат международных литературных конкурсов. Редактор-составитель и публикатор сборника поэзии барда Кати Яровой (1957-1992) «Из музыки и слов», автор статей о её творчестве.

У Кати было драгоценное острое чувство современности. Молодая, красивая, обаятельная, с милым тёплым голосом и верной гитарой, что бы ни пела Катя — её всегда ждал успех. Её палитра оказалась многокрасочной — лирика и улыбка, ирония, переходящая в сарказм, а порой не по-юношески мудрые обобщения.

Лев Ошанин

Гражданский и поэтический подвиг Кати Яровой в том, что она пела от имени молчащих.

Евгений Евтушенко

Катя Яровая изумительно талантлива, человек необыкновенных качеств и достоинств — творческих, я её как человека, к сожалению, не знал. У неё изумительные песни — по чистоте, по распахнутости, по открытости, по таланту.

Игорь Губерман

